

Василий Звягинцев
Андреевское братство
Серия «Одиссей покидает Итаку», книга 6

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143865
Андреевское братство: Эксмо; Москва; 2004
ISBN 5-699-05679-3*

Аннотация

Судьба щедро наделила журналиста Игоря Росткина редкой способностью выходить сухим из воды в самых невероятных ситуациях. И, как водится, на испытания для него не поспешила. Чудом, оставшись в живых после встречи с зомби на тихоокеанском островке, Игорь и его возлюбленная попадают из родного XXI века в Россию 1924 года накануне контрреволюционного переворота. Их друзьями становятся Андрей Новиков и Александр Шульгин, взявшие на себя функции службы безопасности Реальности.

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	45
Глава 11	49
Глава 12	60
Глава 13	69
Глава 14	77
Глава 15	85
Глава 16	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Василий Звягинцев

Андреевское братство

Часть первая

Право на смерть

*...Не избежешь ты доли кровавой,
Что живым предназначила твердь.
Но молчи! Несравненное право —
Самому выбирать свою смерть.*

Н. Гумилев

Глава 1

Пожалуй, все-таки правы те, кто сравнивает космический полет с тюремным заключением. Сам я, правда, не отбывал — знающие люди рассказывали, зато весь последний год я не видел ничего, кроме пещер и куполов базовых станций на бескислородных планетах, кают и отсеков десантных крейсеров, а то и автоматических транспортов. И ни одного глотка нормального, естественного воздуха, и переменная гравитация, и все тому подобное...

Отвыкший от земного тяготения, от того, что бывает больше двух метров свободного пространства над головой, неуверенной походкой я спустился по трапу посадочного модуля на желтый пенобетон Критского космопорта и задохнулся от горячего, пыльного, но все же пахнущего близким морем ветра.

Утреннее солнце чуть не прожгло меня насквозь августовской мощностью своих лучей, сорокаградусная жара показалась невыносимой после неизменных кондиционированных двадцати двух по Цельсию.

К счастью, в пассажирском павильоне температура оказалась нормальной, и я смог перевести дух.

Увы, я отвык не только от земного климата. Умственные способности за время межзвездных скитаний тоже ощутимо ослабли, иначе отчего бы это не меньше минуты я беспомощно водил глазами по расписанию, тщетно пытаюсь сообразить, как быстрее и удобнее добраться до Москвы, чтобы четко состыковались все транзитные рейсы. В конце концов я просто ткнул пальцем в кнопку информатора, и он выдал серию оптимальных вариантов. Осталось только решить, что для меня важнее — цена, количество пересадок или время в пути.

Чтобы не ждать завтрашнего прямого рейса, я выбрал вариант с пересадкой в Стамбуле. Скоростной дирижабль отправлялся через полчаса.

Стамбульский аэропорт отнял остатки моей физической и нервной энергии. Казалось, весь Ближний Восток вкупе с Балканами сорвался с места, спасаясь от неведомой опасности, — столько здесь было мужчин, женщин и детей всех возрастов, рас и национальностей. Со всеми вытекающими последствиями в виде шума, суматохи, жары и запахов.

На последний сегодня московский экраноплан билетов не было ни в туристском, ни в первом классе. Что позволило без душевных терзаний взять люкс. Платить за двухчасовой перелет тройную цену, конечно, абсурдно, но не пешком же идти!

Стараясь держаться с достоинством и невозмутимостью арабского шейха, я прошел в свой персональный салон номер два, растекся в обширном кресле, подрегулировал темпера-

туру и аромат льющегося из индивидуального кондиционера озонированного воздуха, взял с подноса у склонившейся в полупоклоне очаровательной турчанки рюмку коньяка, попросил принести самый крепкий из возможных кофе и, едва допив его, мгновенно заснул, не дождавшись даже взлета.

И лишился тем самым всех остальных положенных особе моего ранга жизненных благ.

Ничего существенного мне не снилось. За 5 минут до посадки я проснулся удивительно бодрый; взглянув налево, увидел турчанку с подносом, направо, в иллюминатор, – стремительно приближающуюся землю и родные подмосковные рощи.

Возвращаясь, я всегда испытываю легкое приятное возбуждение и приподнятость духа, а сегодня вдобавок Москва встречала меня такой погодой...

Ярко-синее прозрачное небо, светлое золото берез и густой багрянец канадских кленов, свежий, чуть знобящий ветерок, пахнувший лесной сыростью и прелыми листьями, горьковатый дым далеких костров, серебристый блеск летящих паутинок.

Бабье лето в своем самом что ни на есть классическом воплощении.

И сразу вдруг далеко-далеко отодвинулось все, чем я жил долгих четырехста с лишним дней, и странно было представить, что еще сегодня утром Земля выглядела лишь голубоватой туманной звездочкой на стереозэкранах.

Мысли сразу нахлынули чересчур прагматические, и потребовалось определенное усилие, чтобы не смазать первые, самые яркие и чистые ощущения. Ведь что ни говори, я вернулся, живой (что бывает не со всеми и не всегда), здоровый (тьфу-тьфу, не сглазить бы), впереди три месяца отпуска и Алла... Как это она изящно выразилась: «Отчего мы с тобой так редко встречаемся и так часто расстаемся?»

Таможню я без задержки миновал по зеленому коридору, а выйдя в зал, невольно рассмеялся.

Над дверями банковских офисов полстены занимала новая красочная реклама: «Русский золотой червонец – лучшее помещение капитала!» И означенный червонец в облачении Ильи Муромца по уши вгонял в землю шипастой палицей худосочный, видимо, страдающий язвой желудка крюгерранд.¹

А рядом – табло с ежечасно меняющейся котировкой валют.

Взгляд на него доставил мне дополнительное удовольствие. В червонцы я свой капитал еще не поместил, но и обычный рубль стоял так, что за счет разницы в курсе я мог позволить себе двухнедельный бесплатный отдых в экзотических странах.

Кстати, Алла как-то намекала, что неплохо бы, мол, на Гавайях, к примеру... эту идею я тут же и осуществил, заказав по телефаксу двухместный номер в отеле «Вайкики Холидей Инн» с оплатой вперед.

Как говорится – лови момент.

И сразу набрал из соседней кабинки (городского интеркома у меня с собой не было, естественно) заветный номер, ощутило волнуясь и торопливо конструируя в уме первую, непременно небрежно-остроумную фразу. Лишь секунд через двадцать я осознал, что Алла на вызов не отвечает. Такое могло быть лишь в двух случаях: или ее нет в пределах прямой связи – а это тысяча километров, – или интерком отключен.

Неизвестно, что для меня на данный момент хуже... Настроение поехало вниз. Не потому, что я сразу подумал о чем-то уж слишком неприятном, а так – от несовпадения ожиданий с реальностью.

Что подруга явится встречать меня с цветами к трапу – я не слишком рассчитывал, но хоть дома-то ждать с нетерпением могла?

¹ Крюгерранд – золотая монета, находившаяся в обращении в государствах Южно-Африканского Союза, приблизительно равная 20 долларам.

Еще на прошлой неделе я дал по гиперсвязи телеграмму с датой возвращения, а вот смотри ж ты...

Уже не в столь радужном расположении духа я вышел на кольцевую галерею, убеждая себя, что драматизировать не стоит, мало ли что случиться могло... Длительная командировка, предположим, или коллективный выезд за грибами...

«Ага, на Шпицберген», – ехидно подсказал внутренний голос.

...За время моего отсутствия кое-что в порту изменилось. Слева за белоствольной рощей воздвиглось некое ребристое сооружение, отсвечивающее плоскостями густо-медного стекла, и исчезла наконец архаичная решетчатая платформа монорельсовой станции вместе с уходящими вдаль дугообразными опорами. Сколько лет шли разговоры, что пора ликвидировать это техническое чудо начала века, и вот, значит, дошли руки. Еще что-то исчезло из жизни постоянное, с детства привычное...

Вместо монорельса в глубину леса уходила тонкая серебристая полоска волновода, над которой бесшумно скользили плоские, с закругленными гранями вагоны на гравимагнитной тяге, или, как их называют во всем мире, эмбусы.

Проходя через площадь и потом стоя на посадочной аппарели, я, чтобы отвлечься, занялся своим любимым делом – наблюдением за окружающими, систематизацией и анализом впечатлений. Кто эти люди, куда и откуда едут, зачем... Игра, конечно, но отнюдь не бесполезная. Тренировка воображения и проницательности. Да вдобавок та или иная колоритная фигура может в будущем стать необходимым элементом очерка или рассказа.

Вот, к примеру, немолодой седеющий мужчина, кирпично-загорелый, с массивной изогнутой трубкой в зубах – скорее всего бизнесмен средней руки из Южной Африки. Брахман в бежевом костюме – не иначе как представитель ЮНЕСКО, плотная группа японцев – просто туристы...

При таком экспресс-анализе все идет в ход: обрывки разговора, манера поведения, наклейки на чемоданах, покрой одежды...

А это уже интереснее – две откровенно русские девушки в пестро-красочных и абсолютно при этом прозрачных платьях. Безусловно, последний крик моды. Когда я улетаю, такого еще не было. Причем вся хитрость в том, что ткань преломляет свет очень специфически – видно все и в то же время ничего, как если бы созерцать Венеру Милосскую через колеблющуюся газовую накидку. Так сказать, не конкретные тела, а обобщенные образы. Но – весьма! Куда интереснее, пожалуй, чем на самом деле...

Впрочем, мне сейчас, после года монашества, все в этом смысле интересно. Вон тоже великолепный экземпляр, а вот еще... Я проводил взглядом очередную, вызывающе роскошную красавицу, чуть даже повернулся, чтобы не выпускать из поля зрения ее окруженных пышной бело-лиловой юбкой ног и...

То, что я увидел, напрочь отбило все грешные мысли.

Он стоял шагах в десяти-двенадцати от меня, в центре сгущающейся к краю перрона толпы, удивительным образом не сливаясь с ней.

Наверное, прежде всего меня удивил его костюм. Не то чтобы слишком необычный, но здесь неуместный. Грязноватый, оливково-желтый, похожий покроем на тропическую ооновскую униформу, хотя без погон и нашивок, гармонично дополненный высокими ботинками со следами рыжей грязи. Я мельком подумал, что парень не иначе как дезертир, а может, и новая разновидность радикалов, против чего-то протестующих... Или наоборот. Потом я увидел его лицо, неестественно, необъяснимо бледное, обрамленное растрепанными, немывыми лохмами и бородой тоже странного серовато-пыльного цвета, будто припорошенными цементом.

Да и это все – пустяк. И не такое видеть приходилось. А вот что меня действительно поразило – выражение его лица и глаз. Они-то и задержали мое внимание, ничто другое. Честно, такого я в жизни своей еще не встречал. Лицо было абсолютно, запредельно отрешенное... Хорошо исполненная маска человека, чуть-чуть более живая, чем в музее Мадам Тюссо, и ровно настолько же более страшная.

И глаза, вот именно глаза... словно после атропина – чуть навывкате, влажно блестящие, с огромными зрачками...

Может, новый вид наркотика?

Я передернул плечами, отвернулся, постарался вновь отыскать взглядом ту самую красавицу.

Поздно, она уже бесследно затерялась среди десятков спин и затылков.

С легким шелестом подплыл очередной вагон. Перешагивая через невысокий порог, я машинально оглянулся.

Лучше б я этого не делал.

Вновь столкнувшись с невидящим, абсолютно пустым взглядом того самого парня, я испытал ощущение, какое бывает, когда вдруг наступишь босой ногой на крупного таракана, и он хрустнет этак...

Вагон уже летел среди белых стволов берез и ржавых кустов боярышника, а я все никак не мог подавить тошноту и омерзение.

Но постепенно отпустило.

Я огляделся.

Рядом со мной сидел сухой жилистый старик никак не моложе ста лет, а напротив – уже упоминавшиеся девицы-студентки в прозрачных платьях. Я обрадовался такому удачному соседству, поскольку размышления о тенденциях современной эротической моды позволяли счесть все предыдущее не столь уж важным.

Девушки перешептывались и пересмеивались, старик углубился в потрепанную толстую книгу, а я, откинувшись на спинку кресла и чуть прикрыв глаза, поглядывал то на ноги девушек, то на пролетающий за прозрачной стенкой пейзаж.

Старик перелистнул страницу. Незаметно повернув голову, я заглянул в книгу. К моему удивлению, это были стихи.

...Позабыть на одну минуту,
Может быть, написать кому-то,
Может, что-то убрать, передвинуть,
Посмотреть на полет снежинок,
Погодать – додержусь, дотяну ли,
Почитать о лихом Калигуле.
Были силы, но как-то не вышло,
А теперь уже скоро крышка...²

Интересные стихи. Неужели ему приятно их читать? Хотя, с другой стороны, что я могу знать о психологии такого возраста? Это ведь только кажется, будто впереди – бесконечная жизнь. На самом деле – пролетит время, и настанет момент, когда до могилы – считанные дни, и, может быть, вспомнится вдруг именно сегодняшний день и древний старец с его книгой, и останется только затосковать о бесследно промелькнувших днях и годах...

² Стихи И. Эренбурга.

От таких перспектив настроение снова начало падать. А старик уловил мой взгляд и не слишком деликатно закрыл книгу, навсегда лишив меня возможности узнать, чем закончил свой печальный стих неведомый автор, судя по стилю и лексике, середины прошлого века.

За окном вагона оборвался дремучий лес и потянулось то, что когда-то называлось ближними пригородами. По обе стороны, сколько хватало глаз, стояли ряды 25—30-этажных бетонных коробок, давным-давно заброшенных. Бывшие улицы и дворы густо заросли кустарником и хилой древесной молодью, наперегонки пытающейся дотянуться до солнца. Кое-где растительность закрепилась и на крышах, и в проемах выбитых окон.

Зрелище, знакомое с детства, и все же... Нет, все понятно, разбирать эти панельные небоскребы бессмысленно, взрывать – тем более, рано или поздно лес окончательно скроет их от людских глаз, как забытые города в джунглях Индостана.

– Я вижу, вам это тоже не нравится? – услышал я хриловатый голос старика.

– Вы о чем? – не сразу понял я.

– Об этом... – он ткнул пальцем в сторону зданий и задал следующий, совершенно не относящийся к теме вопрос: – Как вы думаете, сколько мне лет?

Я решил ему польстить.

– Сто двадцать? – после определенного возраста такие долгожители любят, когда им прибавляют года.

– Совершенно верно, как это вы угадали? Обычно мне дают не больше девяноста... Ну, в таком случае вы тем более должны меня понять. В свое время я был главным архитектором Москвы... – и стал рассказывать, как он разрабатывал Генеральный план, в том числе и на эти самые районы, как все было красиво и рационально, как радовались люди, получая здесь квартиры, полные воздуха и света. И как все пошло прахом, когда началась децентрализация, население Москвы за несколько лет сократилось с двенадцати миллионов до трех...

– Нет, я не спорю, тогда тоже не все было хорошо. Смог, само собой, транспортная проблема... Однако, осмелюсь утверждать, то был по-настоящему великий город. Не уступавший Нью-Йорку, Токио, Лондону... В нем кипела жизнь... Мы гордились, нам было с чем сравнивать... Вы не представляете, что испытываешь, спроектировав и построив район на полмиллиона жителей... С нуля и под ключ!

Он продолжал, все более распаляясь, излагать мне свой технократический символ веры, да и не свой только, всего их ушедшего поколения, а я вспомнил видеофильмы тех самых лет, тот жуткий муравейник, немыслимо грязный, названный старцем «великим городом». Закопченные дома, бурое небо, улицы, забитые миллионами машин. Нет, к счастью, не каждой «великой цели» удастся достигнуть.

Мне как-то ближе нынешняя тихая зеленая Москва, город широких безлюдных проспектов и обширных парков, сотен музеев, театров, библиотек и храмов, туристских центров и отелей, культурный и научный центр полумира. И я уж как-нибудь проживу без металлургических заводов и химических комбинатов чуть не на Красной площади, как бы ни был мил сердцу моего соседа такой индустриальный рай.

– Скажите, а Покровский собор не под вашим руководством взрывали? – спросил я заинтересованно.

– Вы что? – его голос задрезжал от возмущения. – Это было за пять лет до моего рождения.

– А! Ну, тогда ничего... – я зевнул, не слишком вежливо показывая, что разговор меня утомил.

Старик, похоже, обиделся и, поджав губы, вновь раскрыл свою книгу.

А я вдруг устыдился. Чего ради я обидел деда? Что он мне сделал? Извиниться бы... А с другой стороны – за что? Обязан я знать, кто когда родился и что взрывал? Я-то, конечно, знаю, так у меня профессия такая, а нормальный обыватель?

И все равно я ему не судья. Вообще никому не судья, даже Алле, хоть она и не встретила меня... Знал, на что шел. С такой экспансивной особой, как она, способной на самые непредсказуемые поступки, надо быть готовым ко всему. Если в свое время она ради меня (а это тоже вопрос – ради меня ли?) резко сломала свою предыдущую жизнь, то какие я имею основания считать, что невозможен очередной поворот? Она мне никогда ничего не обещала. Я, честно сказать, никогда и не знал, кто же мы с ней друг другу... Так что успокойся, братец, и принимай жизнь как данность...

Конечно, такие стоические рассуждения нисколько меня не успокоили, даже наоборот. Слишком долго и красочно я воображал подробности сегодняшнего дня.

А эмбус уже мчался в густом потоке вливающегося в город транспорта. Слева блеснула в лучах солнца излучина Москвы-реки, справа, в просвете мачтовых сосен, я увидел шпиль старого Университета.

– Извините, – обратился я к старику, – а куда мы едем? Разве не к Парижскому вокзалу?

– Отнюдь, – мстительно усмехнулся архитектор. – Лично я еду в Домодедово...

Вагон начал плавно тормозить.

Надо же так промахнуться! Это меня тот тип сбил с панталыку...

– Площадь Ермолова... – объявил бархатистый женский голос.

Я подхватил свою сумку, кивнул старику и метнулся к выходу.

Кроме меня, здесь не вышел никто.

Легкая алюминиевая площадка коротким маршем лестницы соединялась с бегущей над площадью пешеходной дорожкой. Отсюда открывался прекрасный вид до самого Кремля, и я задержался на секунду-другую, чтобы осмотреться.

Жемчужно-серый вагон с жужжанием магнитогенераторов рванулся вперед, набирая скорость по крутой дуге виадука.

Все произошло на моих глазах.

В верхней точке эстакады, уже прилично разогнавшись, эмбус вдруг клюнул носом, словно магнитная подушка под ним мгновенно исчезла, начал приподнимать корму, накрепился и, сминая ограждение, рухнул вниз с пятидесятиметровой высоты.

Я в ужасе зажмурился и втянул голову в плечи.

Мне приходилось видеть разные аварии и катастрофы, но здесь было совсем иное...

А удар вагона об дорогу прозвучал неожиданно глухо и не перекрыл душераздирающего слитного вскрика десятков людей.

Я ничего не мог сделать. Даже броситься к месту катастрофы. Стоя у перил бегущей дорожки, я медленно проплывал над площадью. Ни задержаться, ни повернуть назад. Разве только отвернуться, не видеть смятой и перекрученной груды металла и пластика, внутри которой остались и старик, и девушки, и еще полсотни человек, пересекших материки и океаны, но так и не доехавших до дома... А я, выходит, опять вывернулся...

Возвращаться я не стал. Там уже всюду завывали сирены машин аварийно-спасательной службы, с разных направлений планировали черно-желтые патрульные дископланы, толпа любопытствующих все густела.

Отойдя метров на пятьсот, я свернул в скверик, надежно отгороженный от площади и улиц рядами увешанных рубиновыми гроздьями рябин.

Присев на скамейку перед тихо журчащим фонтаном, прислушался к себе.

И что же мы имеем? Очередной счастливый случай или все же интуиция?

Смутная тревога и беспокойство, возникшие сразу после звонка Алле. Внезапный импульс, толкнувший к выходу из вагона, парень, заставивший меня сесть именно в этот поезд. Толковать происшедшее можно и так, и наоборот. Главное, невозможно прийти к объективной истине, как ни рассуждай. Я легко придумал десяток доводов за и против каждого варианта. Потом встал и вышел на ведущую к центру города аллею.

Не следует считать, будто я такой бесчувственный тип, способный безмятежно тешиться умственными играми через несколько минут после катастрофы и гибели десятков людей.

Просто смертей я повидал достаточно, как и много чего другого, и усвоил: есть ситуации, зависящие от нашей воли, и есть противоположные. Надо уметь их различать.

Под ногами похрустывали желтые листья каштанов, я шел и думал, что повернись все чуть иначе, и везли бы сейчас то, что от меня осталось, в наглухо заклеенном пластиковом мешке в ближайший морг. Даже не дав времени обидеться на неизящную шутку судьбы...

Глава 2

Автопилот привел меня на Балчуг. К двери полуподвала, откуда вырывались соблазнительные запахи, а жестяная вывеска сообщала, что здесь находится «Настоящий кавказский духан «Остановись, голубчик»».

Под низкими сводами было прохладно и тихо, грубые деревянные столы тщательно выскоблены, каменный пол посыпан опилками. И почти безлюдно. Два угловых стола заняты постоянными клиентами, играющими в нарды, остальные свободны.

Духанщик Резо, с которым мы были знакомы уже лет десять, но так, полуофициально, встретил меня без удивления, дежурной шуткой:

– Здравствуй! Что давно не заходил? Денег не было? – Профессионально рассмеялся, положил на стойку жилистые руки. На правом запястье просвечивала сквозь густую шерсть крупнозвенная золотая цепь.

– Что кушать будешь? Вино хорошее привезли. «Хванчкару» хочешь? Или «Цолика-ури»?

Сегодня у меня не было настроения поддерживать национальный колорит.

– Смотри сам, Резо. Я у тебя в гостях...

Немаловажным достоинством Резо и его заведения было то, что в нем проводили время личности, как правило, сомнительные, и навязываться клиенту, хоть с разговорами, хоть с услугами, считалось дурным тоном. Оттого я и любил сюда ходить. Меня здесь считали своим и, хоть наверняка знали обо мне все, что требуется, любезно поддерживали иллюзию моего инкогнито.

В свою очередь я соглашался верить, что экзотический духан с натуральными кавказскими винами и закусками может быть рентабельным, всегда оставаясь практически пустым.

Я сел под забранной решеткой окном, напротив телевизора. Кстати, тоже местная достопримечательность. Древний аппарат с плоским экраном в громадном полированном ящике. Резо им очень гордится и всем желающим сообщает, что дед его деда купил это чудо на Дезертирском рынке в Тифлисе в 1923 году. Вполне можно допустить. Но самое поразительное, что телевизор работал! Сколько технической смекалки пришлось приложить предкам, чтобы добиться преобразования трехмерного объекта в двухмерное изображение...

Как раз сейчас на экране шел экстренный выпуск новостей и показывали кадры, снятые на месте катастрофы. Выглядело все еще страшнее, чем в натуре, потому что подробно и крупными планами. «Из пятидесяти двух пассажиров остались в живых семь...»

– Восемь... – машинально уточнил я.

Резо, как раз ставивший на стол запотевший глиняный кувшин, посмотрел на меня как-то слишком внимательно.

– Лобио есть будешь? – спросил он.

– Все буду, и лобио, и сациви, и шашлык. Год настоящей пищи не ел...

Из духана я еще раз позвонил Алле, и опять она не ответила. А больше мне никого не хотелось видеть сегодня – ни друзей, ни главного редактора.

И я вновь, не торопясь, брел по улицам и переулкам, освещенным предвечерним светом, одновременно и расстроенный, и умиротворенный. Когда некуда спешить, никто нигде тебя не ждет, прошлые заботы недействительны, а будущих еще нет, чувствуешь себя не как обычно. Прибавьте к сему, что вечер этот – после возвращения первый, а жизнь, можно сказать, и вторая. Потому что если я раньше и избегал смерти, то далеко не так наглядно.

Через Красную площадь я вышел на Никольскую, потом через Мясницкую к бульварам. И хоть старался думать только о приятном – не получалось. Опять вспомнился ста-

рик-архитектор, царство ему небесное. Хотя, может быть, как раз он и уцелел. Судьба любит такие шутки.

С его точки зрения, все это возвращение к стилю далекого прошлого, реставрация и реконструкция центра города – недопустимая измена идеалам и принципам. Теориям Корбюзье и Нимейера. А мне – в самый раз. Как и тем миллионам туристов, что съезжаются сюда со всех концов света, чтобы окунуться в неподдельную атмосферу «серебряного века». Между прочим, туризм приносит городу прибыль во много раз большую, чем вся бывшая тяжелая и легкая промышленность, вместе взятые. Не считая тех сумм, что оседают в бесчисленных ресторанах, трактирах, театрах, кабаре и казино...

Я был очень рад, когда удалось снять квартиру здесь, на Сретенском бульваре, в самом сердце московской богемной жизни. С поправкой на местный колорит можно считать, что живу я на самом что ни на есть Монмартре пополам с Пикадилли. Не зря прямо под моими окнами соорудили пятизвездочный отель «Славянская беседа».

Переулок круто сломался, открывая вид на трехэтажный ампирный особняк под зеленой шатровой крышей. Когда я улетал, в нем помещался Охотничий клуб, а сейчас его перестраивали. Окна без рам зияли чернотой, легкая переносная ограда пересекала тротуар и половину мостовой. Но работы на сегодня закончены, вокруг – ни души. Время такое – для кого-то уже поздно здесь ходить, кому-то еще рано.

Лучи закатного солнца, бьющие в спину, окрашивали все вокруг в дымно-розовый цвет. Я уже миновал стройплощадку, задержался на минуту перед афишной тумбой, заклеенной рекламой близлежащих увеселительных заведений. Сделал шаг, чтобы вернуться на тротуар, и – совершенно рефлекторно, не успев ничего подумать и понять, – бросился ничком на брусчатку. Не помню, на что я так четко среагировал – на шелест рассеяемого воздуха за спиной или на мелькнувшую тень. Главное – я успел! Упав, я перекатился на бок, и в ту же секунду в полуметре надо мной пронеслась гибкая лапа строительного крана-манипулятора. С зажатым в ней пучком чугунных труб!

Словно взмах косы смерти. Порыв ветра, свист, и я, оттолкнувшись руками и ногами сразу, метнулся, словно вратарь за мячом в правый нижний угол, перелетел наискось пятиметровое расстояние до забора, одним рывком перевалился через него, кулем плюхнулся на землю.

От второго мощного удара пластик забора с треском лопнул. Но и тут мне повезло. Трубы заклинило между стойками ограды. На четвереньках я вбежал в открытое парадное, проскочил дом насквозь, со скоростью преследуемого собакой кота вспрыгнул на штабель досок и с него, рискуя сломать ноги или шею, – вниз, в соседний, еще более узкий и глухой переулок.

Окончательно я счел себя в безопасности и приобрел способность действовать осмысленно только на бульваре. Оглянулся. За мной никто не гнался, и крыша особняка с прозрачным куполом кабинки крановщика-оператора над нею отсюда была не видна.

Я попытался вспомнить, был ли в ней кто-нибудь или автоматика сработала самостоятельно? И не мог. Начисто выпало. Цвет кровли помню, даже диаметр труб, которыми меня чуть не убило, а самого главного не приметил.

До дверей моего подъезда было совсем близко, однако преодолевал я эти полсотни метров в три приема, ожидая чего угодно – выстрела в спину, внезапно вылетевшего из-за угла автомобиля, даже прямого попадания метеорита, если угодно.

Только взбежав вверх по широкой чугунной лестнице (в лифт я войти поостерегся), отгородившись от ставшего чужим и опасным мира тяжелой армированной дверью, я перевел дыхание и вытер пот со лба.

Раньше первые часы после возвращения домой были по-особому радостны и приятны, а теперь и собственная квартира, казалось, таила в себе неведомую угрозу.

С опасностями и риском мне приходилось иметь дело не раз, но то были абстрактные ситуации, теперь же некто охотился за мной лично. Охотился, чтобы убить... Совсем другое ощущение, требующее принципиально новых реакций.

Случайностью все происшедшее быть не могло. Чтобы понять это, хватало и моих познаний в теории вероятности.

Однако – почему? Или – зачем? Кому я нужен? Меня не было на Земле больше года. И тем не менее в первые же часы по возвращении меня начали убивать. Старательно и не считаясь с последствиями. Что произошло за время, пока я отсутствовал? Наследников у меня нет, ни прямых, ни косвенных. Да и какое там наследство? Смешно говорить.

Ревность? Трудно вообразить у Аллы поклонника, столь изощренно-злонамеренного. Тогда что?

Заблокировав входную дверь, я переключил обслуживающую автоматику с режима консервации на работу по обычной схеме.

Включился свет в комнатах, громче зашелестел кондиционер, холодный стерильный воздух стал теплеть, потянуло запахом полуденной летней степи.

А в квартире ничего не изменилось. Так же лежит на столике книга, которую я читал в последний перед отъездом вечер. И Алла с большого стереопанно смотрит на меня, прищурясь. Губы полураскрыты, наверняка готовятся сказать очередную колкость. Лучше бы ей быть сейчас добрее, мне и так не по себе...

Не переодевшись даже, я первым делом включил свой мощный, высшего класса универсальный компьютер. Выдал задание на поиск Аллы по всем каналам информационных сетей. Человек ведь оставляет массу следов – от заказа на авиабилет в любой из транспортных компаний мира до...

Я вдруг в буквальном смысле похолодел, потому что до последнего не позволял себе вспомнить о больнице и даже морге... А если с ней произошло то, что пока миновало меня?

Присев на подлокотник кресла, я стал ждать, машинально сделав мизинцем и указательным пальцем левой руки «рога» – магический жест, отгоняющий злых духов и недобрые вести.

Облегчением оказалось то, что совсем недавно было бы почти трагедией.

Алла исчезла бесследно. То есть две недели назад она ушла в законный трудовой отпуск, после чего сведений о ней не поступало. Она не умерла скоропостижно, не попала в больницу, если угодно, ушла в подполье. Ее телефон не отвечал, она не совершала никаких финансовых и иных официальных операций, не снимала номеров в отелях...

Разумеется, такой поиск, как я только что провел, доступен далеко не каждому. Он предполагает знание многих закрытых каналов и кодов, но не зря же мой лучший друг Виктор Скуратов получил Нобелевскую премию за исследования по компьютерной логике. Кое-каким хитростям он меня обучил.

Несколько успокоившись, я заварил крепкий чай, включил тихую музыку и начал мыслить систематически.

В практическом смысле исчезновение Аллы могло иметь два варианта объяснений. Либо она решила провести некоторое время в глубоком уединении, например в палатке на берегу глухого лесного озера, либо – и это, увы, теперь гораздо более вероятно – вынуждена скрываться от нешуточной опасности.

Теперь обо мне. Если рассматривать мой случай изолированно, допустима такая гипотеза – сам того не подозревая, я стал обладателем некоей тайны. Достаточно важной, похоже. Но какой и при каких обстоятельствах? Пункт первый пока установить невозможно, остается заняться вторым. Где? Очевидно, здесь, на Земле, потому что в космосе я самостоятельных открытий давно уже не делал, а если и узнал невольно что-то неподходящее, то там бы и остался. Способы нашлись бы, вполне убедительно оформленные под несчастный случай.

Значит, все произошло до командировки. И меня ждали. Установив, что со звезд я вернулся живой и, по известным не мне признакам, сохранил свою опасность, а то и увеличил ее...

Интересно. Вот только вспомнить нечто, о чем не имел понятия и год назад, я сейчас заведомо не могу. А вот те, кто за мной охотится, безусловно, уверены в обратном.

На память вдруг пришел тот мерзкий тип в аэропорту. Не он ли? Романтично, но скорее всего нет. Это только в книгах девятнадцатого века негодяи наделялись отталкивающей внешностью.

...Я вышел на балкон. Просторный, вымощенный цветной керамической плиткой, с антикварной чугунной решеткой ручнойковки.

Солнце давно ушло за горизонт, но светлые опаловые сумерки позволяли видеть Москву далеко, до куполов Донского монастыря и шпиля Университета.

В парках и скверах уже начали загораться фонари, с открытой веранды ресторана доносились тихая сентиментальная музыка, громада комплекса ЮНЕСКО за Самотечной площадью казалась на фоне перламутрового неба зубчатой горной грядой.

Как ни хорошо смотреть на привычный пейзаж просто так, любясь панорамой «третьего Рима» с легкой душой, но, увы... Я теперь оценивал прилегающую местность исключительно с точки зрения личной безопасности. Впечатление неутешительное. То есть от серьезной попытки довести начатое дело до конца не спасет ни высота семи этажей, ни то, что вокруг нет подходящих зданий, чтобы сразить меня точным выстрелом. Можно спуститься с крыши, можно подлететь на бесшумном дископлане, наконец, просто взорвать весь дом целиком... Все можно, вопрос лишь в технической оснащенности моих загадочных врагов, а моральных тормозов у них не имеется, судя по акции с эмбусом.

В любом случае наилучшим выходом будет на время исчезнуть. Как, возможно, поступила и Алла.

Приняв решение, я начал готовиться. Все привезенные с собой материалы, видеозаписи и надиктованные кристаллы я перевел в память редакционного компьютера, сочинив попутно для шефа более-менее убедительное объяснение своего «ухода по-английски».

В походную сумку сложил самые необходимые на первое время вещи и дискету с рукописью почти готового романа. Больше ничего ценного у меня не было. Уйти я решил под утро. А пока прилег на диван, положив на всякий случай рядом единственное в доме оружие – пятизарядное пневматическое ружье для подводной охоты. Черноморского катрана оно, между прочим, пробивает насквозь.

...Не знаю, что заставило меня проснуться. Едва слышный звук, движение воздуха или просто ощущение чужого присутствия в комнате.

При свете полной луны я увидел обнаженную женскую фигуру. В первый миг мне показалось, что это Алла. Только она знала код дверного замка. И лишь проснувшись окончательно, понял, что ошибся.

Ночная гостья была выше и тоньше. И Алла не имела таких пышных волос. И грудь у незнакомки куда более впечатляющая... Кстати, девушка оказалась не совсем обнаженной, я различил на ней светлые обтягивающие шорты...

Неслышно ступая, загадочная дама подбиралась к поблескивающей в лунном свете панели компьютерного блока.

Страх сжал сердце. Не естественный испуг человека, считавшего, что он один в ночной квартире, и понявшего, что это не так, а иррациональный мучительный страх, похожий на тот, что испытал в детстве, заблудившись в пещере и разбив фонарь...

Диван скрипнул от неосторожного движения.

Женщина резко обернулась, превратившись в черный силуэт на фоне освещенного окна, и в глаза мне ударила ярчайшая бело-фиолетовая вспышка.

Будто разряд молнии...

...Вначале я видел только синие пятна на багровом фоне, потом сквозь них проступил контур окна. Диск луны успел переместиться в правый угол, и я понял, что был без сознания довольно долго.

Потом до меня дошло, что я лежу на полу, в ушах пульсирует болезненный гул, к горлу подкатывает тошнота. И еще ощущался резкий запах. Похоже – озон в высокой концентрации.

В общем, несмотря на шок, соображал я вполне четко и логично.

Вначале на четвереньках, потом держась за стену, добрался до ванной. Припав к крану, долго пил воду. Дважды меня вырвало. Напрочь, до горькой желчи. Но зато сразу полегчало.

Включив подсветку зеркала, я всмотрелся в свое отражение. Вроде бы все в порядке, разве что бледен в прозелень. И лицо в испарине. А так ничего. Пациент будет жить. До следующего раза...

Тоже мне террористы, спящего человека убить не могут!

Нет, надо бежать и немедленно...

Положительный эффект от третьего покушения был налицо. Он наконец упразднил в моей интеллигентской натуре всякую склонность к рефлексиям. Я начал думать и действовать как робот-разведчик после приземления на чужой планете.

Прежде всего подключился к диагностику. Он сообщил, что я вполне здоров, и порекомендовал принять успокоительное. Тут я с ним не согласился и, наоборот, проглотил сразу две таблетки сильного стимулятора.

Чувствуя быстрый прилив бодрости, оделся, как для выезда на рыбалку в приличном обществе.

Попутно взглянул на результаты визита голой дамы.

Она стреляла в меня из плазменного разрядника. Впрочем, маломощного. Будь у нее настоящий, боевой, я бы сейчас интересовал только судмедэкспертов. А так заряд ударил в стену чуть выше моей головы, и все обошлось контузией.

Как именно сия красотка попала в квартиру, я выяснять не стал. Не суть важно. Гораздо существеннее – грамотно уйти самому.

Возможно, моя гостя сообщила своим, что со мной кончено. И мой труп они оставят в покое. Но не исключено, что некто, пославший ее, как раз сейчас поднимается сюда, чтобы убедиться лично и произвести контрольный выстрел.

Я вышел в холл и заблокировал автоматику. Ломать дверь придется долго (в том числе и мне, если доведется вернуться).

А путь для отступления у меня имелся. Весьма рискованный, на практике не испытанный, но для такого случая как раз подходящий.

Я, помнится, когда только поселился здесь, смотрел из кухонного окна во двор и подумал, что вот – убедительная деталь для детективного романа, если мне вдруг захочется его написать.

Перекинув через плечо ремень походной сумки, я отключил сервопривод оконной рамы, придерживая ее рукой, вылез на карниз, помедлил секунду и аккуратно отпустил. Пластина толстого полихромного стекла в стальной окантовке с мягким щелчком стала на место. Теперь обратной дороги нет.

В слабом лунном свете в пяти метрах от окна виднелась древняя пожарная лестница. Бог знает, почему ее не срезали при очередном ремонте.

Замысел состоял в том, чтобы сделать как можно более длинный шаг вправо по карнизу, прижимаясь спиной к стене, а потом прыгать – вбок и вниз, в расчете поймать руками тонкие ржавые прутья-ступени. Или – не поймать.

Высоты я не боюсь, но все же был рад, что сейчас ночь и мне не видно дна того колодца, куда, возможно, придется падать в случае неудачи.

Однако обошлось. Хотя удар в ладони был сильный, да еще и коленом я зацепился так, что чуть не закричал от боли.

Спустившись вниз, я соскочил на тротуар и прислушался. Тишина.

Дворами вышел на бульвар, долго осматривался, прячась в тени деревьев, не заметил ничего подозрительного, перебежал на другую сторону и перебросил тело через невысокую ограду, окружающую парк «Славянской беседы».

Глава 3

В нижнем холле центрального корпуса, куда я вышел через галерею, ведущую к термам-люкс, было пусто и тихо. За стойкой клевал носом дюжий молодец в древнерусском красном кафтане.

Раньше здесь бывать мне не приходилось, но вряд ли нравы персонала зависят от географических координат заведения и сильно отличаются от таковых в отелях Азии и обеих Америк.

Подойдя к бело-золотой колонке банкомата, я сунул в прорезь кредитную карточку и набрал на клавиатуре сумму. Когда отправляешься в дальний путь, следует иметь кое-какую наличность.

Мелодичный звон гонга, сопровождающий выдачу денег, заставил сидельца вскинуть голову.

Под его внимательным взглядом я сунул пачку купюр в нагрудный карман. Подошел к стойке и, симулируя североамериканский акцент, с трудом подбирая русские слова и просящая их английскими глаголами, сообщил, что мы с друзьями собрались на фишинг, «он Селигер-лейк», бат я, к сожалению, несколько проспал и вот теперь прошу оказать мне небольшой хелп. При этом как бы между прочим положил на стойку красно-зеленую бумажку с портретом Дмитрия Донского и слегка постукал по ней пальцами. Другой рукой я придерживал ремень сумки, из которой торчал приклад подводного ружья.

Суть моей просьбы заключалась в том, что мне нужен был «ренткар», срочно, минут через пятнадцать...

Портье посмотрел на меня слишком, как мне показалось, внимательно. Не исключено, что просто оценивал, соответствует ли вознаграждение хлопотам.

– О'кей, – ответил наконец былинный богатырь с добротным ярославским выговором, и бумажка исчезла у меня из-под пальцев, будто ее и не было никогда. После чего снял трубку телефона.

– Мне нужен автомобиль – джип, – уточнил я. – Фо сикс мэн. Энд вумен. – Подумал и добавил: – Плачу наличными...

Я пошел выпить кофе, чтобы не стоять столбом посреди холла. Огромные шестиметровые окна по всему периметру, за которыми притаилась тьма, меня нервировали, а стойка буфета удачно укрывалась в углу за колоннами.

Шустрога вида паренек появился в дверях. Портье указал на меня пальцем.

Машину парень пригнал отличную. Полноприводной газотурбинный «тур», оснащенный так, что прямо от ворот отеля можно включаться в ралли Якутск – Дакар.

Но и цена тоже впечатляющая...

Я расписался в бланке заказа и внес сумму за неделю, прибавив солидные чаевые.

– Может быть, мне придется сдать машину в вашем агентстве в Твери... – предупредил я.

– Хоть во Владивостоке... Счастливой рыбалки...

Когда машина выезжала из переулочка, свет фар мазнул по дому напротив, и не знаю, так ли оно было, или это игра травмированного воображения, но мне показалось, что рядом с парадным подъездом мелькнули две тени. Если так, то ушел я очень вовремя.

...За час, что оставался до рассвета, я в хорошем темпе проскочил город и больше полусотни километров по Ярославскому шоссе.

В известном только мне месте, убедившись, что в поле зрения нет ни одной машины, я свернул налево, в лес.

Эта моя поездка могла бы стать очень приятной. О чем-то подобном я с тоской мечтал там, где не только о пышной золотой осени, прохладном лесном воздухе и посвистах ранних птиц, но и о простой прогулке за пределами станции без тяжелого скафандра нечего было и думать.

А сейчас вот было вроде бы все это, только за минусом умиротворения и радости.

Допуская возможность погони, хотя и непонятно, откуда бы она взялась, я начал путать следы. Сначала километров двадцать действительно ехал в сторону Твери, а потом по заброшенным грунтовкам и просекам стал уклоняться все сильнее вправо, к северо-востоку.

Причем окончательного решения у меня не было, я колебался между несколькими вариантами и не мог (или не хотел?) даже мысленно назвать цель. «Уж не думаешь ли ты, что они и мысли читают?» – прямо спросил я у себя и так же прямо ответил: «А хрен их знает!»

Проще всего и, наверное, правильное было направиться туда, где помощь и безопасность заведомо гарантированы – на базу дальней космической разведки. У меня там много хороших знакомых, к проблеме они отнеслись бы с доверием (а так ли?), и средства у них на вооружении имелись соответствующие. Но что-то мешало выбрать этот вариант. Неужели обычная гордость? Или именно его кажущаяся надежность?

Второй путь традиционный – прибегнуть к защите Закона. Сделать официальное заявление и «дать делу ход». Но его я отмел сразу.

И выбрал вариант третий, нетривиальный, оставляющий мне самое главное – свободу маневра и возможность самому добраться до истоков тайны, наверняка слишком глубокой и увлекательной, чтобы отдавать ее в чужие руки.

Как всегда, после принятия решения мне сразу стало легче. Оставалось лишь следовать логике развития событий, соблюдая одно важное условие – по-прежнему не позволить себя убить.

Езда на приличной скорости по узкой лесной дороге сама по себе хорошее средство успокоить нервы. Неожиданные повороты, торчащие из земли узлы корней, низко нависающие ветки и острые сучья требуют мгновенной реакции и не оставляют времени на посторонние мысли, кроме самых элементарных. Например, почему пришедшая по мою душу девица была так неожиданно одета? Трудно представить, что она разгуливала по самому центру Москвы в столь экзотическом виде. На берегу моря, в турпоходе, на даче – ради Бога, но на вечернем бульваре? Моветон... Шорты на голое тело, в руках лучемер... если даже она подъехала на машине к самым дверям, вопрос остается. Ну чисто практически – зачем? В конце концов физически неудобно бегать и стрелять, тряся незакрепленными полушариями солидных размеров.

Но факт налицо. Нужно как-то встроить его в систему моих гипотез. Самое простое – предположить, что она сумасшедшая. Но это – неинтересно и бесперспективно, поскольку логика душевнобольного при неизвестном диагнозе непостижима в принципе.

Можно допустить, что она – член тайного ордена. Вроде средневековых «ассасинов». Или даже пуще того – амазонок-мстительниц. Не знаю, правда, за что мстить именно мне? К женщинам я всегда относился предупредительно...

А вот такой ход уже ближе! Узнать бы, не происходило ли вокруг моего дома чего-то вроде съемок фильма с участием полураздетых баб или аналогичное шоу в ближних заведениях... Тут есть рации...

Одним словом, имеется с чем поработать. Зарядить в компьютер, придумать программу, проиграть все подходящие прецеденты за ближайшие 100 лет...

Дело сдвинулось. Я крутил руль своего «тура», строил версии, надиктовывал идеи на кристаллофон, слушал по радио последние новости и даже понемногу начал любоваться природой.

Душевное равновесие, достигнутое на базе определившегося социального статуса: «журналист, ведущий частное расследование», – вернуло мне утраченный было вкус к краскам и звукам окружающего мира.

Под вечер я оказался почти у цели.

В дебрях вологодских лесов, неподалеку от старинного городка Кириллова, была у меня дача. Даже не то чтобы в полном смысле этого слова дача, а крепкая рубленая изба, слегка переоборудованная, стоящая вроде и в черте престижного дачного поселка, но и на отшибе, отделенная от крайних домов оврагом. Так что истинные дачники меня своим не считали. Меня это устраивало, избавляя от необходимости участвовать в общественной жизни здешнего социума.

Наезжал я сюда нерегулярно, с интервалами от месяца до года, когда появлялось вдруг желание поработать «вдали от городского шума» или просто расслабиться...

В Москве мало кто знал о наличии у меня сего «приюта отдохновения», для аборигенов здесь я тоже как бы не существовал, поэтому в нынешней ситуации убежище показалось мне надежным...

...Я едва успел затормозить. Прямо мне под колеса вылетел рослый вороной жеребец. Осаженный чересчур нервным рывком поводьев, он поднялся на дыбы, крутнулся на задних ногах и стал поперек дороги, шумно всхрапывая.

– Опасно ездишь, Марк Аврелий, – приветствовал я всадника, выходя на дорогу и разминая затекшие ноги и спину.

Он спрыгнул с коня, звякнул шпорами. Пятнадцатилетнего, если не ошибаюсь, отрока, соседского сына, действительно звали Марк, а дополнительные римские имена я придавал ему без всякой системы, по настроению. Прошлый раз, кажется, он был Марк Юний Брут. Я старался не повторяться, но на Аврелии мои запасы исчерпывались. Надо будет полистать первоисточники. Светония там, Аммиана Марцеллина...

– Здравствуй, дядя Игорь! Вернулись наконец? – Парнишка был искренне рад. Приятно, когда твое появление вызывает у человека положительные эмоции, а не выстрел в упор, к примеру...

Мы присели на обочине и неторопливо начали обмениваться информацией. Меня в данный момент интересовало лишь одно: не появлялась ли здесь Алла? Но спросил я о ней между прочим, когда все достойные мужской беседы темы были исчерпаны.

Ответ Марка меня расстроил. Я все же не на шутку надеялся, что Алла догадалась использовать дачу как убежище. Теперь все становилось совсем уж беспросветно...

– Да, дядя Игорь, зато вас сегодня тип какой-то спрашивал. Я когда вас увидел, удивился даже, какое совпадение, а потом заговорился и забыл, а сейчас вспомнил.

– Ну? Очень интересно, – я напрягся, но не подал вида. – И какой из себя?

– Мне он не понравился... Такой... членистоногий... – мальчик повертел пальцами в воздухе и довольно похоже описал вчерашнего аэропортовского незнакомца.

Все мои надежды рухнули разом. Убежища больше нет, и – что страшнее всего – любые мои замыслы для них открытая книга.

– ...перед обедом. Походил по поселку, потом увидел меня, я как раз Агата выводил, и спросил, не видел ли я вас. Я показал ваш дом и сказал, что вас с прошлого лета не было... – продолжал объяснять Марк. Очень обстоятельный, педантичный даже юноша.

– И все? – спросил я.

– Все. Ушел по Пихтовой аллее. Я думаю, на станцию. Он без машины был... А я потом пообедал и поехал в лес. Тут у меня одна поляна есть, для тренировок. Я стипль-чезом думаю заняться. А тут и вы подъехали...

– Ладно, Марк... – мне очень не хотелось вмешивать парня в эту историю, но другого выхода просто не было. Надо только прямо сейчас сочинить сказочку поубедительней. – ... Я на тебя очень надеюсь. Дело в том, что, похоже, у меня наметились крупные неприятности... Помнишь историю про пришельцев с Антареса?

– Конечно! – У Марка глаза округлились от предчувствия.

– Боюсь, что та история не закончилась. Но – тайна! Они, очевидно, вышли на мой след... А твой тип слишком напоминает их агента... Понял? Мне придется временно скрыться. Только ты можешь мне помочь... Прежде всего – никому ни слова. Ни отцу, ни матери, ни друзьям. И каждый день, на закате, когда солнце скрывается за лесом, жди меня на северном берегу озера. Знаешь, где бани. Как бы между прочим подъезжай туда, задержись, на озеро посмотри, подпругу поправь... Если меня не будет, уезжай. На другой день – снова. И наблюдай. Если что узнаешь, заметишь, услышишь, сообщай мне... Да, какой у тебя личный номер на компьютере? Возможно, я и так с тобой свяжусь...

За несколько минут мы с Марком согласовали еще ряд условий конфиденции.

– И вот что – переключи на себя мой закрытый канал... – я объяснил, как это сделать. – И запомни еще раз, очень прошу тебя, в буквальном смысле никому ни слова. Даже и Алле, если она вдруг объявится. Только после встречи со мной...

Марк усакал, переполненный впечатлениями, а я вновь направил вездеход в самую глубь леса.

Петля затягивалась настолько туго, что становилось трудно дышать.

Один только, самый последний шанс остался у меня.

Враги знают о моей даче, но ищут меня скорее наобум. Иначе не шлся бы здесь этот тип. Раньше, чем я реально мог сюда приехать. Значит, выследить не смогли, мой трюк в отеле прозевали, и бороться с ними можно. Впервые за двое суток я опередил их в темпе. Следующий же мой ход просчитать вообще невозможно, ибо знать об этом варианте не может ни одна душа в мире... За исключением Марка. И Аллы. Да и им вряд ли вспомнится.

Я дождался ночи, спрятав вездеход в густых зарослях орешника, не выпуская из рук своего гарпунного ружья и прислушиваясь к каждому звуку.

Летние северные сумерки тянулись чересчур долго, особенно если учесть, что я не ел уже сутки.

В полной темноте я вышел по берегу озера к тяжелым башням монастыря. Слева от арки Водяных ворот тускло светилось забранное решеткой оконце.

Нервно озираясь, я постучал...

Глава 4

С отцом Григорием я познакомился десять, скорее даже одиннадцать лет назад. В лавке букиниста на Ильинке. Мы разговорились, как сейчас помню, о первоизданиях Бодлера на русском.

Несмотря на почти трехкратную разницу в возрасте, что-то нас друг в друге заинтересовало.

Он сказал, что бывает в этой лавке по понедельникам, и предложил встретиться следующий раз.

О том, что он монах, я узнал лишь через год, а то и больше.

Но этой стороны его жизни мы еще долго не касались. Только когда я обзавелся дачей, встречи вышли за пределы магазинов, лавок, литературных кафе и трактиров. Мы, например, стали ходить по грибы. И рыбачить на монастырские пруды. Отец Григорий, в выгоревшей поношенной рясе, скуфье, старых сапогах, да на фоне вологодских пейзажей, выглядел персонажем допетровских времен. И это при том, что в первой своей жизни дослужился до полковника, а сейчас занимал в монастырской иерархии немалый чин – не то келаря, не то казначея. Но в парадном облачении я его не видел ни разу.

Вот и сейчас, вызванный привратником, он появился, неподвластный времени, невысокий, поджарый, с седенькой бородкой.

Я начал сбивчиво извиняться, что вот позволил себе потревожить, но он остановил меня движением руки.

– Раз пришел, значит, имеешь в том нужду. Пройдем ко мне, там все скажешь. А приют страждущим обитель наша предоставляет без всяких условий...

В подбашенной галерее было тихо, темно, гнетуще, я бы сказал, – но в других обстоятельствах. Сейчас же, наоборот, толщина стен, нависшие своды, громоздкие дубовые ворота создавали ощущение покоя и безопасности. А когда привратник задвинул кованый, толщиной в руку засов на калитке, стало совсем хорошо.

– Только... Не могли бы вы сказать, что если меня будут спрашивать... Не меня даже, а вообще, не появлялся ли тут некто на меня похожий...

Григорий молча кивнул, зашел в каморку и что-то сказал монаху, после чего увлек меня в глубь башни.

– Не следует заставлять послушника лгать. Хотя бы и во спасение. Лучше сменить его. Новый же привратник на самом деле ничего не видел.

Мы пересекли небольшой внутренний дворик, еще одни ворота, несколько раз повернули между разбросанными в беспорядке темными строениями, и я потерял ориентировку. В этой части монастыря мне раньше бывать не приходилось, стены окружали со всех сторон, а освещение вряд ли отличалось от того, что было в древности. Внешних фонарей не имелось вообще, а слабый желтоватый свет из редких окон едва-едва позволял различить мощенную белым камнем дорожку.

Я спросил отца Григория, почему так темно?

– Нет необходимости. Спать монахи ложатся рано, а кому нужно, и так не заблудится. В кельях же хватит и свечей. Живой свет успокаивает душу.

По длинному коридору, миновав несколько лестниц и открытых галерей, мы наконец достигли цели.

Отец Григорий занимал довольно просторную, но скудно обставленную келью. Два окна в глубоких проемах, беленные известью стены, стол, два табурета, топчан в углу. Самодельные полки для книг.

Несколько икон, перед ними – горящая лампада. В левой стене еще одна дверь из мореных досок, стянутых железными полосами, и с ручкой в виде неровного кольца.

– Есть хочешь? – спросил монах, подвигая мне табурет. – Можно сказать, чтоб принесли из трапезной. Грибная солянка, жареная рыба... Или просто чаю?

Я не ел по-настоящему очень давно, но голода не было. Нервы. У одних от переживаний аппетит обостряется, у меня наоборот. Да и затруднять пожилого человека...

– Чаю, пожалуй, выпью.

И только после чая с черствыми бубликами и сахаром вприкуску я перешел к сути дела.

Отец Григорий выслушал меня внимательно, не стеснялся перебивать для уточнения мелких деталей, которые сам я упустил или не придавал им должного значения. Несколько раз он предлагал вернуться назад и отдельные эпизоды разложить буквально по минутам. Во время долгого, более чем трехчасового разговора святой отец отнюдь не выглядел тихим богомольным старичком. Напротив, глядя на него сейчас, я очень отчетливо представил, каким он был бравым офицером, и не где-нибудь, а в мобильных частях ООН. Первая половина нашего века, как известно, спокойствием не отличалась, работы ооновским командос было выше головы. И хоть потом почти тридцать лет отец Григорий усердно замаливал грехи, прежняя хватка осталась, достаточно было взглянуть в его прищуренные, далеко не смиренные глаза. Он сжал в кулаке свою не слишком роскошную бородку, задумался, покачивая носком потрескавшегося от старости сапога.

– Ну, стало быть, ладно. Сегодня, сын мой, можешь отдыхать спокойно. Здесь тебя никто не найдет и не потревожит. Стены обители надежны, братия многочисленна и крепка духом... – он усмехнулся. Встал, зевнул и мелко перекрестил рот. Подошел к маленькой двери и открыл ее.

За дверью оказалась еще одна комната. Совершенно в ином стиле. Тут стояла добротная кожаная мебель, массивный письменный стол, мощный компьютер. Две стены занимали застекленные книжные и глухие иного назначения шкафы, пол устилал ковер, к третьей стене прислонился громоздкий металлокерамический сейф. Еще две двери справа от сейфа. И узкое окно напротив стола, забранное прочной решеткой.

Я понял, что это – рабочий кабинет монаха. И сам он скорее казначей, чем келарь. Если здесь хранятся монастырские ценности, спать я могу на самом деле спокойно.

Отец Григорий пожелал мне доброй ночи, осенил крестным знамением и исчез, притворив за собой дверь.

Я лег на диван и действительно почти тотчас уснул.

Проснулся среди ночи непонятно отчего. Разве что от непривычной тишины. Как в сурдокамере. Или в каюте звездолета. Лежал на спине, глядя в невидимый потолок.

Все пережитое за двое суток представилось вдруг сюрреалистическим абсурдом, и только текущий миг – реальностью.

А потом где-то очень далеко, за Сиверским озером, вдруг послышался тоскливый собачий вой. А может быть, и волчий. Вой этот перемещался вдоль горизонта, как будто передавался эстафетой. Замолкал в одной деревне или хуторе и начинался в другой. Я постарался представить карту окрестностей, чтобы сообразить, возможно ли это, и в полудреме мне привиделся один-единственный зверь, но огромный, бегущий краем озера.

Выспаться мне удалось хорошо. Даже, пожалуй, лучше, чем когда-либо за последнее время. Мало того, что меня никто не беспокоил (а ночной вой не приснился ли?), так еще и погода за ночь изменилась, похолодало, опустился густой морозящий туман, и в келье царил приятный полумрак, а по жестяному козырьку окна негромко постукивали дождевые капли.

Отца Григория в келье не было, на столе меня ждал постный, но вполне приемлемый завтрак. Я надеялся, что в современно оборудованном кабинете монаха найду какое-нибудь средство связи с внешним миром, однако ошибся. Кроме компьютера, ничего радиоэлек-

тронного там не оказалось, да и компьютер включить не удалось, система кодировки не соответствовала ни одной мне известной. Вполне возможно, что и подключен он не к общемировой, а к какой-нибудь специально-церковной информационной сети, а машинным языком мог быть, к примеру, даже и церковнославянский.

Оставалось либо снова завалиться спать, либо развлечься чтением духовной литературы. Или, наконец, просто наблюдать из окна за будничной монастырской жизнью. Если бы окна выходили во двор музея-заповедника, было бы, конечно, лучше. Туристки там и тому подобное...

Отец Григорий появился только после обеда, который мне принес молчаливый послушник. Он вошел в мокром подряснике и заляпанных грязью сапогах, пока переодевался в сухое, грел руки перед зеркалом изразцовой печи, не произнес ни слова. А я терпеливо ждал, понимая, что не просто так он полдня бродил где-то под дождем.

– Как желаешь поговорить, сын мой, – отец Григорий сел на табурет, положив на стол маленькие жилистые кулаки, – в мирском плане или же в духовном?

«Начало многообещающее», – подумал я.

– Не хочу показаться грубым материалистом, отец, но сфера духовная, по-моему, сейчас не слишком актуальна. Поскольку духовное бытие я не мыслю отдельно от бытия телесного. Если не удастся обеспечить второго, то и первое... – я пожал плечами.

– Пусть так. Хотя я мыслю иначе и не стал бы категорически противопоставлять одно другому. Я много размышлял над твоим делом. Ты прав в одном. Рациональное объяснение тому, что произошло, найти не просто трудно, а скорее всего невозможно. По крайней мере три момента в обычной системе координат необъяснимы. И значит, твоя безопасность полностью гарантирована только здесь. При тех возможностях, что продемонстрировали твои враги, полагать иное – крайне безответственно...

Я и сам так думал в глубине души, но из врожденного оптимизма надеялся как-нибудь выкрутиться. Потому слова монаха меня не удивили. Правда, чтобы прийти к такому выводу, не требовалось размышлять ночь и полдня.

Но дальше он начал говорить вещи, которые в чем-то могли быть истиной, а в целом вызвали не то чтоб неприятие, а недоумение.

Выходило так, что люди здесь, в общем-то, почти и ни при чем. Просто в мир пришло некое абстрактное зло чуть ли не всеобъемлющего плана. И направленное не только против меня как отдельно взятой личности. То есть я – лишь субъект проявления указанного зла в его мирском воплощении.

Всерьез с такой позицией спорить было невозможно. Да и просто невежливо. Надо было выкручиваться. Искать деликатные формы возражений. Я и сказал, что, на мой взгляд, «мировое зло» проявило себя действиями чересчур земными да вдобавок и неквалифицированными.

– Вот тут твоя ошибка. Очеловечивать потустороннее – нет ничего более неправильного. Разумеется, земной противник в чистом, скажем так, виде сумел бы разделаться с тобой успешнее... Могу даже рассказать, как такие вещи исполняются... А тут другое. Не требую, чтоб ты поверил мне сразу. Сам был такой, знаю...

Отец Григорий говорил все это резко, что так не походило на его обычную манеру.

– Ну допустим, – кивнул я. – Но что из этого следует? Смириться? Приготовиться к неизбежному? А может, постриг принять? Как считаете, против монаха эти силы зла бесильны?

Он кивнул.

– Возможно. Думаю, в этих стенах ты в безопасности.

«Вот тебе и вербовка, – подумал я. – Или, лучше сказать, обращение. Десять лет общались, а теперь отец-миссионер решил, что клиент созрел...»

– Только ведь зло при этом не исчезнет? Найдет себе иную точку приложения. И добьется своего. А чего именно? Я впервые увидел монаха раздраженным. Или, вернее, утратившим обычное спокойствие.

– Нет, ты до сих пор ничего не понимаешь. Думаешь, повредился дед на религиозной почве? Что я тебе, апостол Павел? Если бы я знал, в чем тут дело! Я так чувствую, понимаешь?.. – и тут же крикнул смущенно, опустил глаза, несколько раз перекрестился. Видимо, это показалось ему недостаточным, он встал, повернулся к самой большой из икон в тусклом серебряном окладе, начал вслух читать молитву:

«Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением, и в веселии глаголющих: радуйся, Пречестный и Животворящий Кресте Господень, прогоняяй бесы силою на тебе пропятаго Господа нашего Иисуса Христа, во ад сшедшего и поправшего силу диаволу и даровавшего нам тебе, Крест свой Честный, на прогнание всякого супостата. О Пречестный и Животворящий Кресте Господень! Помогай ми Святою Госпожею Девой Богородицею и со всеми святыми во веки. Аминь».

Глава 5

Под вечер разразилась сильная гроза, необычная в это время года, и я долго стоял под навесом башни и наблюдал за потоками серой воды и лиловыми кустистыми разрядами молний.

Однако к назначенному времени дождь утих, и я собрался на встречу с Марком. Невзирая на все ранее услышанное от монаха.

Отец Григорий решил составить мне компанию, хотя я и отказывался, считая, что неудобно злоупотреблять гостеприимством и дружелюбием пожилого человека, заставляя его тащиться за несколько километров по грязи, лужам, мокрой траве. Тем более что не было и уверенности в пунктуальности мальчишки.

Но зря я так думал о своем юном друге. Он не только пришел вовремя, но и привез мне письмо от Аллы, отпечатанное принтером компьютера. Правильно я сообразил переключить на него свой индекс.

Письмо само по себе уже было счастьем. Значит, она жива и с ней все в порядке.

Первая половина текста ничего особенного не представляла. Слова приветствия, извинения, что не смогла меня встретить, и тому подобное. Я еще усмехнулся вводной фразе: «Если ты прилетел, то...» Женская психология. А если я не прилетел, то о чем речь?

Однако дальше начинались уже дела по-настоящему странные.

«...прошу отнестись к моей просьбе со всей серьезностью. И сохранить полную тайну. Никто из наших общих знакомых, да и вообще, не должны ни о чем знать. Это важно крайне! Постарайся, не привлекая ничьего внимания и тем более не разглашая конечной цели, попасть не позднее двадцатого в Гонолулу. Там у портье отеля «Принцесса Каиулани» тебя будет ждать пакет. Захвати с собой все, что обычно берешь в командировки. Целую. Я».

Вновь тайны мадридского двора. Но здесь, кажется, не такие страшные. Алла настаивает только на осторожности, но отнюдь не намекает на какую-то опасность.

Забавное совпадение – опять Гавайи. И дата почти совпадает. Я заказал номер с восемнадцатого. Только с отелем не угадал. Впрочем, не так это и страшно. Наверняка мы с ней не раз упоминали в разговоре пресловутые острова, а может быть, она имела в виду именно данный случай. Наверняка тут имеется связь с ее работой. Если только она не решила участвовать в конкурсе красоты, скажем...

Отец Григорий по моему лицу догадался, что все в порядке. И тут Марк, сидевший в гордой позе, не покидая седла, преподнес мне следующий сюрприз.

– Боюсь, вам будет неприятно, дядя Игорь, но дача ваша сгорела... – сказал он, глядя на метр выше меня.

– То есть как? – удивился я.

– Молния. Прямо в крышу. И дотла. Даже тушить не было смысла. Как раз в самую грозу... – он, очевидно, не забыл, что я назвал его Аврелием, справился в информатории, что сие за персона, и теперь явно ему подражал. И позой, и манерой речи.

Я даже не огорчился. Не до того. Да и ценность этой дачи невелика. Новую поставлю. Если жив останусь...

...Возвращались мы в быстро густеющих сумерках и беседовали на богословские темы. Не в первый уже раз. Я объяснял отцу Григорию, почему остаюсь атеистом, невзирая на очевидную нелогичность такого поведения.

– ...не помню, кем сказано: «Бога нет, и все позволено». Вот с этим и не согласен. Не желаю быть нравственным из-под палки. Мол, Бог не велит, потому и не ворую. А нет Бога – на дорогу с кистенем. Считаю, что в роли верховного надзирателя Бог мне ни к чему. И,

кстати, вот вам парадоксик, попробуйте ответить: кто Бога заставляет быть нравственным? Над ним-то никого, и все равно он всеблаг, а не наоборот. И раз я – по образу и подобию, то точно так же могу опираться на собственный нравственный императив, а не на заемный...

Монах слушал мою тираду молча, очевидно, собираясь разгромить все содержащееся в ней несообразности одним махом.

Ближе к выходу из леса тропинка сузилась настолько, что рядом идти стало неудобно. Я пропустил отца Григория вперед. Он шел легким и быстрым шагом, почти не касаясь тропы и не задевая ни одной ветки, наверное, так он ходил в свое время в конголезских или парагвайских джунглях. У меня таких навыков не было, мокрая трава скользила, я приотстал шагов на восемь-десять.

Дальнейшее запомнилось, будто серия стоп-кадров.

Горло вдруг стянуло петлей. Не могу ни вздохнуть, ни крикнуть.

Сквозь застилающую глаза мглу вижу опрокидывающиеся на меня деревья.

Взмахнув руками, пытаюсь сохранить равновесие.

Осознаю, что кто-то захватил меня за шею локтевым сгибом и тащит в лес.

Делаю отчаянную попытку освободиться, перебросить нападающего через себя, но уже поздно, ноги почти не касаются земли и рывка не получается.

А потом вдруг чувствую, что горло мое свободно, а сам я спиной валюсь на мокрую траву.

В глазах светлеет, и я успеваю увидеть совершенно немыслимую сцену.

Справа от меня на земле копошится нечто, напоминающее человеческую фигуру, а слева в позе самурая эпохи сегунов замер отец Григорий. Черный подрясник, черные в полумраке щелочки глаз. Непонятное существо оторвалось от земли, стало походить на выпрямляющегося гоминида. Но разогнуться до конца он не успел. Неуловимый бросок монаха, тяжелый с хряском удар – и человек-обезьяна вновь опрокинулся навзничь. Секунда, новый его рывок – и снова удар, гулкий, будто по футбольному мячу.

Только я начал приподниматься, чтобы тоже принять участие в битве, как все завершилось и без меня.

Наш противник, поверженный, но не побежденный, тоже кое-что умел. Немыслимым кульбитом он отлетел назад, вскочил в полный рост, постоял мгновение, широко раскинув руки (тут я его узнал!), и, вместо того чтобы принять бой, исчез... Глаза едва успели заметить стремительный прыжок вбок, сквозь сплошную завесу лещины. Затрещал под его ногами валежник. И все. И тишина.

Прежде всего я ощутил стыд и растерянность. Ведь действительно позор! Здоровенный мужик (то есть я!), спортсмен, регбист валяется на земле, а его защищает семидесятилетний старик!

Отец Григорий снял свою скуфью и вытер лицо. Дышал он тяжело и неровно.

Я только думал, что и как сказать, а он уже рассмеялся тихим хриловатым смехом.

– А ничего! Нормально получилось... Однако пойдем, тут мы сейчас живые мишени...

Перед мостом, ведущим к главным воротам, он наконец остановился. Перекрестился несколько раз.

– Слава те Господи...

– Вот видите, отче, опять то же самое... Четвертая попытка. И снова мимо. Но тут уж ваша заслуга...

Удивительно, но страха на сей раз я не испытывал. Привык, что ли, а вернее – на миру и смерть красна.

– Прав я был, прав... – монах словно не расслышал моих слов. – Не человек то был...

– Да что вы?! Человек, самый натуральный. Тот самый тип, из Шереметьево. Да не будь он человеком, как бы вы с ним справились?

– Что ты понимаешь, – отмахнулся он. – Ему сейчас мертвым лежать, а он сбежал, и хоть бы что. Я пусть старый, выносливость не та, сам видишь, но реакция есть. Таких ударов человеку не вынести. Череп – вдрызг. Ну пусть промазал, вскользь задел – час, два оглушенный бы лежал. Проверено...

Я поразился, как взбодрился старый монах, и представил, что за боец был из него лет тридцать-сорок назад!

– А как же насчет непротивления злу? – спросил я неожиданно для себя, хотя спросить хотел совсем о другом. – Не грех ли – вот так?

– Грех не в том, – отец Григорий вздохнул сокрушенно и опять стал только монахом. – Главный грех – гордыня! Возгордился я, похвалиться начал... – он опять перекрестился, прошептал что-то неслышно. – А с врагом рода человеческого всяко бороться надо. Когда перстом, а когда и пестом... Пойдем под защиту святых стен. Слышишь, как собаки воют? Чуют...

Страх вновь осенил меня своим крылом, как писали в позапрошлом веке. И ночью я слышал такой же вой. Неужто прав монах? Мистика, абсурд, однако за ним ведь не просто суеверие, а тысячелетний опыт... Очень все может получиться логично. Стоит сделать всего одно допущение. Уверовать, короче говоря, в Бога и в дьявола.

– А это? – отец Григорий указал рукой мне на грудь.

Я опустил глаза. Правый карман был оторван почти напроць. Тот самый, куда я сунул письмо Аллы. По счастью, оно уцелело. Смятый комок пластика застрял в углу кармана.

– Не сходится, отец. Зачем бы... – я чуть не сказал «дьяволу», но воздержался, – мистическим силам такой пустяк? Вроде все им про меня известно, а ерунду прозевали: мой договор с Марком и что письмо от Аллы получил. Проще простого было с пацаном справиться, а не на двух мужиков бросаться. А письмо ему край нужно. Следил он за нами из кустов, шел по пятам, увидел, как Марк что-то мне передал, и рискнул...

– Пошли, пошли, дома обо всем поговорим, – отец Григорий даже в виду монастыря не чувствовал себя в безопасности.

...К разговору отец Григорий выставил бутылку крепчайшей настойки на целебных травах, сковороду жареных грибов и душистый окорок.

– «Сущим в пути и на брани пост разрешается», а мы такие и есть...

Поначалу он долго излагал классификацию всякого рода нечисти, отнеся нашего знакомого к одной из разновидностей оборотней. Признаться, странен был наш разговор на склоне XXI века, пусть даже приводимые монахом доводы звучали убедительно. В конкретном контексте.

Я же склонялся к материализму. По моей гипотезе, ниточка тянулась к Алле. Работала она в серьезном институте, исследования там велись весьма актуальные, и нет ли здесь промышленного шпионажа? Алла скрывается, это безусловно. Шпионы потеряли след, и я у них последний шанс... Ну и так далее.

– Не рядом получается, не рядом... – отец Григорий сидел напротив, подперев щеку кулаком, в другой руке вертел полупустую чарку, но рассуждал четко. – Начали они с того, что хотели убить тебя прямо по пути из порта. Без предупреждения. Так не делается, если охотятся за информацией. Хотя... Что их интересовало в твоей квартире? Дневники, документы, компьютер? Или Алла там побывала, могла что-то спрятать? Убить тебя, чтобы спокойно обыскать квартиру?

– Опять же, зачем? – теперь мы вдвоем наперебой опровергали свои же гипотезы. – Зная день прилета, они могли все сделать накануне...

– И то. Если время позволяло. Нет ли фактора, как-то ограничившего их по времени?

– Знаете, отче, так можно плести кружева (вологодские, кстати) до бесконечности. Информации исходной по-прежнему – ноль, а посему все наши построения – тьфу...

Отец Григорий налил еще по одной.

– А вдруг это биоробот? Высшего класса, из новых? Я таких не видел, но могли же где-то сделать?

Вспомнив звук, с которым сапог монаха входил в тело врага, я передернул плечами.

Отец Григорий потряс бородой рассерженно:

– Будто я совсем дурак! Чувствую я, нутром чувствую, понимаешь? А, где уж тебе...

– Ну а чего ж он руками меня стал душить, а?

Где-то вдали опять завывали собаки.

– Вот! – поднял палец монах. – И ты еще споришь! Истинно говорю: оборотень!

После третьей чарки отец Григорий, расчувствовавшись, вдруг начал рассказывать, как в 2009 году он закончил Владимирское воздушно-гренадерское училище, потом Академию войск ООН в Монреале и дальше двадцать лет не вылезал из самых поганных заварушек на планете, командовал батальонами, полками и бригадами и даже некоторое время исполнял обязанности генерал-губернатора одной скороспелой империи в теплых краях.

– Вот уж мерзость! Твердой земли всего полторы тысячи квадратных миль из полу-миллиона, остальное – малярийные болота и мангры, а сверху летит вулканический пепел. И больше – ни-че-го! Империя! Однако крови и там пролилось... – он сокрушенно махнул рукой.

Попутно отец Григорий инструктировал меня о правилах поведения в джунглях просто и джунглях мангровых, а также в лесостепи и саваннах, коснулся тактики городских партизан, рассуждал о преимуществах тех или иных способов рукопашного боя, порываясь то и дело перейти к практическим занятиям, посвятил в тонкости обычаев «тигров ислама» в сравнении с «внуками Монтесумы» и «белыми призраками Ньянмы», и даже объяснил, насколько и почему патагонские сепаратисты свирепее тибетских панбуддистов.

Все это было крайне поучительно и интересно. Мне даже пришло в голову, что неплохо бы по наступлении более спокойных времен подвинуть батюшку на изготовление острозы-жетных мемуаров. Под псевдонимом, естественно, и при моем соавторстве. Время от времени отец Григорий поднимал свою чарку с дежурным тостом:

– Повторим, сказал почтмейстер, наливая по шашнадцатой... – но пил совсем мало.

Потом, твердой походкой подойдя к сейфу, порылся в его недрах и вернулся с потертой и поцарапанной офицерской сумкой.

– Что б мы с тобой сейчас ни наreshали, а подратись тебе придется. Хочу подарок сделать. Берег как память... о греховной жизни своей.

Он протянул мне массивный синевато-черный пистолет с пластинами пожелтевшей слоновой кости на рукоятке. Еще прошлого века, по-моему.

– Красавец! «штейер-Г», калибр девять миллиметров, магазин – восемнадцать патронов. А бой... – в голосе монаха прозвучала мечтательная грусть. Он покачал пистолет на ладони, вскинул на уровень глаз. Рука совершенно не дрожала.

– Опять грех, прости Господи. Ну, отмолю как-нибудь. Возьми, пригодится. Пользоваться-то умеешь?

– Вообще да, а таким не приходилось.

– Ладно, покажу. И запомни: в нашем деле сначала стреляй, потом думай. И будешь жить долго-долго. Убить ты его, пожалуй, не убьешь, а с ног свалишь обязательно, не хуже, чем оглоблей... А там уж как Бог поможет. Особенно, если у пуль носики спилить.

И потом почти до утра мы обсуждали самые разные проблемы: и практические, и чисто умозрительного свойства. Обсудили и то, как мне добираться до назначенного Аллой места.

Глава 6

Покидал я гостеприимную обитель вместе с молодыми монахами, направлявшимися на стажировку и для обмена опытом в Афон.

Не в Новый, что на берегу Черного моря, а в настоящий, греческий.

И меня отец Григорий включил в их группу, экипировав соответственно.

Пистолет я спрятал под рясой, заложив за брючный ремень. В случае чего можно было стрелять прямо через рясу, у которой я аккуратно распорол карман. Монахи, семь человек, были ребята крепкие, спортивные, и чувствовал я себя в их обществе вполне уверенно.

Вылетели мы рейсом Москва – Афины и через два часа были уже на месте.

В Греции я оказался впервые и, увидев белые колонны Акрополя на фоне индигового неба, возблагодарил судьбу, что довелось дожить и до этого. Но погрустнел, вспомнив, что гораздо больше достопримечательностей еще не видел на Земле, и кто знает, успею ли... И на Цейлоне не был, и в Новой Зеландии, и еще в десятке заслуживающих внимания мест. И чего носит меня в космические дали?

Чтобы потом два месяца в году валяться на пляже и не считать денег на всякую ерунду?

Но тут я, кстати, вспомнил анекдот про человека, что падал с небоскреба, и успокоился.

Ближе к вечеру мы добрались до Салоник, где остановились на ночлег в гостинице для паломников.

Весь день я был настороже, по-прежнему опасаясь преследователей. Но ничего подозрительного не заметил. Как, впрочем, и раньше. Любая направленная против меня акция совершалась внезапно.

В конце концов я просто устал все время думать об опасности. Вместе с братией поужинал в общей трапезной, а потом незаметно отстал от группы и, прихватив из комнаты сумку, вышел на задний двор, примыкающий к кладбищу.

Там, побродив между памятников, среди которых попадались весьма любопытные (в том числе и офицерам русского экспедиционного корпуса, погибшим в Первой мировой войне), я дождался темноты.

Остальное заняло минуты. Сбросив монашеское облачение и спрятав его под кустами у часовни, я преобразился в обычного средневропейского туриста и вышел на улицу. Через квартал остановил такси. Можно было надеяться, что от возможной слежки я оторвался.

При этом я осознавал, что всего лишь играю в примитивную полудетскую игру. Если за мной охотится хоть чуть-чуть серьезная организация, шансы мои нулевые. В нашем мире, при всей его очевидной обширности, скрыться «с концами» невозможно. И если я до сих пор жив, противник мой – еще больший дилетант, чем я.

Но раз так, отчего же и не поиграть? Это намного интереснее, чем вести себя как подобает серьезному и здравомыслящему члену общества. Стоить, правда, такие игры будут недешево, но как представишь, что я уже четыре дня мог бы выглядеть стандартной урной с горстью пепла внутри, то вопрос о деньгах не кажется слишком существенным. Месяца на три-четыре моих сбережений хватит.

На рассвете я вылетел в Белград. Там сменил гардероб в соответствии с наиболее безвкусным, на мой взгляд, стилем, закрыл пол-лица модными полихромными очками и стал похож... Ну, возможно, на сутенера из Касабланки.

Снял номер в отеле на улице князя Михаила, неподалеку от Калемегдана. И лег спать. Отель был старомодный, третьеразрядный, для беднейших туристов, с темными коридорами и скрипучими лестницами, но меня такой именно и устраивал.

Проще всего прямо отсюда лететь до Гонолулу и там, на коралловом песочке, дожидаться назначенного Аллой дня, но такой вариант я отмел. Поступки мои должны быть бес-

смысленны и непредсказуемы. Как и у моих противников. Тогда есть шанс попасть с ними в противофазу.

Проспав до вечера, я поужинал в уличном кафе, а потом направил свои стопы в казино. Некоторая доза сильных положительных эмоций казалась мне весьма желательной.

Действительно сама атмосфера витающего над столами концентрированного азарта не позволяла думать о чем-то постороннем.

Наблюдая за вращением колеса и бегом шарика, воспринимаешь свои проблемы как нечто весьма преходящее, как неизбежные в жизни случайности.

Подкрепляясь у стойки бара кофе с коньяком и пересчитывая еще оставшиеся фишки, я вдруг подумал: «А что, если мной занимается не одна организация, а две? Тогда много становится понятнее. Одна считает, что меня следует ликвидировать, а другой я нужен живым. Это вселяет оптимизм. И все опять же завязано на Аллу. Цели и тех и других мне так или иначе неизвестны, но допустим, что одним достаточно, чтобы я с ней не встретился, а другие желают через меня ее разыскать или использовать для шантажа. Или, наоборот, одним нужен лично я, а их противникам нужно, чтобы я им не достался живым... Главное, кто из них найдет меня раньше. А еще они могут ввязаться в драку друг с другом... Появляется простор для маневра».

– Сэр, вы не ставили сегодня на семнадцать? – прервал мои построения голос бармена, рыжеватого серба лет сорока.

– А почему вас это интересует? – удивился я. Обычно в заведениях такого класса персонал по своей инициативе гостей не беспокоит. Тем более что русского он во мне не узнал и говорил по-английски.

– Хотите пари? – мой вопрос он небрежно проигнорировал. – Поставьте свои фишки на 17, и если выиграете, дадите мне сто долларов.

– А если нет? – мне идея показалась забавной. Не в смысле корыстном, а психологически. Он, значит, уже пересчитал мои фишки, определил возможную сумму выигрыша и запросил процентов двадцать.

– Я обещаю бесплатно угощать вас до конца недели...

Если это новый метод ловли дураков, то для них годится.

Просадив все деньги, я, разумеется, оплачу вперед любую выпивку, даже если буду заказывать по десять порций ежедневно. Тем более что ходить сюда пить задаром и не сыграть снова – кто удержится? А если сдуру выиграю, верну им ни за что сотню. Для казино очень неплохо.

Но и для меня есть свой смысл. Раз я все равно собирался играть до конца, то такой вариант позволит хоть немного компенсировать разочарование от проигрыша. И в другой раз прийти именно в это казино.

Кивнув бармену, я подошел к игорному столу. Положил стопку фишек на номер и вдруг понял, что волнуюсь.

Золоченое колесо остановилось, указав стрелкой на семнадцать.

Получив в кассе деньги, я вернулся к стойке и протянул бармену пять бумажек. Спросил еще один коньяк.

– Если не секрет, в чем хитрость? Я думал, вы просто провокатор.

– Я работаю здесь пятнадцать лет, – серб самодовольно усмехнулся. – Кое-чему научился. У вас лицо удачливого человека... А 17 не выигрывало уже два дня. Я люблю играть, но мне запрещено. Вот я и придумал. Выбираю подходящего человека и предлагаю сделать ставку. В конечном счете я всегда в выигрыше. Надеюсь, вы меня не выдадите?

– Разумеется. Желаю дальнейших успехов...

Глава 7

Утром я вылетел в Будапешт. На углу проспекта Ракоци и площади Фельсабадулаш жила мать Аллы. Отец-то у нее русский, а мать мадьярка, что, возможно, и объясняет некую непредсказуемость ее угро-славянской натуры.

Мадам Илона Варажди угостила меня кофе, мы светски с ней поболтали, но ничего существенного узнать не удалось. Последний раз Алла звонила матери месяц назад и речи о чем-то необычном не вела.

Пришлось откланяться, постаравшись не заронить в материнское сердце тревоги.

Правда, мадам Илона больше интересовалась нашими с Аллой жизненными планами, нежели смыслом моего нынешнего визита.

Сложный зигзаг через Европу, Канаду – и к исходу третьих суток я наконец увидел в иллюминаторе аэробуса игру солнечных зайчиков на зеркальной воде Жемчужной бухты.

Вот, значит, и привела меня судьба на сказочные Гавайи, пусть и в довольно странной роли. И вряд ли на сей раз удастся овладеть искусством серфинга.

Отель «Вайкики» представлял из себя бело-голубую сорокаэтажную пластину из пенобетона, изогнутую, как надутый ветром парус.

Стоя у окна комнаты, где мы могли быть с Аллой, ни о чем не думая, предаваться радостям любви и наслаждаться видом бескрайнего океана, я пытался определить, чего во мне сейчас больше: тревоги и страха или все же злого азарта?

А потом пошел на пляж. Лег на пресловутый коралловый песок и начал знакомиться с обществом. Пока – визуально.

Кстати, глубоко заблуждается тот, кто считает, что пляжный народ одинаков на всех морях, широтах и меридианах.

Поскольку выбор того или иного моря, или, шире говоря, курорта, определяется соответствующим складом характера, состоянием духа, ну и материальным положением тоже, то, безусловно, публика в Серебряном Бору, Ялте, Дубровнике, Палм-Биче и вот здесь – разная. И сплоченная внутри себя духовной общностью, может быть, сильнее, чем любой другой коллектив, возникший на вроде бы куда более серьезной основе.

Философствуя, я лежал, поглощая ультрафиолет, и провожал заинтересованным взглядом каждую входящую в воду и выходящую из нее наяду, нимфу – или какие там есть еще наименования для загорелых, длинноногих, крутобедрых и так далее прелестниц? Тем более что в духе стародавайских традиций дамы здесь купались исключительно «топлесс».

А я, увы, обречен лишь издали любоваться их формами, лишенный морального права немедленно приступить к практическому выявлению особ, наиболее близких мне по духу.

...Отель «Принцесса Каиулани» не такой романтически-авангардистский, как мой, а старомодно-массивный, в стиле испанского средневековья, расположился довольно далеко от моря, посреди пальмовой рощи, металлически шелестящей круглыми перистыми листьями. Постояльцы в массе тоже были постарше, пореспектабельнее, что объяснялось и ценами, и местоположением. Меня это как-то неожиданно задело. Алла словно намекнула, что у нее вкусы на порядок выше моих. Тоже близко к теме моих пляжных размышлений.

У портье я получил фирменный шоколадный с золотой каймой конверт.

Письмо, не разрешив многих недоумений, все же успокоило. В обтекаемых выражениях Алла просила извинения, что не смогла меня дождаться, и тут же переворачивала вопрос так, будто я ничего не потерял, раз мы все равно собирались отдыхать здесь, а перелет в одиночку я, видимо, как-то пережил. И тем более что я предпочитаю большую часть времени проводить как раз в одиночку, то есть без нее. А вот она в этот раз ну никак не могла: эксперимент, к которому она готовилась не один год, отлагательства не терпел. Суть экспе-

римента она здесь объяснять не будет, а просьба хранить тайну связана с тем, что вокруг тьма врагов-завистников и они могут помешать. Потому лучше всего, если я возьму напрокат катер и прибуду к таким-то координатам, где находится остров, а на острове – она. Если я успел завести в Гонолулу любовницу, ей говорить, куда я плыву, не надо. Собутыльникам тоже. Оказавшись на острове, делать вид, что попал туда случайно, или – что даже интереснее – выследил ее, мучимый ревностью. Но ни в коем случае не ссылаться на то, что Алла сама меня позвала. Обо всем прочем поговорим лично. Эксперимент меня как журналиста может заинтересовать. А если даже и нет, то что-нибудь она все равно придумает.

Я привожу ее письмо в пересказе потому, что стиль моей подруги в оригинале труднодоступен. Вдобавок значащая информация составляет процентов 15–20, неравномерно разбросанных по тексту, имеющему смысл только для меня.

Просчитав маршрут, расстояние до указанной точки с учетом ветров, течений и скоростей различных видов морского транспорта, я определил, что выйти в море мне следует не позднее, чем завтра поутру.

Я никогда не думал, что, располагая деньгами, так трудно арендовать на неделю хорошую яхту. Куда бы я ни обращался, мне с извинениями отказывали. То нет в наличии, то лишь для членов клуба, то отсутствует некая отметка в едином паспорте, а то и просто слабые гарантии. Можно было вообразить, что у каждого клерка имеется моя фотография с категорическим указанием не обслуживать ни под каким видом.

И только на другом конце острова, в городке Макуа, я нашел искомое – двенадцатитонную яхту «Лаки Билл», но запросил ее владелец сумасшедшие деньги.

Прикинув общие расходы, я решил, что исполнение каприза женщины обошлось дороже, нежели женитьба на ней же с банкетом в загородном ресторане и последующим кругосветным путешествием на «Куин Мери».

Это если брать от момента получения ее первого письма.

Ну а в море было великолепно. Трехбалльный ветерок позволял спокойно идти по 8 узлов, автомат-навигатор четко следил за курсом, а я мог лежать в шезлонге и размышлять.

Что вот неплохо бы пригласить сюда Дика Меллони, моего приятеля, литературоведа-слависта из Лондона, который так отзывался о моем увлечении парусным спортом: «Да, это очень интересное занятие. Примерно как стоять в пальто под холодным душем и рвать деньги».

Сравнение меткое, но справедливое скорее для Северной Атлантики. Впрочем, насчет денег – и для южных морей тоже.

Приятнее же всего было думать об Алле. О том, как мы прощались и как встретимся, о ее лице и фигуре, о взбалмошном характере и пылкой нежности... И обо всем прочем, накопившемся за время разлуки.

Мастерски увернувшись от двух коротких, но свирепых шквалов, к утру следующих суток я вышел в район чуть южнее Мидуэя.

Координаты были те самые, но локатор показывал вокруг целую россыпь мелких островков, и я решил подождать утра.

Остров, к которому я подошел, был не тот, что мне требовался, но имел удобную бухту, окантованную серым галечным пляжем, из покрывающих крутые скалы зарослей срывался игрушечный водопадик, нашлась и укрытая от шторма стоянка за естественным брекватером, и вообще мне здесь понравилось. Вот бы где пожить, подобно Стивенсону или Джеку Лондону, в бамбуковой хижине, а лучше в каменном коттедже. Уж тут-то я за полгода закончил бы свой роман.

Определившись по навигационным спутникам, я увидел, что до цели всего три мили строго к Весту.

И добраться туда проще всего на надувном клиперботе с подвесным мотором.

Заведя за береговую скалу носовой и кормовой швартовы, я стал готовиться к последнему переходу.

Глава 8

С первых же шагов обнаружилось, что остров обитаем, причем очень давно. А мне казалось, я увижу обычный в этих местах никому не нужный атолл с палаточным лагерем на берегу.

В полусотне метров от расселины, удобной для высадки, в море выдавался полуразрушенный бетонный пирс. Рядом с ним я увидел притопленный мореходный катер, большой, с закрытым черно-белым кокпитом. Подошел к нему с вновь возникшим чувством тревоги. Катер лежал на дне, сквозь прозрачную воду отчетливо различались две пробоины в левом борту. Края их были вывернуты наружу. И затоплен катер совсем недавно, на его корпусе не видно не только водорослей, но и донного песка.

От пирса в глубь острова, сплошь заросшего переплетенными лианами и бамбуком, вела вымощенная потрескавшимися плитами дорога. Тоже непонятно, когда и для чего она проложена. Ни курортного, ни какого-нибудь промышленного значения остров иметь не может.

И уж тем более он не походил на место расположения научного центра. Мне приходилось бывать на самых разных станциях и базах, там издалека ощущается активная творческая жизнь. Ноосфера, если угодно. А здесь – глушь в самом прямом смысле. Глушь и мрачность запустения, причем с недобрый оттенком.

Кроме катера, ничто не намекает на возможность найти здесь Аллу и ее коллег.

Впрочем, поднимаясь вверх по дороге, врезанной в склон, я заметил следы цивилизации. Вначале – пустую банку от пива на обочине в траве, потом – смятую обертку от австралийских крекеров.

Сквозь плотную завесу зелени блеснуло солнце, наконец выбравшееся из окутывавшей горизонт плотной дымки, затрещала костяным голосом неизвестная птица, ей ответил целый хор писков, скрипов, скрежетов и стонов, обычных для тропической фауны и заменяющих привычное птичье пение.

Обойдя коническую осыпь, завалившую бетонку до середины (и лишний раз подчеркивающую забытость этого места, потому что сквозь песок и щебень успели прорасти деревья в руку толщиной), я остановился. Даже непроизвольно сделал шаг назад.

Между осыпью и склоном в неестественной и неудобной позе, вытянув одну ногу и поджав под себя другую, обхватив руками голову, лежал человек. Он, безусловно, был мертв. Тут не ошибешься.

Кисти рук покрыты засохшей кровью, на бетоне и траве тоже видны ржаво-черные пятна и потеки.

Я не стал прикасаться к труп, только убедился, что затылок у него раздроблен, как принято говорить у экспертов, «тупым тяжелым предметом».

И был он, конечно, свежим трупом, потому что в тропиках мертвые тела недолго сохраняются.

По спине и бокам у меня покатались крупные капли горячего пота. И ладони стали влажные. Я тщательно вытер их о брюки, потом вытащил из-под ремня пистолет.

Лицо убитого я рассмотреть не мог, да и не стремился. Похоже, от чего ехали, к тому и приехали. Затвор щелкнул, досылая патрон. Катер, этот несчастный... Что меня ждет дальше?

Я чувствовал одновременно злость, отчаяние и страх. Не индивидуальный, а общий, разлитый в воздухе, как ядовитый газ.

А вдруг за следующим поворотом – Алла? В таком же виде, а то и хуже...

Какого черта ее потянуло в эти дурацкие игры? Конспираторы, так их и так... Значит, все-таки мафия всемирного масштаба? Ведь научные споры так не заканчиваются. Что ей стоило предупредить меня как следует? Или в кругах московских биофизиков за время моего отсутствия сильно изменились нравы?

Прижимаясь спиной к откосу и держа на отлете «штейер» стволом вверх, я выглянул за поворот. Там было пусто. По крайней мере – до следующего поворота.

...Кажется, я наконец понял все. Никаких особых загадок в этом деле не было с самого начала. Кроме одной – чем именно Алла с коллегами занималась и кому они мешали. Все остальное – проще некуда.

Некая группа решила их ликвидировать, то ли чтоб завладеть научными результатами, то ли чтоб таковых не допустить. И все у них было четко спланировано. Только одного они не учли. Что Алла сообщила о своем отъезде мне. А когда об этом проболталась, им пришлось принимать срочные меры.

Если б не я, до скончания века никто и понятия бы не имел, куда пропала некая Алла Одинцова и иже с нею. И подвела этих ребят сущая мелочь: не учли они, что вздумалось мне сначала сесть не в тот вагон, а потом так же внезапно из него выскочить. Так у них все спланировано и рассчитано было верно, ну а когда сорвалось – пошла чистая самостоятельность...

Но зато теперь я пришел сюда сам.

Наверху, где дорога выходила на плоскую вершину горы, я обнаружил лагерь. Два экспедиционных шатра, оранжевый и синий, и все положенные компоненты походной жизни: солнечная печь, стол и стулья под тентом, тарелка спутниковой антенны. И разбросанные вокруг мелочи вроде посуды, консервных банок и тому подобного.

Я сунул пистолет в карман и собрался тщательно осмотреть лагерь. Возможно, найду что-нибудь, способное приоткрыть завесу тайны. Заодно проверю, работает ли связь, и если да – вызову гавайскую аварийно-спасательную службу или ближайший морской патруль.

Казалось бы, все ясно, осталось только найти тело. Но представить Аллу мертвой у меня не получалось. Не позволяла интуиция. Мне казалось, что ее скорее могли захватить, увезти куда-то, но не убить...

Кругами обходя поляну и тщательно осматривая каждый метр, чтобы не упустить самую мелкую деталь, могущую оказаться жизненно важной, я приближался к шатру, в котором, наверное, жила Алла, – на растяжке тента болтался цветной купальник. И остановился, вздрогнув. Невдалеке, в полукилометре, может быть, раздался гулкий металлический удар. Потом еще и еще. С интервалами секунд в пять-семь.

Как будто сваи забивают.

Странно, но я совершенно не подумал, что это могут быть враги. Будто затмение нашло. Вначале я сделал несколько шагов, прислушиваясь, чтобы точнее определить направление, потом побежал.

Чуть не сорвавшись с откоса, я вновь прыгнул на ту же дорогу, но уже с другой стороны холма. Теперь она вела вниз, серпантином огибая остров.

Удары прекратились, но я теперь знал точный азимут и бежал напрямик, лавируя между деревьями с губчатой морщинистой корой.

Чудом удержался на ногах, шарахнувшись от куста, похожего на гигантское алоэ, усаженное полуметровыми, жутко острыми на вид шипами. Крутанулся на каблуках, выпрямился, но через десяток прыжков все же упал, поскользнувшись на чем-то мягком.

«Хорошо, что не в колючки», – подумал я, а когда, вставая, поднял голову, то похолодел. Пусть даже это слишком приблизительное определение.

Передо мной, метрах в пяти, с массивной кувалдой в отведенной для удара руке стоял тот самый тип – аэропортно-вологодский. И лицо у него было такое же омерзительное, если не хуже.

Пожалуй, мне повезло, что в тот миг я напрочь забыл про пистолет. А то лежать бы мне на той полянке с раздробленным черепом.

Впрочем, нет, судьба моя оказалась бы намного ужаснее, как ни дико это звучит.

В общем, я стоял перед ним в неудобной позе и с глупейшим выражением лица.

– Ну вот и встретились, – сказал он, едва шевеля губами. Я отметил странный тембр его голоса, словно сдвинутый по частотам и с непривычными обертонами. – Стоило так долго бегать...

Я молчал, тупо глядя не на него, а на кувалду, словно надеялся рассмотреть на ней следы крови. Да и что я мог сказать? Горло сжимала досада и предсмертная тоска.

– Не бойся. Умирать совсем не страшно, – он откровенно издевался, и я почувствовал, что во мне на смену страху и отчаянию поднимается ярость. Хороший признак.

– А... – я кашлянул, прочищая горло. – А зачем, собственно? Что я тебе сделал?

– Это ты скоро узнаешь, – он качнул своей кувалдой.

Да, черт возьми, он же просто псих. Сумасшедший убийца. Как все маньяки, хитрый и изобретательный, раз гонялся за мной по всему свету.

Но я ему тоже не баран, который будет покорно ждать удара в лоб. Кроме регби, я ведь чуть не стал чемпионом Москвы по фехтованию. А молот – не сабля. Как только он начнет замахиваться, я – флешем вперед, батман левой, а пальцами правой в глаза. Ну а там посмотрим.

Однако он тоже не зевал, сделал два шага назад, будто прочел мои мысли.

– Не будем торопиться. Поживи еще, если тебе это нравится. Заодно поможешь мне. Иди вперед. И положи руки на затылок. Лишнее движение – и тебе конец. Ясно? Твоего монаха здесь нет...

Тут я и вспомнил о «штейере». Ощутил кожей бедра его угловатые выступы, его надежную тяжесть.

Поглядим еще, кто из нас дурак. В подходящий момент я резко рвану вперед, в сторону, выхватчу пистолет...

Одновременно я продолжал думать о судьбе Аллы и о том, как маньяк смог меня опередить? Москва – Токио – Гонолулу, а дальше? Гидропланом?

Насколько я понимаю в психологии, такие патологические типы часто склонны к резонерству. Не поворачивая головы, я спросил как можно небрежнее:

– Слушай, а на кой я тебе, действительно? Мы вроде и не знакомы даже. Ты ничего не перепутал?

Расчет был верный.

– С чего ты взял, что нужен мне? Незачем было совать нос в дела, которые тебя не касаются. Занимался бы космосом, и никаких тебе забот. Ну, а раз сам захотел...

Контакт, похоже, начал устанавливаться.

– Я тебя не понимаю. Ты начал охотиться за мной прямо в порту. Ни в какие дела я не лез, и уж тем более в твои. Я и вижу-то тебя впервые. Если в лесу тоже был ты, так я не разглядел...

Он коротко и глухо рассмеялся.

– Зачем сейчас-то врешь, перед смертью? Первое, что ты сделал в Москве, – заказал номер в Гонолулу. И на тот самый день. Что с тобой оставалось делать? Не получилось, правда, да, может, и к лучшему. Здесь от тебя больше пользы будет... – и опять так же мерзко рассмеялся.

«Господи, неужели все так глупо? Такое нелепое совпадение? Стоившее жизни десяткам людей...»

Да нет, не сходится. Чтобы узнать про Гонолулу, нужно ведь было встретить меня, следить за каждым шагом, чуть ли не через плечо заглядывать... Только не время сейчас для таких тонкостей, нужно суметь вывернуться еще раз, а уж потом...»

– Верь – не верь, но я так-таки ничего и не знаю. На Гавайи мы еще в прошлом году договорились... И нужно мне только одно – разыскать Аллу. Где она? Скажи уж, перед смертью...

Он промолчал.

Дорога кончилась, уперлась в вырубленную в скале площадку. Слева обрыв круто падал вниз, к морю, а справа я увидел врезанную в скалу массивную стальную дверь, некогда выкрашенную серой краской, от которой теперь остались только отдельные потрескавшиеся лишай. По краям на двери видны были свежие забоины, вмятины, обнажившие из-под ржавчины блестящий металл. Похоже – от той самой кувалды. Неужели за этой дверью удалось укрыться остальным членам экспедиции? И труп на дороге был единственным?

– К стене! – услышал я команду за спиной. – Лицом к стене, руки не опускать...

Скосив глаза, я увидел, как мой все еще безымянный враг подошел к двери и ударил кувалдой по загудевшему металлу.

– Слушай! Ты видишь меня и кто со мной. Сейчас ты откроешь дверь. Иначе я убью его на твоих глазах. И все равно доберусь до витатрона. Тебя я тогда тоже убью. А если сейчас откроешь, я отпущу вас обоих. Вы мне не нужны...

Но я совершенно точно знал, что он врет. Не только потому, что он сам обещал мне скорую смерть без всяких условий, но и так, исходя из психологии. Глупо думать о доверии к словам... нет, человеком его называть мне бы не хотелось, к словам монстра, спокойно убившего множество людей просто так и вдруг якобы решившего дать жизнь и свободу свидетелям, единственным, по всей видимости. Алла там одна, иначе он обращался бы не только к ней.

– Алла, не открывай. Пока я сам не скажу! – крикнул я по-венгерски, чтобы монстр не понял. Я допускал, что поблизости могут оказаться его соучастники. Трудно поверить, что все он проделал в одиночку. Хотя бы та рыжая...

– Эй ты! Я сказал – молчать! – он не понял меня и взъерился от звуков незнакомого языка.

Задвижка, прикрывавшая изнутри «глазок» двери, дрогнула, сдвинулась чуть-чуть.

Я рванул пистолет из кармана. Меня, в который уж раз, спасло то, что я неотрывно следил за его руками.

Кувалда свистнула мимо щеки буквально в сантиметре и врезалась в скальную стенку. Запоздай я на десятую долю секунды – и все!

Ну у него и реакция была нечеловеческой. Пока я вскидывал пистолет, он уже пролетел половину разделявшего нас расстояния.

Три выстрела громыхнули подряд. Прав был отец Григорий – ударами пуль его почти перевернуло в полете и швырнуло на землю. Я даже видел, как из его рубашки вылетали клочья при каждом попадании.

И все же буквально через несколько секунд он зашевелился, заскреб руками по щебню, сделал попытку приподняться.

Вот кого он мне все время напоминал – понял я наконец – огромное насекомое!

Это у них только может быть такой бессмысленный взгляд и такая живучесть. Хотя – не зря ведь я вспомнил в Москве о звуке раздавливаемого таракана!

Подавляя тошноту и озноб отвращения, я снова поднял ствол. Выстрелом с двух шагов я вдребезги разнесу ему голову, и уж тогда все!

Вместо оглушительного грохота я услышал негромкий хлопок.

Осечка? Да нет, не похоже, капсюль-то сработал.

Отчаянно дернул затвор, и тоже бесполезно. Гильза осталась в патроннике.

Это был предел. Нервы больше не выдержали.

– Алла! – выкрикнул я. – Открывай!!!

Монстр уже поднялся на четвереньки.

Потом, позже, я подумал: надо было схватить кувалду и бить, бить, бить... На том бы все и кончилось.

Однако не зря говорил отец Григорий: «Есть предел, его же не перейдеши». Если бы и догадался, все равно бы не смог.

Тяжелая дверь наконец распахнулась. Мне вспоминается, что, увидев Аллу, я потерял последние силы. Чудовище уже выпрямилось во весь рост, а я медленно пятился к двери, выставив перед собой никчемное оружие.

Алла за рукав втащила меня в галерею, захлопнула дверь, со скрипом провернула колесо кремальеры и только потом с рыданием упала мне на грудь.

А мне стало невероятно стыдно.

Глава 9

Внутри острова скрывалась целая подземная крепость. Построенная японцами как тайная база для подводных лодок в годы очередной войны с Пасифидой, то есть Тихоокеанской конфедерацией. Так мне потом рассказала Алла. Победившие японцев конфедераты базу демонтировали, все, что им было не нужно, уничтожили и забросили островок на добрых полсотни лет. Самостоятельного значения он не имел.

А года два назад его заново открыл и решил использовать для своей лаборатории научный руководитель Аллы. Кирилл его звали.

Впрочем, про все про это мы говорили с ней уже позже. А вначале, когда она немного успокоилась, мы долго шли вниз по наклонной галерее. Тут я и обратил внимание на то, как Алла одета.

Совершенно как рыжеволосая дама с лучементом. Только, кроме шортов, на Алле была еще легкая куртка того же цвета и узкая некогда белая майка.

За спиной вновь раздался гулкий удар. Здесь он звучал гораздо громче и неприятнее, направляемый и усиливаемый бетонной трубой коридора.

Алла вздрогнула.

– Не бойся, – сказал я. – Тем молотком он год колотить будет, и без толку. Это же на прицельный артогонь рассчитано...

– Он со вчерашнего дня колотит... Ужасно... Я чуть с ума не сошла...

Коридор вывел нас в обширный каземат, весь центр которого занимала сложная научно-техническая конструкция. Из того, что я знал, эта установка больше всего походила на полевую операционную, развернутую в двигательном отсеке звездолета.

Пришлось, наверное, потрудиться тем, кто все это сюда тайным образом завозил и монтировал.

К главному залу примыкала небольшая комната, очевидно, помещение дежурных операторов – там был стол, заваленный проводами, микросхемами, паяльниками и Бог знает еще чем, контрольные щиты и пульта, а также два надувных походных дивана. Работал климатизатор, так что душно не было, хоть и находились мы глубоко под землей.

Гул ударов сюда почти не доносился, особенно когда я прикрыл дверь.

Я обнял Аллу, привлек к себе, не замечая ни ее грязного лица, на котором слезы прочертили две светлые дорожки, ни спутанных волос, явно дня три уже не чесанных...

Она была жива, вот главное! После того как я мысленно с ней простился. (Но ведь я не верил же до конца!)

Алла тоже обхватила мою шею руками, прижалась грудью и животом, сама подставила раскрытые губы...

Значит, все в порядке, подумал я. С этой женщиной мне всегда было трудно общаться. Я никогда точно не знал, кто мы с ней на данный момент – страстные любовники или хорошие друзья. Независимо от того, виделись мы последний раз месяц назад или, напротив, провели накануне великолепную ночь любви.

Моментами такая неопределенность злила, но она же и придавала нашим отношениям здоровую увлекательность.

Женщина, которую каждый день надо завоевывать заново и каждый вечер соблазнять без всяких гарантий на успех, не может надоесть.

А тут она с трудом прервала поцелуй и сама повлекла меня к ближайшему дивану, торопливо сбросила куртку, потянула майку через голову.

Пережитые ли потрясения растормозили ее подсознание, или она действительно искренне по мне соскучилась, но давно нам с ней не было так хорошо.

...Ставший уже привычным грохот ударов в дверь прекратился. Я наконец вернулся к реальности.

– Так что все-таки происходит? – спросил я. – Этот кретин наверху – взбесившийся робот?

С чего-то же надо было переходить к делу.

– К сожалению, нет. Все гораздо ужаснее... Не знаю даже, как тебе все это объяснить.

– Можно – с самого начала. Спешить нам, похоже, некуда...

И тут же я вспомнил, что практически безоружен. Поднял с пола «штейер», оттянул затвор. С помощью отвертки извлек застрявшую гильзу. Наверное, порох в патроне от времени разложился, потому и выстрел прозвучал так глухо, и пуля застряла в стволе. Пришлось повозиться, чтобы выбить ее наружу. Перезарядив пистолет, я вышел из комнаты и сделал контрольный выстрел вдоль коридора.

Будем надеяться, что остальные патроны не подведут. А их в магазине теперь только тринадцать. Может, счастливое число, а может, и роковое...

Алла тем временем привела себя в порядок, умылась и причесалась, сообразила кое-какой обед из имевшихся в ящике продуктов (но оказалось их здесь удручающе мало, все запасы остались наверху) и лишь потом начала свой рассказ.

Все выходило гораздо абсурднее, но и намного страшнее, чем я мог предположить.

Их там, в институте, собралась целая группа молодых интеллектуалов, вообразивших себя гениями. Скорее всего так оно и было, но от этого теперь никому из них не легче. Вначале они занялись проблемой паралетальных состояний.

– Паралетальные – это клиническая смерть? – спросил я, проявив определенную эрудицию.

– Нет, это гораздо шире. Сюда входят биологические, психологические, энергетические и ряд других процессов и явлений, сопровождающих реакцию организма на ситуации, связанные не только с моментом умирания, но и вообще приближения смерти и пребывания на ее грани и за гранью. Одно дело – закономерная агония после длительной неизлечимой болезни, совсем другое – реакция организма на смертельную травму или даже стресс, вызванный реальной опасностью гибели... Тут сотни вариантов и проблем, касающихся самых разных отраслей знаний...

Их группа вначале состояла из четырех человек, потом к ним присоединялись еще волонтеры. Чем дальше они влезали в свое дело, тем больше возникало побочных эффектов и вопросов, выходящих за рамки известных представлений. Вначале практический смысл работы они видели в том, чтобы выделить факторы, повышающие жизнестойкость организма.

Но в дальнейшем...

– Наверное, вся беда в том, что мы пошли на поводу у Ивара... Он профессиональный танатолог и философ-любитель. Его очень увлекала теория русского мыслителя Николая Федорова о грядущем воскрешении всех умерших...

– «Общее дело», – кивнул я. – Читал, приходилось. Только боюсь, что ваш Ивар понял ее совершенно превратно...

– Сейчас это уже не имеет значения. Но он воспринял ее буквально, как текущую задачу, и убедил нас, что она разрешима. Самым горячим его сторонником оказался Артур... Вот он сейчас там, наверху...

– Так он ваш...

– Не перебивай, слушай до конца...

По словам Аллы выходило, что им удалось экспериментально подтвердить принципиально новую гипотезу смерти.

Известно, что ни один еще человек на Земле не умер «своей смертью», то есть прекращение жизни в каждом конкретном случае наступало от каких угодно причин, но не от того, что организм до конца исчерпывал запас «жизненных сил». Даже двухсотлетние долгожители умирали случайно, от того же, от чего свободно могли бы умереть в детстве. И наоборот, в любой даже самой страшной эпидемии никогда не умирали все люди, оказавшиеся в ее очаге, причем выживали не всегда самые крепкие и здоровые.

В конце концов Алла с товарищами удалось выделить универсальную причину смерти, названную ими «фактор Т» (от слова «танатос» – смерть). Для того чтобы особь умерла, необходимо сочетание: «причина + фактор Т».

В физический и биологический смысл «фактора» Алла вдаваться не стала, да мне оно и ни к чему, в биологии я профан полный. В объеме курса гуманитарного лица.

Но когда они подошли к данному рубежу, на их исследования был наложен полный и категорический запрет.

Здесь Алла не то чтобы уклонилась от правды, но постаралась коснуться ее мельком, как чего-то несущественного. Однако я и так знал, что целый ряд исследований в генетике и прилегающих областях отнесен к категории особо опасных и есть специальные учреждения, пресекающие безответственное любопытство. С чем я, кстати, совершенно согласен. Но это к слову.

Наши же мудрецы, как говорится, закусили удила, группу свою они формально распустили, подлинники лабораторных журналов сдали куда следует, но на самом деле...

Неважно как, но все необходимое оборудование они за много приемов переправили на этот остров, оборудовали лабораторию и заработали еще азартнее. Кто-то отлаживал установку, кто-то в Москве, Риге и Аделаиде делал расчеты и ставил промежуточные опыты, и все вместе сильно напоминало процесс сборки атомной бомбы. До момента, когда остается только свести вместе нужное количество плутониевых сегментов.

Полгода назад этот момент настал.

– Но до последнего дня большинство из нас просто не верили, что чистый опыт удастся.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Я имею в виду реальное воскрешение стопроцентно мертвого человека.

– Реальное – это как?

– Возвращение к жизни индивида, необратимо перешедшего рубеж биологической смерти, окончательную гибель динамических структур всех уровней. Как в Евангелии написано про Лазаря, помнишь?

– Помню, конечно. «И труп уже смердел...» Но все равно не представляю, как можно восстановить разлагающиеся ткани. А мозг? Электропотенциал стерт, и личности уже нет. Даже если тело живет... Если же и тело... того...

Алла улыбнулась иронически-снисходительно. Что, мол, с дурака возьмешь.

– В обыденном смысле это так. Но все дело в том и заключается, что мы нашли способ подойти к проблеме с противоположной стороны. Только я совсем не расположена читать сейчас популярную лекцию...

– А ты в двух словах. Мне сейчас интереснее факты, чем их объяснение.

– Если так... Когда мы все продумали, нам потребовался труп. Достаточно мертвый. С помощью определенных методов в его тканях выделялось наличие «фактора Т». Способ нейтрализовать его, предварительно определив момент, когда он проник в организм, у нас уже был отработан.

– Что, как вирус?

– Да, похоже. «Фактор Т» поражает организм извне, подобно инфекции, и как только человек заражен, дело лишь за способом смерти. Он может умереть от болезни, от острой сердечной недостаточности, от несчастного случая, наконец...

– Даже так? – тут я не скрыл изумления.

– А что? Тебя разве не удивляло, что один человек выходит живым из самых невероятных переделок, из-под снежных лавин, обвалов, из сражений, остается целым даже в авиакатастрофе, а другой погибает от совершеннейшего пустяка. Споткнувшись на ровном месте или заболев гриппом...

– Невезучесть как заразная болезнь! Оригинально. Хорошее название для очерка. А каков инкубационный период? Вы установили? Кстати, насчет вакцины не думали? Прививки от смерти – шикарно! Вот где можно провести серию роскошных экспериментов: что будет, если вакцинированный прыгнет с самолета без парашюта? Просто ударится о землю, отряхнется и пойдет, или произойдет нечто непредвиденное: стог сена подвернется или водоем, к примеру? – меня понесло. Это такая форма защитной реакции на запредельные перегрузки.

Алла не разделила моего игривого настроения.

– Самсон, наш хронофизик, предложил поместить объект эксперимента внутрь первичного контура хроноквантового двигателя...

Теперь я понял все. Замысел столь же простой, сколь и невероятный по своей бредовой гениальности. Куда уж проще: изнутри контура возникают зоны ускоренного и замедленного времени, направленного не только вперед, но и назад. С живой тканью, тем более с людьми, никто, насколько я знаю, не экспериментировал. Ввиду полной бесперспективности и бессмысленности таких опытов. Но здесь-то они имели дело с тканями уже не живыми...

Вот что значит журналистская привычка заниматься проблемами, о которых только что не имел никакого понятия, и даже находить оригинальные повороты сюжета там, где специалисты их не усматривают!

– Ясно. Смещение по времени, контроль за «фактором Т», его нейтрализация до момента внедрения.

Алла смотрела на меня, словно видела впервые. Как же, они столько работали, а я сразу понял. Неужели не знала, что делать оригинальные открытия трудно, а проследить путь, зная результат, – ничего особенного.

– Скажи мне лучше, где вы взяли труп? По жребию, что ли?

– Нет, что ты! Это вышло совершенно случайно. Мы еще только обсуждали... Хотели с животных начать. Потом Ивар сговорился со своими коллегами в Аделаиде, там крупный биоцентр, просил подобрать что-нибудь. Даже самолет частный заказал. И вдруг такое совпадение... Ужасно, конечно, кто бы мог представить... Артур вообще хороший ныряльщик, везде с собой снаряжение возит, а здесь такие условия – коралловые рифы, богатейший подводный мир. Не знаю, что с ним под водой случилось... Он один нырял и вовремя не выплыл. Пока мы поняли, что его нет, пока у него в вещах Кирилл разыскал еще одну осмотическую маску – мы знали, что он всегда с собой запасной комплект берет... Но ты же знаешь, как искать, не зная где... Кирилл два часа нырял... Артура под скалу затянуло, и маска была сорвана. В общем, мертвый... Мы все, конечно, в шоке, и тут Ивар и предложил... Все равно уже, а вдруг выйдет? Терять нечего...

Из дальнейшего рассказа я понял, что получилось у них более чем успешно. После всех необходимых манипуляций Артур воскрес. Сначала телеметрия показала, а потом он шевельнулся и сел на столе витализатора...

– Так ты мне свой факс послала, когда он, ваш дружок... того? Чтоб независимый свидетель под рукой был?

– С чего ты взял? Я сразу, как в Гонолулу прилетели...

– Ин-те-ресно... – я увидел на столе металлическую коробку бразильских сигар, раскрыл ее, достал одну и закурил... Я, почти некурящий, но тут меня допекло. Всему есть пределы. От первой же затяжки голова плавно закружилась.

– Получается, покойничек пришел по мою душу ровно за неделю до своей безвременной кончины...

Теперь уже Алла выглядела ошарашенной. И мне пришлось излагать ей свою историю. Как если бы шах взял на себя функции Шехерезады.

Дойдя до девицы в шортах, я обратил внимание, что Алла одета так же.

– Да, мы с Верой все время ходили только в шортах. Жарко... неужели и она?.. – Алла помолчала, а затем продолжила: – Очнувшись, Артур, словно не замечая своих друзей, восхищенных и потрясенных, опустил ноги на пол, посидел минуту-другую, потом встал и пошел к выходу из зала. На запоздалую попытку остановить его словами не отреагировал, а когда Самсон преградил ему путь, довольно грубо оттолкнул и исчез в зарослях.

Само собой, все кинулись его искать. Разбрелись по окрестностям базы, звали, потеряли друг друга из виду... Алла спустилась до самого берега, пошла обратно. И в лесу недалеко от лагеря увидела Кирилла. Он был мертв. Скорее всего задушен...

В ужасе Алла заметалась. С криками бегала между деревьями, звала друзей, но никто не откликнулся. Она не помнит, через час или через три вновь оказалась возле входа в бункер.

И тут увидела Артура. Он уже был одет. Алла сделала шаг навстречу, но вдруг остановилась, встретившись с ним взглядом. По ее словам, такого страха она не переживала никогда в жизни.

Охотно верю. Особенно в той обстановке.

Она рванулась назад, заскочила в галерею и успела закрыть дверь. Артур подошел и стал уговаривать впустить его. Что-то пытался объяснить, она не понимала, а вот сейчас...

Алла прервала рассказ и закрыла лицо ладонями. Я обнял ее и прижал к себе.

Того, что ей пришлось пережить, не выдержал бы каждый второй мужик. Из тех, кого я знаю.

...Прошло довольно много времени, пока она вновь смогла рассуждать спокойно.

Просчитав все варианты, мы пришли к выводу, что пока Алла бегала по острову, Артур как минимум успел убить Веру (а скорее и всех остальных тоже), принес ее тело в бункер и проделал с ней ту же операцию, что только что была совершена над ним.

– А Артур, царство ему небесное, он как, с детства отличался дурными наклонностями? – этот иронический тон тоже, наверно, следует отнести к форме психологической защиты.

– Нет, как раз он был очень такой вежливый, спокойный, деликатный. Не представляю, что с ним произошло...

Я чуть не выругался грубо. «Что с ним произошло?» Ах-ах! Помер он, и все. А потом воскрес. Но между этими моментами своей биографии претерпел принципиальные изменения. Знак поменял. Так я понял его метаморфозу.

Но вслух этого не сказал.

– Давай дальше. Значит, выходит, что он и Вера после смерти и воскрешения превратились в нечто нечеловеческое... Непреодолимая потребность убивать... Кстати, в легендах тоже всегда воскресшие покойники, русалки, вампиры, оборотни враждебны людям... Отчего бы? Неужели и здесь вы далеко не первые? И эмпирические знания опережают научные... – порассуждать тут было о чем, но я опять прервал себя. Слишком хорошо я знал за собой слабость к долгим разговорам по любому подходящему поводу.

– Давай лучше сообразим, как получилось, что ваш дружок научился еще и во времени перемещаться? Больше чем на неделю в прошлое?

– Как только ты сказал, что Артур за тобой приходил, я все время об этом думаю, – ответила Алла. – Хронофизикой у нас Самсон занимался, я тут не слишком разбираюсь, но можно предположить. Колебательный контур каким-то образом разрушил нормальное положение Артура в потоке времени... Может, я и чепуху говорю, конечно... Вдруг для него

теперь расширились границы настоящего? Для нас оно – доли секунды, точка на оси времени, а для него – уже не точка, а отрезок, как раз примерно в неделю. Или в две – плюс-минус, в прошлое и будущее...

Вот тут я себя почувствовал в своей стихии.

– Нормально согласуется. Особенно если и вправду взад-вперед он может... Зная свое будущее на неделю вперед, он узнал и то, что я сюда прилечу и тебя спасу, махнул в прошлое, встретил там меня, попытался ликвидировать. И не смог. Как раз потому, что я все равно в данном варианте будущего к тебе добрался. После монастыря он меня потерял, так как я не успел тебе рассказать, где я был и каким путем сюда добирался. Теперь у него остается всего три дня... При условии, что действительно диапазон перемещений недельный...

И мы с Аллой начали перебирать все известные нам факты, поражаясь, насколько точно они ложатся в совершенно наобум выдвинутую гипотезу...

Глава 10

Утро я начал с подробного изучения подземной крепости. Как ни интересны были теоретические построения, а жить-то надо было в реальности. Продуктов у нас здесь имелось совсем чуть-чуть. Растянуть их, конечно, можно и на месяц, если б было чего ждать. Но перспектив в смысле помощи со стороны не просматривалось. Нравов же и способностей вурдалаков, зомби и прочей нечисти я не знал.

А равно и замыслов. Но будь я на их месте и учитывая то, что Артур сотворил с Верой, я поступил бы так: нашел способ проникнуть в бункер, естественно, нас с Аллой... ликвидировать, потом воскресить, как и прочих своих друзей – Самсона, Ивара, Кирилла, а уж потом... Теплая компания из семи покойничков, высокообразованных и беспринципных, да, похоже, еще и бессмертных (раз «фактор Т» отсутствует), вполне способна осуществить федоровскую идею... Но с обратным знаком – всех живых переделать в покойников.

Ничего себе перспектива!

Причем, с их точки зрения, они бы делали доброе дело, поскольку для себя они подлинно живы, а мы как раз мертвы.

...План у меня сложился простой до крайности. Выждать подходящий момент, выйти наружу и с боем пробиваться к морю. Опыт показал, что штейеровская пуля с ног Артура сбивает и довольно надолго. При том, что я в него стрелял с перепугу и попадал в наиболее безобидные места. А если в голову?... Хотел бы я посмотреть, как он будет за мной гоняться, когда ему снесет полчерепа. Уж по крайней мере не увидит, куда бежать... А можно и в колени, тоже должно быть эффективно. Однако возникает вопрос о пределах его способностей к регенерации.

К сожалению, подойдя утром к двери и приоткрыв заслонку смотровой щели, я увидел, что Артур изменил тактику. По-прежнему неутомимый и вполне оправившийся от ран, он сделал выводы из предыдущего и теперь не бил бессмысленно кувалдой в железо, а чем-то вроде зубила врубался в скалу. При должном усердии он вполне мог за пару дней продолбить между ней и рамой достаточных размеров дыру.

Но хуже всего то, что к нему присоединилась Вера. Не знаю, где она болталась накануне, а сейчас была здесь. И это ломало все мои расчеты. Против ее лучемета выходить рискованно... Итого в наличии две высокоподвижные цели, превосходящие меня по огневой мощи... Тогда я приступил к подробному осмотру подземной крепости.

Все ее нижние этажи были затоплены много десятилетий назад, в лестничных колодцах стояла неподвижная черная вода. Однако не могло же столь мощное сооружение иметь всего лишь один выход на поверхность. Обойдя за полдня все закоулки, я нашел два бронеколпака с люками. Но металл настолько заржавел, что я так и не смог сдвинуть засовы. А силу применять было опасно – слух у Артура наверняка не хуже моего, да и ничего подходящего, чтобы сбить замки, у меня не имелось. Кувалда на базе была лишь одна.

И все же поиски мои увенчались успехом.

Изучая одну из заваленных взрывами галерей, я обратил внимание на то, что воздух здесь гораздо более свежий, чем в других казематах.

Сдвинув с места обломки висящих на прутьях арматуры бетонных плит, я проник в узкий лаз, который вывел в отсек, наверное, в свое время не обнаруженный конфедератами.

Явно за последние десятилетия здесь не ступала нога человека. Перед длинной, прикрытой броневой заслонкой амбразурой стояло на рифленной поворотной площадке артиллерийское орудие примерно стомиллиметрового калибра. Конечно, изъеденное коррозией и к работе не пригодное. Оно прикрывало подходы к базе со стороны открытого моря. Сектор обстрела отсюда открывался хороший. На узких стеллажах – приготовленные к бою сна-

ряды. Тоже заржавленные, но не очень: видимо, в свое время были хорошо смазаны. Там же – позеленевшие гильзы полузарядов. Но мое внимание сразу привлекли герметически закрытые коробки на нижней полке.

Стараясь быть как можно осторожнее, достал одну и взрезал крышку прикрепленным к ней провололочкой ключом.

Как я и думал, в коробке оказались ударно-дистанционные взрыватели. Пять штук, блестящих, под тонким слоем масла, будто только что с завода.

Осталось только проверить – смогу ли я пролезть сквозь щель амбразуры. Позвав Аллу, объяснил, что я задумал и что следует делать ей.

Самым трудным было не выбраться наружу, а карабкаться вверх по почти отвесной стенке да еще с сумкой на плече, в которой едва поместился пятнадцатикилограммовый снаряд.

С вершины скалы, примыкавшей к полянке, я увидел, что Артур, даром что покойник, отнюдь не уступает мне в изобретательности. Правда, и возможности у него пошире, судя по всему.

И помедли я еще хоть немного, часы наши с Аллой были бы сочтены.

Он ведь не просто так долбил стенку возле двери. Он где-то раздобыл взрывчатку и собирался ее использовать.

Как раз напротив запиравшей дверь изнутри штанги засова Артур долбил глубокий шурф и, судя по всему, уже заканчивал свой труд. Вера же, при всех своих прелестях, осененная сверкающей под солнцем медной гривой, сидела по-турецки в десятке шагов от него и связывала вместе длинные кремовые цилиндры. Прочитать издали черные буквы на них я не мог, но и без этого знал, что это такое. Приходилось видеть и пользоваться...

А еще поодаль, с краю от дорожки, я увидел три тела, небрежно прикрытых куском пластика. Все здесь: Кирилл, Самсон, Ивар. Приготовлены к перевоплощению, так сказать. И мы с Аллой, предполагается, тоже никуда не денемся.

Однако мне стоило поспешить. Времени осталось совсем ничего.

Маскируясь за кустами, я по гребню скалы перебежал на ее правый острог, нависающий точно над входом в бункер.

Позиция великолепная для исполнения моего плана. Но попытка возможна только одна. И отступить некуда.

Расчеты основывались на том, что ни пентолит, которым снаряжались в прошлом веке снаряды, ни тетрил взрывателей практически не подвержены воздействию времени. И сработать должны безотказно. Остальное будет зависеть от моей ловкости. Я сильно надеялся вот еще на что – раз Артуру до сих пор не удалось справиться со мной, так, может, у меня тоже пока «фактор Т» отсутствует? Если только действительно смерть не заразна...

А вокруг ее многовато. Достаточно, чтобы невзначай подхватить.

...Все получилось, как задумано.

Артур закончил шурф, и Вера поднесла ему готовый заряд из шести полукилограммовых патронов. Чтобы вырвать из стены нашу дверь – выше головы хватит.

Я обратил внимание, что оба зомби не сказали за все время друг другу ни слова. Значит ли это, что они вдобавок владеют телепатией или просто такие неразговорчивые? А о чем, кстати, они вообще могут разговаривать, какие у них загробные интересы?

Удивительно, какая ерунда приходит в голову в самые острые моменты.

Артур начал укладывать заряд.

Я был по отношению к ним выше и сбоку, и меня прикрывал выступ скалы.

Снаряд с прикрученными к его головной части пятью коническими взрывателями тяжело ударился дном о землю, качнулся и упал набок между Артуром и Верой.

Артур вскинул голову. Больше всего на свете я не хотел еще раз встретиться с ним взглядом.

Из пистолета с десяти метров промахнуться в смертоносную полуторапудовую чушку трудно и не слишком опытному стрелку. Я же и на полста шагов в консервную банку попадаю свободно.

Не помню, сколько именно десятых или сотых долей секунды требуется на то, чтобы от удара пули сработал взрыватель и потом сдетонировал снаряд. Но спрятать за камни голову я, кажется, успел.

Фонтан взрыва ударил вверх и в сторону, но все равно у меня чуть не лопнули барабанные перепонки, рот и нос забило густым ядовитым дымом, и страшно долго в воздухе свистели обломки гранита и снарядные осколки.

Думаю, что окончательно в себя пришел я минут через пять.

В трех метрах от входа в бункер дымилась глубокая воронка. На мое счастье, не взорвался приготовленный Артуром фугас. А то бы я вряд ли уцелел.

Тела оборотней, похоже, отбросило далеко в кусты по обе стороны поляны, и я не стал их искать. Да и не был уверен, что там вообще что-нибудь осталось...

Иссеченную осколками и перекошенную дверь открыть удалось с трудом.

На прощание я несколько раз ударил тяжелой аккумуляторной коробкой в самые чувствительные места дьявольского изобретения, будто в насмешку названного витализатором. Не знаю, что там дальше решат светлые умы человечества, но именно этот прибор уже никто не восстановит.

По самым скромным подсчетам, Артур, не вмешайся я по чистой случайности, за пару лет смог бы преобразовать биосферу Земли в некросферу.

А то и быстрее, поскольку обзавелся бы тьмой помощников.

Несмотря на очевидную победу, меня не оставляло тревожное ощущение, что это еще не конец. И правильнее всего было пойти и поставить последнюю точку в этой мрачной истории, но я просто не мог себя заставить.

Понадеялся на русское «авось» вкупе с японским снарядом.

Алла по пути вниз забежала в свой шатер.

– Что ты там? С туалетами не можешь расстаться?

– Нет, – не приняла она шутки. – Тут все кристаллы и диски с полной записью эксперимента...

«А ведь кому-то еще придется отвечать – перед научной комиссией или перед судом, – подумал я. – Вся группа, кроме нее, погибла. И плюс московские жертвы. Но напоминать ей обо всем этом сейчас не стоит».

На середине спуска Алла оглянулась. Такого пронзительного крика я от нее никогда не слышал.

Ковыляя по бетонке, нас догонял Артур. От одежды на нем остались отдельные обгорелые лохмотья, левая сторона головы была покрыта толстой коркой смешанной с грязью крови, и хоть мотало его из стороны в сторону, как пьяного в последней стадии, но передвигался он достаточно быстро. Значит, осколки его тоже миновали, а на ударную волну ему в достаточной мере наплевать... Жаль.

Алла оцепенела, вцепившись зубами в кулак, изо рта у нее вырывался тихий скулящий стон.

Я с размаху ударил ее по щеке.

– Бегом вниз! Не оглядывайся! Справа от пирса шлюпка – заводи мотор!

А сам, расставив ноги, двумя руками начал поднимать пистолет. Пуля развернула Артура как флюгер на оси, он покачнулся и упал на бок.

Второй раз я сбил его с ног, когда Алла уже отталкивалась от берега коротким веслом.

– Что с мотором, не заводится?

– Я не умею, – голос у нее был жалобный, совсем не похожий на обычный.

Артур на четвереньках подбирался к началу пирса.

А если бы у меня были серебряные пули?

Или лучше осиновый кол?

Больше стрелять я не стал, перевалился через тугой борт, нащупал рукоятку руль-мотора.

«А вдруг не заведется? Такого просто не может быть, но вдруг?»

Двигатель, разумеется, запустился сразу, под кормой вспух бурун, клипербот, набирая скорость, стал выходить на редан.

«С яхты свяжусь с гавайской береговой охраной, – думал я, выбирая дорогу между во множестве разбросанных вокруг коралловых рифов, – пусть делают, что хотят. Высылают штурмовую группу, заливают остров пирогелем или святой водой. Только попробуй еще по радио доходчиво объяснить, что здесь у нас творится...»

Алла смотрела назад, через мою голову, в бинокль, который она взяла в рундуке под банкой.

– Игорь... Там на берегу появилась Вера... И они что-то делают возле нашего катера...

– Ерунда...

Но сам-то я знал, что заделать две пробоины и откачать мотопомпой воду – на час работы. За этот час я должен ломаными галсами уйти за горизонт. Или... Мысленно пересчитал патроны и впервые в жизни пожалел, что увлекся таким, на первый взгляд, красивым и романтичным парусным спортом...

Глава 11

Домой, в Москву, я возвращаться не хотел. Категорически. Можете называть меня трусом и паникером. Ради Бога. Хотя лично я не уверен, что такой оценки заслуживает человек, не желающий добровольно лезть в мышеловку, как бы привлекательно ни выглядела в ней приманка.

После того как удивительно удачно (хотя и вполне безрассудно, с точки зрения чисто навигационной) я проскочил между двумя крыльями очень вовремя подоспевшего жуткого тайфуна, и ценой всего лишь одного сорванного паруса и выбитых стекол кокпита мы с Аллой избавились от казавшейся неминуемой встречи. Нашим покойничкам не оставалось ничего другого, как подстергать нас в Москве по хорошо им известному адресу.

Если, конечно, мы вообще им теперь нужны.

Разумеется, логика представителей загробного мира может оказаться абсолютно непредсказуемой, но тогда говорить вообще не о чем. Никаких других способов мышления, кроме общедоступных, в моем распоряжении все равно не имелось, я мог только, по возможности оригинально, комбинировать стандартные блоки идей и поступков в надежде, что противник в итоге запутается и потеряет след.

Добравшись до Гонолулу, мы чуть не сутки просто отсыпались в номере, потому что последнюю неделю я ни разу не спал больше двух часов подряд.

Зато, проснувшись на рассвете, подойдя к панорамному окну, увидев со стометровой высоты черно-синюю вогнутую чашу океана под бледным куполом неба, готовым принять в себя обещающий вот-вот вынырнуть из волн солнечный диск, я с неожиданным облегчением ощутил, что все плохое – в прошлом.

Я подождал – а что, как эта внезапная эйфория столь же неожиданно пройдет? Так со страхом ждешь возвращения вымотавшей всю душу и вдруг утихшей зубной боли.

Нет, не возвращалась. Даже наоборот. Уверенность, что все образуется, только окрепла.

Побрившись и вообще приведя себя в цивилизованный вид, я спустился в круглосуточно работающий в цокольном этаже торговый центр и на свой вкус выбрал для Аллы легкое, светящееся изнутри платье цвета морской волны, по которому порхали райские птицы, изящные туфельки на каблукках и еще кое-какую мелочь.

Когда она вышла из ванной в белом купальном халате, я уже разложил на обширном диване то, в чем ей предстояло выйти в свет.

– Что это, Игорь? Для меня? Ты думаешь, я это должна надеть?

– Естественно. Мне как-то поднадоели за последнее время дамы, напоминающие беглецов из лагеря военнопленных... Да и местная публика вряд ли отнесется к твоим грязным шортам с пониманием...

– Ты совсем сумасшедший, милый. Это наряд для вечернего коктейля, в лучшем случае, а не для утреннего выхода в город.

– А мне нравится. Впрочем, в город можешь идти в чем хочешь, а завтракать уж придется в этом...

Солнце оторвалось от края океана, и хрустальные призмы потолка засияли красными, синими, золотыми искрами.

– Ну, хорошо. Выряжусь, как дама полусвета. Только в награду за твой героизм в борьбе со стихиями. Однако до завтрака еще минимум три часа, и я бы хотела просто погулять по набережной.

– Думаешь, это лучший вариант? Можно придумать и поинтереснее...

Легкая эйфорическая волна, будто после пары бокалов шампанского натошак, продолжала нести меня, и держался я с Аллой неожиданно раскованно, раньше так не получалось, стиль общения и пределы допустимого поведения не явно, но твердо определяла она.

Чтобы убедиться в достигнутом и развить успех, я потянул ее к себе за длинный конец пояса. Одинарный узел легко распустился. Алла, тоже удивленная сменой ролей, уронила с плеч халат.

...Мы ведь с ней впервые оказались по-настоящему одни после года разлуки в приличном номере с широкой и чистой постелью, а не в сыром и душном бетонном бункере, и сама Алла была отдохнувшая, вымытая в ванне со всякими ароматическими и смягчающими кожу солями и шампунями, а главное – не сковывал ее тяжелый многодневный стресс.

Я и не помню, когда последний раз испытывал нечто похожее. Есть особое упоение в том, что женщина, обычно холодновато-сдержанная, удерживающая на расстоянии одним лишь коротким взглядом, вдруг теряет голову, погружаясь в сумрачную пучину страсти и инстинктов... То тяжело дышащая, одновременно агрессивная и покорная, шепчущая бессвязные ласковые слова и жаждущая их, то бессильно распластавшаяся на смятых простынях, едва отвечающая на поцелуи мягкими губами, и вновь, после короткого отдыха, жадно требующая новых изощренных, мучительно-сладостных ласк...

В такие моменты почти невозможно представить эту жрицу любви другой, надменной, строго и элегантно одетой, когда сама мысль об обладании ею кажется кощунственно-абсурдной. Потом, опираясь спиной о высоко взбитую подушку, заложив руки за голову и глядя в окно на затягивающие горизонт тяжелые темные тучи, она будто в шутку спросила:

– А может, лучше вообще никуда не ходить? Нам, кажется, и здесь не так уж плохо. Закажем завтрак в номер...

– И обед, и ужин...

Я вообще-то могу представить себе и такой способ проведения отпуска, но сейчас хотелось несколько большего разнообразия. За стенами как-никак Гонолулу, а не осенняя Вологда.

Вот и пришлось напомнить Алле о ее недавнем желании.

Наверное, лучше бы я этого не делал.

Пока мы сумели наконец выйти на улицу, погода окончательно испортилась. Западный ветер – отголосок пронесшегося над океаном тайфуна – пригнал густо пропитанные водой тучи, и по набережной нам гулять не пришлось. Первые крупные капли перешли в ровный, звенящий и шелестящий дождь.

От горячих плит тротуара поднимался пар, океан, только что густо-синий, приобрел тусклый оловянистый блеск.

Зато очень уютным оказалось кафе на крыше нашего отеля... А уж вид из него открывался абсолютно сказочный.

За завтраком она попыталась было осторожно завести разговор о наших планах, но я сразу понял, к чему она клонит, и достаточно твердо пресек эту тему.

В любом случае сегодня такой вопрос не стоит. Пятьсот миль штормового океана – надежная гарантия от неприятных встреч. Отдыхай и развлекайся, как подобает здесь и сейчас. Все прочее – не твоя забота. Мужчина знает, что говорит...

Не знаю, насколько убедительными показались ей мои слова, но она кивнула, улыбнулась и слегка погладила меня по щеке.

Выбор блюд шведского стола не оставлял желать лучшего, тем более что все было оплачено заранее, и мысли о печальном состоянии наших финансов не омрачали гастрономических утех. А выдержанный в иронической манере рассказ о моих похождениях среди звезд окончательно вернул нас в безмятежное прошлое.

Да и дальнейшее будто бы подтверждало мой утренний оптимизм. Я уже как-то отмечал, что теория вероятности имеет целый ряд канонических постулатов, в том числе и такой: при достижении определенной концентрации маловероятных событий процесс входит в режим автоколебаний, и исключения становятся правилом.

Жаль только, что неизвестен алгоритм, включающий этот механизм, да вдобавок история учит, что подобные флуктуации редко заканчиваются благополучно. Взять того же Поликрата с его пресловутым перстнем.

Часа через полтора дождь прекратился. Выглянуло солнце, и мы отправились на пляж. Накувыркавшись в волнах всемирно знаменитого прибоя, я оставил Аллу нежиться на коралловом песке и отлучился в ближайший бар освежиться пивом.

А там, в прохладной тени магнолий, увидел навалившуюся на стойку массивную фигуру, облаченную в пятнистый тропический масккостюм с наплечными нашивками «Пресса». Это был не кто иной, как Майкл Панин, человек, который в нынешней ситуации при грамотно проведенной «артподготовке» мог оказаться для нас полезнее, чем кто-либо другой. И о котором я совершенно не вспоминал – ни сейчас, ни все последнее время. Да и с чего бы вдруг?

Виделись мы последний раз года полтора тому назад, незадолго до моей последней экспедиции, но вообще дружили второй десяток лет, встречались обычно в разных нестандартных и острых ситуациях, с которых он по преимуществу кормился.

Вот и сейчас, судя по наряду, он либо направлялся в очередную горячую точку, либо только что из оной вернулся.

Панин меня тоже увидел, не то боковым, не то затылочным зрением, и приветственно, жестом римского патриция поднял руку, а затем указал на соседний табурет опущенным вниз большим пальцем.

– Что будем пить? – спросил он по-английски вместо того, чтобы произнести нечто более уместное при такой встрече, и тут же перешел на русский: – Третий день пошел, как не просыхаю, и ни одного знакомого... Тяжело без компании...

– Терпение вознаграждается. Пиво, – ответил я в принятой между нами манере.

Сделав первый глоток из приятно увесистой кружки, я уже точно знал, что мое утреннее чувство не было напрасным. И не зря я велел Алле не тревожиться о дне грядущем.

– Ты тут как, Миша, уик-энд проводишь или делаешь деньги?

– Я всегда делаю деньги. Что принципиально отличает меня от тебя.

– Так и должно быть. Моя славянская натура не приемлет вашего прагматизма. Я работаю, чтобы жить, ты – наоборот. Ничего не попишешь. Разве нет?

– Попишу. Материала у меня – вот сколько... – он чиркнул себя пальцем по второму подбородку.

Я рассмеялся. Он посмотрел на меня с подозрением, но причины не понял.

– Я тоже славянин, – возразил он с вызовом, – так что не в этом дело.

– Но – выродившийся. За полтораста лет твой генотип безнадежно деформирован. И язык твой русский... – я махнул рукой, давая понять, что не желаю признавать сленг, на котором он изъяснялся, за «великий и могучий...».

Подобной пикировкой мы забавлялись постоянно, правда, сейчас выходило натужно. Панин перебрал, я отвык.

Дело в том, что Майкл – чистокровный русский. Дворянин. Но американец, потомок той еще, первой эмиграции времен майской революции. Сохранивший и язык, и привязанность к родине предков, и некую национальную сентиментальность, которой я умею в нужные моменты злоупотреблять. А в остальном – типичный янки, весьма преуспевающий владелец информационного агентства, поставляющий материалы в полсотни газет и журналов

большей части мира. Казалось бы – невозможное дело при абсолютном переизбытке и кажущейся общедоступности всех и всяческих новостей.

Решив для себя, что бесплатно я Панина из своих рук не выпущу, но предварительно нужно создать условия, я предложил:

– Пойдем отсюда. Будешь представлен необыкновенной женщине. Таких ты точно не встречал. Да у вас таких и нет. Опять же и остановиться пора. Разве забыл – ни капли до захода солнца?

– Я ничего никогда не забываю, – выговорил он чересчур старательно. – Просто я – как это по-русски? – «поправляюсь».

– Тем более хватит. Истинно русские люди поправляются не виски, а рассолом. Огуречным, из бочки. И знаешь почему? В настоящем рассоле – отнюдь не в маринаде – идеальная концентрация и пропорции калия и натрия для восстановления нарушенного алкоголем ионного равновесия...

– Покупаю, – кивнул Майкл. – Куда-нибудь я это пристрою. Можно даже наладить выпуск и продажу... – когда речь заходит о бизнесе, он рассуждает цепко и здраво в любой стадии нетрезвости. Впрочем, для выпивки и работы он вполне мог использовать разные полушария мозга. – А посерьезнее товар имеется? Насколько я знаю, у себя ты ничего нового пока не давал... Плачу по высшей, сам знаешь...

– Товару у меня на миллион долларов. Только говорить будем не здесь и не сейчас.

– О'кей. – Панин почесал сидящую грудь под расстегнутой до пояса рубашкой. – А где?

– Да где угодно. Но желательно – за пределами этих островов. Если ты оплатишь два билета до Штатов и подбросишь достойный меня аванс, я тебе такого надиктую... Про дела небесные и земные...

– Забавно, – он даже присвистнул. – Не похоже на тебя. Неужели за две недели спустил все до нитки?

Он еще раз подтвердил свою квалификацию, назвав почти точно сроки моего пребывания на Земле. Впрочем, это его работа, а информацию о возвращении нашей экспедиции и ее составе он пропустить не мог.

– Так уж вышло, ничего не поделаешь, – развел я руками. – Были обстоятельства. Но ты рискни, не прогадаешь.

– О'кей, – еще раз кивнул Майкл. – Пойдем представляться твоей даме. Похоже, она действительно должна оказаться интересной... А о прочем разберемся...

В своих ожиданиях он не ошибся и после необходимых церемоний повел нас обедать в ресторан «Океаникум» – длинную полукруглую галерею, продуваемую прохладным кондиционированным бризом, пахнущим морской солью, йодом, водорослями, экзотическими кушаньями, полный список которых принес нам в тяжелой папке из выделанной акульей кожи официант-канак.

Это вам не шведский стол для небогатых туристов.

Пока нас ублажали блюдами и напитками двух континентов и трех цивилизаций, Майкл изображал стареющего ловеласа, очарованного прелестями Аллы, на грани приличия шарил глазами по ее телу, заглядывал в глубокий вырез платья, произносил замысловатые комплименты, тонко острил, изумлял парадоксальными афоризмами а-ля лорд Генри, но я ощущал, что он не весь здесь, его слишком заинтриговало мое неожиданное и, как он подозревал, неслучайное появление, и непонятный на данный момент социальный статус, и малообъяснимая сговорчивость. Он наверняка просчитывал, что ему с меня можно выгадать и каковы окажутся, в свою очередь, издержки.

К сожалению, Панин принадлежал к тому типу людей, чьи в целом блестящие способности и глубокий ум в немалой степени обесценивались слишком уж очевидным трудолю-

бием. Он даже разочаровывал при тесном общении, как покорившая тебя балерина, вдруг увиденная вблизи, за кулисами, сразу после танца, тяжело, со всхлипами дышащая, в промокшем от пота наряде.

За обедом он почти не прикасался к спиртному, выбор которого тоже был выше всяческих похвал, что меня особенно насторожило и заставило на всякий случай ограничиться лишь «Кампари» с ломтиком ананаса.

Убедившись, что пробалтываться я пока не собираюсь, он вдруг сообщил, что, если у нас нет других предложений, вылетать можно сегодня же.

– Куда? – не сразу сообразил я.

– Ты же хотел во Фриско? У меня здесь собственный «Спейс шарк». А там – недурственная хижина. И все совершенно бесплатно.

О Фриско я как раз ничего не говорил и готов был задуматься, но Алла радостно подняла руку, изобразив безусловное согласие.

Панин ей явно понравился, равно как и обрисованные им перспективы. Но важнее всего была для нее возможность исчезнуть отсюда поскорее. Попытка убежать от самой себя путем перемещения в пространстве. Ведь я видел, что, несмотря на мои утешительные речи, ее терзал особого рода страх при мысли, что, кроме полоски морской глади, нас от Артура и Веры ничто не отделяет. Вроде как в ночной степи, где присутствие близкого врага кажется страшнее, чем в лесу.

Я бы, конечно, еще пару-другую дней попользовался оплаченными радостями бытия, но и в предложении Майкла были свои резоны.

...Тускло-синий двухмоторный стратоплан, расписанный рекламными текстами и разрисованный весьма фривольно, производил впечатление аппарата, довольно потрепанного жизнью. Помнится, Панина даже сбивали (но не окончательно) на этой машине не то над Мавританией, не то над Корсикой. И я, пока не уехал заправщик, искал на фюзеляже следы пробоин и думал, что вряд ли рискнул бы летать в одиночку над океаном на самолете с таким пятном в биографии. Тут, очевидно, нужно иметь совсем другую степень храбрости или же благоприобретенный полуазиатский фатализм.

Но вообще «космическая акула» была оборудована хорошо и служила Панину в его перемещениях по миру и домой, и офисом, и узлом связи. В переднем отсеке салона размещалась целая батарея компьютерных терминалов, факсов, пультов неясного назначения. Тут же был пристроен крошечный, но настоящий письменный стол, похоже, принадлежавший в позапрошлом веке какой-нибудь мадам де Сталь и выдававший его тайную страсть к литературному рукоделию, а не грубой прозе репортажей и обзоров.

А за переборкой – уютный будуар с бархатными диванами, и на задней стенке, среди стереокартинок с изображениями звезд стриптиза в рабочей обстановке, мой подарок – этюд Ферапонтова монастыря тусклым мартовским днем. Грязная слякоть внизу и крупный снегопад наискось со свинцового неба.

Увидеть его здесь было приятно. Наверное, и космополиту хочется иметь пусть условную, но вечную точку опоры в глубине своей души.

– Он что, сексуальный маньяк? – спросила Алла.

– Не без этого. Но скорее – просто стимулы. Творческие. А вот это нравится? – спросил я, указывая на картину.

– Колорит великолепный. Особенно отблеск заката...

– И все?

– Не считай меня душой. Я знаю, какого ответа ты ждал, но что из того? Слишком быстро после прощания с островами она стала возвращаться к обычному стилю общения.

Высоту Майкл набирал как на стратосферном перехватчике. И нам стало не до разговоров. Если б не гравикомпенсаторы, нас размазало бы по креслам.

Выйдя на траекторию, Панин перебростил управление на автоматику и ввалился к нам.

Раскрыл походный бар, выставил на столик несколько бутылок, извлек из шкатулки и раскурил длинную зеленоватую сигару, попыхтел, добывая нужную порцию дыма.

На мой дилетантский взгляд, воняло от сигары мерзостно.

– Поговорим серьезно? – предложил он, плеснул мне и себе виски на треть стаканов, вопросительно посмотрел на Аллу.

Она оглядела этикетки остальных бутылок и тоже молча указала пальцем на подходящую.

В иллюминаторы было видно только густо-фиолетовое небо, зато на большой экран транслировалась панорама океана вплоть до западного берега Америки. И красный огонек – проекция нашего самолета.

– Серьезно я готов говорить почти всегда, – ответил я, подержав виски во рту, чтобы оценить тонкость вкуса и степень щедрости хозяина. – Просто сейчас не вижу смысла. В таких неопределенных условиях мне трудно будет формулировать и точно, и убедительно. Я все время буду отвлекаться...

– Боишься, что ли? – с тайным чувством превосходства поинтересовался Панин.

– Я вообще мало чего боюсь. И налетал... – я пошевелил губами, загибая пальцы, – примерно в тридцать триллионов раз больше твоего. Просто учитываю варианты и не хочу делать работу, которая может оказаться напрасной... В случае, если все же не долетим...

– Это у него такая манера, – сочла нужным пояснить Алла. – Особо утонченный способ маскировки одолевающих комплексов...

– Я привык, – сообщил Майкл и посмотрел на нее так, будто признал в ней единомышленницу и предлагает тайный союз.

Взболтав кубики льда в стакане и послушав, как они позванивают о стенки, я предложил:

– Ты бы лучше рассказал, как падал вместе с этой штукой и что при падении думал. Даме будет интересно. Что при этом говорил – воспроизводить не надо...

Панин охотно выполнил мою просьбу и не пожалел самых ярких красок и впечатляющих подробностей.

И совершенно естественно мы перешли от этого конкретного случая к проблемам удачи, везения, предопределенности, судьбы, если угодно.

Как всегда, я увлекся, тем более что напитком Майкл угощал нас первоклассным, и, почти забыв о своем намерении отложить настоящий разговор до лучших времен, спросил Панина:

– Кстати, а как ты относишься к мистике?

Он поморщился.

– Уже пролетело. Неходовой товар...

– Отчего же? Добротная информация – всегда товар. Независимо от моды. А что бы ты сказал насчет лекарства от смерти?

– Как-как? От чего лекарство? – подался он вперед, нюхом ощутив, что вот теперь я не шучу, мгновенно прокрутил в голове варианты и выдал самый реальный: – ТАМ надыбал? – он ткнул пальцем в потолок. Когда Панин говорит по-русски, то иногда ставит в тупик своим сленгом. Даже не определить, из каких эпох он извлекает эти слова и выражения.

Я покачал головой и так же лаконично указал на пол.

– Понимаешь, Майкл, я бы хотел договориться. Продавать кошку за кролика, вешать лапшу (это в ответ на его стиль) и совершать иные неэтичные поступки я не собираюсь. Мне

просто незачем. Я тебе расскажу, ты послушаешь – и решишь, как хочешь. Стоит ли это чего-нибудь, а если да, то сколько?

Алла толкнула меня коленом. Я не понял, что она имела в виду. То ли предостерегала от излишней откровенности, то ли призывала не продешевить.

Я успокаивающе сжал ее ладонь.

– Но, как я уже намекнул, всерьез будем говорить на берегу. А пока, если хочешь, – конспект сказочки с веселым концом... Жил-был один страшно умный хронофизик, и был у него глупый друг биолог. А возможно, и наоборот, уже не помню...

...В полутысяче километров от берега Майкл меня остановил, впрочем, я и так уже добрался до финиша.

– Пойду. Надо на глассаду выходить. Дома закончишь. Пока твоя сказочка на полсотни тысяч баксов тянет. Если продавать как вечернее чтение в «Фар вестерн еллоу стар». Чтобы счет пошел на другие суммы – подумай еще.

– Зачем ты? – тихо спросила Алла, когда мы остались одни.

Во время всего моего монолога, иногда, пожалуй, слишком ернического, хотя и со многими жутковатыми натуралистическими подробностями, она сидела молча, только губы у нее временами подергивались, и тогда она прятала их за краем стакана.

Если бы я знал – зачем? Очень часто я действую импульсивно, и сам потом не могу разобраться в причинах и поводах.

Но объясниться тем не менее надо.

– Во-первых, нам с тобой нужны деньги. Я действительно на нулях. А все далеко еще не закончилось. Майкл же явно заинтересовался, и пусть заплатит хоть сколько. Так что определенный плюс имеется. До каких пределов можно откровенничать – бой покажет. А потом – ты же говорила, дома ваши исследования официально запрещены. В том еще, безобидном варианте. Меня же «фактор Т» и все из него вытекающее сугубо интересует. Не знаю пока, под каким соусом, но здесь можно попытаться окончательно с ним разобраться... Если, конечно, ты согласна, – спохватился я. – Права все у тебя. Единственная наследница... – и понял, что сказал не то. – Извини, я не подумал... Хотя ведь так оно и есть... Хочешь – не хочешь. В общем, тебе решать. Времени хватит, чтоб подумать. Следует, пожалуй, сориентироваться в правовых и прочих аспектах... Или отыграть все назад. И ехать домой сдаваться. Не знаю, правда, кому...

– Кто раньше успеет... – она поняла мою мысль правильно, и улыбка от этого вышла у нее не очень веселая. – Хорошо, – сказала Алла после паузы, – делай как знаешь, только перед решительными шагами все же меня предупреждай. И молчи про материалы. Пока до конца не прояснится, козыри нужно держать при себе...

– Безусловно. Тем более что в технических моментах я ничего не понимаю, а ты у нас специалист...

Для себя же я решил, что лучше всего как можно быстрее разыскать Виктора Скуратова. Он тоже специалист, тем более нобелевский лауреат, и через него проще всего найти нужных и надежных партнеров. Или, может, все-таки сразу к Маркину? Там на моей стороне окажется вся мощь космической службы безопасности. И все же, пожалуй, к нему не стоит.

Адмирал – человек строгих принципов. Я даже представил себе его холодные римские формулы: «Dura lex – sed lex», «Pacta sunt servanda», и тому подобное.

– Я тебя, Игорь, уважаю, – скажет он, сверля душу своим ясным взором, – только давай, как положено... – и нажмет кнопку, вызывая... Кого? В лучшем случае, своего личного юрисконсульта, а может, и главного гарнизонного прокурора...

Так что данный вариант мы смело отмечаем. Лекарство вполне свободно может оказаться хуже болезни.

– Отец Григорий, – сказал я, чтобы не молчать слишком долго, – предлагал мне остаться в монастыре и впоследствии принять постриг. Возможно, он был прав. Не пора ли действительно начать заботиться о душе, а не о теле?

Алла сделала озабоченное лицо.

– А мне куда? В соседний монастырь?

– А я, кстати, не очень-то шучу. Отец Григорий – человек не только приближенный к Богу, но и до чрезвычайности бывалый... В светских делах искушенный. Он сказал, что Артур – это знамение...

Мои слова подействовали на Аллу слишком буквально.

– А вдруг и правда? – по лицу ее мелькнула тень пережитого. – Эти его перемещения... Что если он уже ждет нас?

До сих пор, успокаивая друг друга, мы согласились считать, что угроза Артура на ближайшее время миновала. Тайфун просто должен был опрокинуть их катер. Какая там у него мореходность? Баллов на пять, от силы шесть. И как Вера с Артуром себя повели, оказавшись в бушующем океане? Вплавь до берега? Или пешком по дну?

– Да черт бы с ним! Пусть даже и ждет. Если уж на острове отбились, так на большой земле тем более. И что ему теперь с нас? Чисто спортивный интерес? Витализатора больше нет. Так что лучше выбрось из головы. Один знакомый сотрудник кладбища говорил: «Ты мертвых не бойся, ты живых остерегись...»

...Приземлились мы на маленьком тихом аэродроме для личных самолетов с двумя всего лишь взлетно-посадочными полосами.

И тут я постепенно начал понимать, что Панин – весьма богатый человек. Не то, что я или прочие ребята из нашей братии, даже получающие самые высокие из возможных оклады и гонорары. А по-настоящему. Конечно, и личный «Спейс шарк» стоит порядочных денег, но здесь его встретил роскошный бело-золотой кабриолет «Кроун империал» ручной сборки с шофером-телохранителем, а дальше – больше.

До сих пор я просто не задумывался на подобные темы. Да и некогда было. Встречались мы с ним в рабочей обстановке, жили в обычных, то лучше, то хуже, отелях, ходил он всегда в не слишком новой форме ооновских войск, видимые расходы ограничивались совместными ужинами в ресторанах да несколькими порциями виски или водки то за его, то за мой счет.

Тут же выходило на несколько порядков другое.

Погруженные в глубокие сафьяновые кресла, изолированные от горячего пыльного воздуха прохладной ароматизированной завесой, мы промчались десятка два миль, на перекрестке с указателем на Рейвуд-сити свернули влево, на узкую асфальтовую дорогу, и ехали еще полчаса, пока не пересекли границу, обозначенную рядом силовых стоек с покачивающимися головками лазерных визиров.

– Вот это уже моя земля, – сказал Майкл с непривычной в его устах гордостью.

– А раньше чья была? – не сразу понял я, решив, что он имеет в виду, так сказать, родную землю.

– То была федеральная, а это – лично моя. Прайвити. Сто двадцать квадратных миль! Лучше всего вкладывать деньги именно в землю. Прибыль почти условная, зато надежно. Акции, сертификаты, недвижимость, даже золото – преходящи. Депрессии, кризисы, войны – сам знаешь, а это – навсегда мое. Тут я любую заваруху переживу.

– Ну уж и любую? – усомнился я. – Что-то у тебя взгляды стали раннефеодальными. На дворе развитой посткапитализм, а ты...

Майкл с довольной улыбкой обратился не ко мне, а к Алле.

– Игорь сейчас раздолбает меня по шестнадцати позициям и будет совершенно прав. Беда лишь в том, что пользы от умных слов столько же, как и от всех прочих его идей. Я еще

не встречал человека, который был бы способнее Ростоккина, но, так сказать, умозрительно. Ей-богу. А на практике? Любой дурак и хам, наделенный даже тенью предприимчивости, давно миллионер, а наш друг до сих пор работает за разъездного репортера... Вас это не шокирует?

Ход, конечно, точный, высветивший Панина с совершенно новой для меня стороны. Ах ты, старый козел-перехватчик...

Большинство Майкловых квадратных миль представляли собой живописную, но пустынную местность. Когда мы вылетали на вершины холмов, слева проблескивал океан. Иногда виднелись заросли чаппареля и редкие сосны. Хоть бы скотоводством каким занялся...

Потом окрестные холмы стали повыше, и за очередным поворотом, на подъеме, мы увидели довольно массивные ворота из темного кованого металла под грубой каменной аркой. Но приличествующей воротам ограды в наличии не оказалось. Только когда шофер притормозил, ожидая, пока створки распахнутся, я обратил внимание на радужную словно бы паутину, протянувшуюся в обе стороны.

– О, это последняя новинка! – воодушевился Панин в ответ на мой недоуменный взгляд. – Раньше тут действительно был обычный забор, а теперь так. Нейтральный мономер. Толщина нити – две сотых миллиметра. Прочность на разрыв – что-то около полутонны. Причем самое интересное – приложить такое усилие практически невозможно. Ударишь палкой – разрежет, как лазером. Попробуешь перелезть – то же самое. Бывает, заяц с разбегу наткнется – крошит его, болезного, на спагетти...

Мне стало неприятно, когда вообразил, как сверхтонкая нить входит в тело. Еще противнее, чем бритвой. Аллу, кажется, тоже передернуло.

Дом себе Панин воздвиг не в старорусском, как можно было ожидать, а в каком-то индейском стиле. Нечто подобное я видел в книгах по истории Америки. Культура пуэбло? Похоже на огромный амбар из плит дикого камня с пристроенным сбоку усеченным конусом башни. И узкие, едва заметные щели-бойницы окон. Впрочем, здесь, в соответствующем ландшафте, такое сооружение смотрелось, конечно, уместнее, чем ампиный барский особняк с колоннами или боярский терем.

Парк же, роскошный, буйно-тропический, английского, с поправками на климат и эпоху, облика, тенистый из-за обилия фонтанов, ручьев и водопадов, прохладный, несмотря на тяжкую жару вокруг, размещался позади дома, в глубокой ложбине, окруженной широким поясом калифорнийских красных кедров. И, глядя с фасада, нельзя было догадаться о его существовании. Но конечно же, к созданию этого великолепия сам Панин не имел никакого отношения. Судя по возрасту деревьев. А происходила здешняя ветвь рода Паниных из Новой Англии, так что на родовое гнездо поместье явно не тянуло.

Впрочем, парк мы изучили гораздо позже.

По длинным коридорам, украшенным индейскими божками и тотемами, ацтекской керамикой и испанскими гобеленами, по нарочито скрипучей деревянной лестнице Майкл провел нас в гостевые комнаты. Небольшие, полутемные после невыносимо яркого солнца снаружи, с окнами, выходящими на изумрудную лужайку, где успокоительно ворковал каскад водопадиков.

– Отдыхайте. Через три часа спускайтесь вниз, будем завтракать. А для вас, Аллочка, если позволите, маленький презент. – Извинившись, он отвел ее в сторону и что-то прошептал на ухо. Разулыбавшись, она несколько раз кивнула. Старый сатир ей явно польстил.

– Что он тебе там плел? – поинтересовался я как бы между прочим, когда дверь за Паниным закрылась.

– Так, пустяки. Потом увидишь, – отмахнулась она, стягивая через голову платье и бросаясь навзничь на широкую деревянную кровать, застеленную домотканым покрывалом причудливой раскраски. – Ох, как я устала, – томно протянула она.

Да, с учетом полета навстречу солнцу сутки вышли длинноватые, и попали мы практически во вчерашнее утро.

– А здесь так спокойно, прохладно... живут же люди...

Обойдя и осмотрев комнаты, я вернулся в спальню и залюбовался, остановившись на пороге.

Косой луч солнца, поднявшегося над кронами деревьев, упал прямо на кровать, высветив Аллу, словно лучом прожектора.

Бронзово-смуглая, в ореоле рассыпавшихся вокруг лица волос на желто-красно-синечерных треугольниках и кругах покрывала, выглядела она фрагментом трехмерных натюрмортов Андросова. Только не в пример соблазнительнее. Жаль только, что не для одного меня.

– А Панин твой вполне мил... – ответила она на мою мысль. – Чувствуется порода.

– Насчет породы большой вопрос. Разобраться еще, из каких он Паниных... – и прикусил язык. Ни к чему опускаться до такого уровня, независимо, из дворян он или вовсе из конюхов... Не успел я придумать ничего поумнее и заодно налюбоваться на живую, невзначай возникшую композицию, как она уже вскочила, отбросила обеими руками пряди волос с лица за спину, выглянула в окно.

– Ох, а тут-то как чудесно! И бассейн... Пошли купаться! – и сразу же передумала. – Нет, не сейчас, попозже. Лучше я быстренько в душ, у меня ж еще дело есть...

– Остерегись. Если надумала мне с Майклом изменять... – я тоже подошел к окну, положил руку на изгиб ее бедра. Бассейн внизу и вправду был хорош. Как подсвеченный снизу звездный сапфир в обрамлении зеленого бархата.

Алла обернулась, подняла на меня глаза. Чуть прищурилась.

– Изменять... тебе... с ним?... – оценивающе прищелкнула языком. – Нет, пока – нет...

– И на том спасибо, – я обнял ее чуть поосновательнее, поворачивая к себе лицом. Она, поддавшись на мгновение, подставила моим губам щеку, но тут же вывернулась.

– Время у нас еще будет, да? – кивнула, сама с собой согласившись, и оставила меня наедине с очередными рефлексиями-мыслями.

...Их с Паниным секрет заключался в том, что буквально на днях на гасиенде оборудовали внепространственный канал доставки, разумеется, экспериментальный и страшно дорогой. Торговая фирма, внедрившая это новшество в жизнь, славилась своим девизом: «Ви энджой пипл» – «Мы радуем людей», имея в виду, разумеется, вполне кредитоспособных.

Вот Майкл и предложил Алле в знак дружбы сей рог изобилия испытать. За его, разумеется, счет. Поскольку сегодня же вечером он вознамерился устроить в нашу честь прием. И доказать друзьям и соседям, что «есть женщины в русских селеньях».

Короче, усадив ее перед пультом, вооружив кассетой каталога, Майкл предоставил Алле полную свободу.

Я успел уже вздремнуть и посидеть с банкой холодного пива на примыкающей к нашим комнатам галерее, когда она возвратилась, нагруженная коробками, пакетами и иными вместилищами, с не успевшим погаснуть от азарта поиска и мук выбора глазами.

Наткнувшись на мой, очевидно, не слишком христианский взгляд, она смутилась совсем чуть-чуть. И нашла достойный ответ.

– Разумеется, Игорь, мы с ним полностью рассчитаемся. Вообрази, будто он просто проводил меня до ближайшего супермаркета...

О сумме счета она предусмотрительно умолчала.

Нет, я, конечно, был рад за нее. Чем еще отвлечь женщину от тягостной прозы жизни? А главное, перед ней стояла грандиозная задача – затмить дам, о которых она не имела ни малейшего представления. Куда там Наполеону накануне Аустерлица...

– А как со мной? Фрак, к примеру...

– Я уже все решила.

Успокоенный насчет своего будущего, я прихватил из холодильника еще две банки и удалился в парк «под сень струй».

Вода журчала усыпляюще, и пиво было в должной степени холодным и горьким, только вот недавнего безмятежного счастья как не бывало. Врожденным волчьим чутьем я вновь ощущал подступающую опасность. Она, можно сказать, была разлита вокруг. Раньше в подобных случаях я избирал простейшее решение – по возможности быстро исчезал из внушающего тревогу места. Сейчас исчезать было некуда.

Но в чем все-таки дело? Смену настроения я уловил, когда проснулся. Наверное, на грани сна и яви шестое (или какое там по счету?) чувство наиболее обострено. Означает это приближение Артура? Или нечто локальное, вроде кобры под подушкой? Я прикрыл глаза и всмотрелся в глубь себя. Нет, на ощущение нацеленного в затылок ствола не похоже. И рядом с Артуром я чувствовал себя иначе. Само место? Дом? Пронизывающие парк космические флюиды? Не пойму. А может быть, виной всему лично Панин?

«Не ревнуешь ли ты, парень?» – спросил я себя. И твердо ответил: «Отнюдь!» – «Не завидуешь?» – «Господи, да чему тут завидовать? Наоборот даже. Испытываю одну лишь искреннюю благодарность. Старик, можно сказать, в лепешку разбивается. Плащи в грязь...» Но вот думать о нем я стал по-другому. Не лучше, не хуже – по-другому, и все.

Ну да Бог с ним, с Майклом. О другом сейчас нужно позаботиться. Пусть желающие встречают опасность с открытым забралом, мне бы успеть его вовремя опустить...

Алла окликнула меня из окна.

«А не от нее ли потянуло мне за шиворот знобящим холодком?» – по привычке не оставлять без внимания даже самых абсурдных вариантов подумал я. Однако по мере приближения к ней тревога как раз ослабевала, сменяясь куда более положительными эмоциями. Ладно, не впервой, прорвемся...

Глава 12

Общество Майкл собрал у себя, на мой взгляд, достаточно пестрое. Объединенное по неясному пока принципу.

Понятны были представители старейшего русского населения. Времен еще первой колонизации XVIII века. За триста с лишним лет не забывшие своих корней и языка, хранившие его, как знак касты. В глубине души считающие американцев в Калифорнии не то оккупантами, не то гастарбайтерами.

Таких тут было две пары. По возрасту лет около пятидесяти, вполне рафинированные, но заметно отличающиеся от генерации панинского образца. Супруги Дерябины и супруги Ляпины.

Два негроида без жен. Один – типичный англосакс по внешности, только черный. Второй похож на кафра. Первый мистер Пол Зиннер, а имя второго я сразу не разобрал и не стал переспрашивать.

Ортодоксального вида еврей в ермолке, возраста почти библейского, со спутницей, сорокалетней итальянкой. Станный союз.

Худой, как индийский йог, араб в белом смокинге, шейх Джабер – и так далее... Одним словом, кто-то ибн чей-то.

И две чисто американские супружеские пары примерно наших с Аллой лет. Похожие на университетских профессоров и ими же оказавшиеся. И мужья, и жены. Из Стенфордского университета. Мистер и миссис Слейтер, мистер и миссис Гендерсон.

Мы с Аллой и Майкл. Вот и вся компания.

Происходил прием в огромном, занимающем половину первого этажа холле, через раздвинутые двери переходящем в английскую лужайку. Камин там был, охотничье оружие всех стран и народов на стенах и в витринах, шкуры и головы кабанов, тигров и носорогов, якобы добытых хозяином и его предками. Вряд ли все, но пусть...

С должным намеком на русскость накрытый фуршетный стол.

Немыслимо обильный бар.

В общем, типичнейший американский прием в честь русских гостей. Чуть позже я сообразил, что состав гостей, хотел того Панин или нет, отразил всего лишь национальный состав штата Калифорния. Статистика. Ну а роль истинно русской дамы досталась полумадьярке Алле.

Она-то, кстати, свою роль поняла и исполнила как надо. Я и то, когда увидел ее, выходящую из своей комнаты, не то чтобы был сражен наповал – иммунитет имелся, но испытал смешанную с опаской гордость.

Происходил прием по давно всем известным канонам, то есть, на мой вкус, смертельно скучно. Ни душевных разговоров, ни запальчивых, до крика, дискуссий. А так...

Впрочем, Майкл старался, как мог, настойчиво формируя мой имидж эксцентричного русского космопроходца, авантюриста и ловца удачи, набитого леденящими душу историями, каковые сам за меня и изображал в лицах.

Гости вежливо восхищались и задавали наводящие риторические вопросы.

Алла с милой улыбкой принимала комплименты мужчин и знакомила дам с некоторыми особенностями жизни женщин в России.

После четвертого бокала, когда наступила фаза релаксации, сиречь расторможенности и благодушия, Майкл вдруг повлек меня в глубь своего дворца.

В смежной с его большим кабинетом комнате я увидел целую стену из мощных компьютеров.

– Вот. Вот где основа моих успехов и благосостояния. Я с тобой откровенен, как ни с кем. Цени!

– Может, лучше не надо? – засомневался я. – Вдруг не сумею должным образом оценить?

– Во-первых, ты мой друг. Во-вторых, возможный компаньон. И в любом случае не конкурент. Так что можно. Знаешь, почему Панин первый среди равных? Вот из-за этого. Здесь смоделированы все мои главные клиенты. Вот в этих блоках. А в этих постоянно идет анализ всей новейшей информации. И моя продукция всегда оказывается самой лучшей.

– Так, а в чем здесь тайна? – не понял я. – Все примерно так делают. И ты тут вообще ни при чем. Я понимаю, когда ты успеваешь ухватить действительно сенсацию...

– Вот-вот-вот!.. – обрадовался он. – Это вы все так работаете. Согласен, твой товар бывает хорош. За пять лет три роскошные сенсации. Но – три! И все. Потому ты не всегда можешь заплатить за стакан виски и содержать свою даму, как она того заслуживает... Нет, парень, самое главное – программа. Программа! Я ж не просто предлагаю то, что и так может взять каждый. Нет. В любую секунду я имею то, чего как раз позарез не хватает конкретной редакции. Это может быть чепуха, бред собачий. Но как раз его они и желают. Тут работает чертова уйма факторов. Состав читателей, общая начинка номера, сегодняшнего и трех предыдущих, верстка полос, содержание изданий ближайших конкурентов, настроение тещи главного редактора, да Господь Бог не знает, что тут еще имеет значение! И я сажусь, веду пальцем по списку клиентов. Вот! «Гамбургер вохеншау». Соединяюсь и говорю: «Гроссфатер Кноблаух, спорим, что у меня есть то, что твои думмкерли ищут уже третий час?» Он знает меня и говорит: «Спорим. На сколько?» Я говорю: «На пять тысяч рейхсмарок». Я никогда не торгуюсь. Если ему действительно нужен гвоздь, он соглашается. Если нет, я могу в следующий раз позвонить через полгода. Будет звонить мне сам и выпрашивать материал, я заломлю тройной тариф. Он и это знает. Я передаю факс. Он читает, думает минуту и орет: «Майн брудер, это гениально!» «Зер гут, – говорю я, – номер моего счета вы знаете...» Самое смешное, что в другой газете это дерьмо не стали бы и читать, а у него оно играет...

Панин извлек из внутреннего кармана серебряную фляжку, звучно отхлебнул.

– Хочешь освежиться? – протянул посудину мне.

По запаху – кукурузное виски, оно же «Бурбон».

– Так какого же черта ты тогда мотаешься по миру, суешься, куда голова не лезет? Ну и сидел бы...

– Как ты сказал? Интересная поговорка. Запомню. А потому лезу, что мне интересно. А также для поддержания реноме. Весь мир знает, что старина Майкл – классный драйвер, гиена пера... – он снова расхохотался.

«С того ты и пьешь, что ли? И точит тебя, и мучает сам не поймешь что? На душевный эксгибиционизм потянуло?»

Раньше я за ним такого не замечал.

– Ну а в чем же главный-то фокус? В редакциях же не дураки сидят. Механику твою не так трудно и разгадать... Раз, другой, третий – и принцип ясен...

– Это тебе он ясен, но не все ж такие умные. Да и к чему им что-то разгадывать? Я ж говорил, программа у меня. Тут каждый редактор смоделирован. Его личный психоаналитик в нем хуже разбирается, чем я. Вот, почувствуй на наглядном примере. Ты, скажем, султан, выбираешь новую девочку для гарема. Купец привел тысячу невольниц. Все красавицы, все «хай стандарт». От изобилия ног, глаз, грудей, попок тебе делается дурно. Тебе хочется всех и сразу. И сверху, и снизу ты чувствуешь себя сотней буридановых ослов одновременно. Тут появляюсь я, признанный дипломированный эксперт по комплектованию борделей, и говорю: «Самая лучшая – вот!» Беру за руку и ставлю перед тобой. И самое смешное, что я

прав. Чем больше ты смотришь, тем больше убеждаешься – она, и только она. А все прочие – не более чем смазливые шлюхи.

Да, картинку он нарисовал убедительную.

– Понял теперь. Ну а программа такая замечательная откуда?

Он покачал перед моим носом толстым пальцем с массивной палладиевой печаткой.

– В том-то и дело. Вот почему Майкл Панин велик, а вы все – способные ребята, и не более. Вот станешь компаньоном старого Майкла – и сам будешь батистовые портянки носить.

Надо же, какой оборот выкопал. Я и то раньше не слышал. У Гиляровского, что ли? Счет опять в его пользу.

Разговор о компаньонстве я снова пропустил мимо ушей.

Он еще глотнул из фляжки. Очень, по всему видно, хотелось ему меня достать.

– А вот такой поворотец хочешь? С моей программой и наоборот ведь можно... Вообрази, что мне взбрело в голову... Я даю команду, и ящик выдает материал за тебя! Напишет, используя твою лексику, манеру, стиль мышления, вкус. Выберет из ситуации тему, на которую только ты мог глаз положить, остальные просто не заметили бы...

– Так что, я у тебя тоже смоделирован?

– Ну, я ведь только для примера... Именно на тебя программу готовить, пожалуй, не окупится... А в принципе отчего ж...

Очень мне вдруг это не понравилось. Даже в виде примера. Разве что заврался Майкл, цену набивает. Стиль-то, конечно, а личность целиком?.. Но надо будет у Виктора проконсультироваться, мало ли куда за мое отсутствие техника шагнула...

Когда мы вернулись в холл, там окончательно царила Алла. Она была в ударе и не заметила ни моего ухода, ни возвращения. Я присел в сторонке, рядом с профессором Слейтером. Или Гендерсоном, как-то они у меня перепутались.

Итальянка Джильола Ревелли как раз, наслушавшись Аллы, высказывала свое восхищение нынешней жизнью в России, где она недавно побывала. Как там у нас пасторально... А в Петрограде вообще... Словно в Венеции двести лет назад.

Ей с неожиданной горячностью стал возражать негроевропеоид. Не имея, что оспорить по существу, принялся обличать византийское коварство, с которым мы в очередной раз обманули весь цивилизованный мир. Хитро соскочили с тележки, взвалив на Америку все тяготы мира, а себе оставив лишь удовольствия. Его отчего-то особенно волновало, что мы переложили на США свою долю пресловутого «бремени белого человека».

Отказались от промышленности, сбросили массу избыточного населения, устроили чудовищный демпинг квалифицированной рабочей силы.

Он возмущался так, что с точки зрения респектабельных белых американцев это выглядело даже неприлично.

С негодованием, достойным очередной речи Цицерона против Катилины, мистер Зиннер обвинял нас в том, что англосаксы вынуждены исполнять роль мексиканцев в собственной стране, где российские концерны и тресты скупил контрольные пакеты, монополизировали рынки золота, алмазов и идей, вообразив себя евразийской Швейцарией.

– Мы уже задыхаемся в прямом и переносном смысле...

– Задыхаетесь? – я стоял рядом и демонстративно втягивал носом воздух, пропитанный ароматами экзотических растений парка. – Ну а если даже и так, кто из нас и в чем виноват? «Кто взял, тот и прав», – кажется, это как раз американская поговорка? То, о чем вы говорите, началось не при мне и не при вас. Полсотни лет назад, если не больше. Какие правила были нарушены? Мы покупали, что продается, и наоборот. Бизнес есть бизнес. Допустим, какие-то ваши фирмы оказались неконкурентоспособными и попали под контроль русских деловых людей. А если б китайских, лично вам было бы легче? Да в конце концов кто вам

мешал поступить так же? Демонтировать заводы, забыть про индустрию, заняться туризмом, искусствами и фундаментальными науками? А тяжелую промышленность оставить японцам и немцам?

– Ну что вы говорите? – вдруг поддержал меня шейх. – Как же они могли? Тогда как раз начался невероятный бум, бизнес пошел слишком хорошо, вы покупали все, что угодно, и ни один промышленник не мог отказаться от сверхприбылей. А когда разобрались, стало уже немного поздно. Просто никто не ожидал, что вы выберете наш, кувейтский путь.

– Семейство Пола потеряло в тот кризис двести миллионов, – любезно сообщил Майкл. – И он до сих пор не может этого забыть и простить. Тем более что и в истории с ураганом он тоже отчего-то винит русских. И даже предъявляет претензии мне, хоть я и доказал, что мой род от вечных российских эксцессов пострадал никак не меньше, но значительно раньше...

– Это ваши внутренние проблемы, – огрызнулся Зиннер. – И твои предки, конечно, виноваты. Тем, что позволили их ограбить. А за что страдаем мы?

– По той же самой причине, – лаконично бросил Майкл.

– Ну вот, ну вот, – вмешался еврей в ермолке, – встретились два русских, и опять началась смута...

– Среди американцев, – тут же вставил араб.

– Умом Россию не понять, – мечтательно сказала госпожа Ляпина.

А ее муж добавил:

– За тысячу лет следовало бы привыкнуть. И выработать соответствующие алгоритмы поведения.

Я постарался не дать разыгаться своему азарту спорщика, и совместными усилиями беседа была переведена в менее скользкое русло.

А когда я почувствовал, что дальнейший, вновь ставший бесцветным и безвкусным разговор мне смертельно надоедает, Майкл вдруг пригласил мужчин в курительный салон.

Был предложен армянский коньяк и умопомрачительный выбор табачных изделий. Целый резной дубовый шкаф, разделенный внутри на секции и ящички, занимала коллекция сигар, сигарет, папирос, трубочных и курительных табаков со всех концов света, а на специальных стеллажах разместились сотни трубок – вересковых, эвкалиптовых, пенковых, фарфоровых и глиняных, а также индейских из кукурузных початков и медных китайских для курения опиума.

Там он и совершил ту пакость, которой я подсознательно ждал. Без всяких подходов и ссылок на сказочные сюжеты и иную лирику он объявил заседание открытым и довел до сведения присутствующих, что сэр Игорь владеет информацией об открытии, которое сулит куда более серьезные последствия, чем создание пенициллина, вакцины против рака или изобретение компьютера.

Первым моим порывом было немедленно пресечь это никчемное и нарушающее все мои планы заявление, но я сумел сдержаться. В конце концов и такой поворот имеет право на существование, при определенных обстоятельствах из него можно извлечь некоторую пользу. Дезавуировать же Панина, доказывать, что ничего такого не было и нет, просто нецелесообразно.

И я промолчал, сделав значительное лицо.

Не мешает выяснить, как он намерен вести себя дальше.

Надо отметить, что Майкл избрал осторожную тактику. Что есть, мол, сведения относительно открытия в биохимии и сопредельных науках, позволяющего не только с достоверностью определять, как он выразился, «предрасположенность к смерти», но и возвращать процесс умирания вспять с любой его стадии. Чему имеются экспериментальные подтверждения. То есть довольно грамотно вычленил из моих побасенок рациональное содержа-

ние, имеющее рыночную стоимость. А в завершение предложил создать нечто вроде компании по... ну, скажем, предварительной проработке данной проблемы. Финансировать сбор первичной информации, ее анализ, создание экспертной и при необходимости научно-производственной групп, с перспективой в случае успеха монополизировать это дело и стать единственной на Земле корпорацией... указанного профиля.

– Даже имея в виду возможность неудачи, попробовать стоит. Первоначальные расходы большими не будут, а уж при успехе...

– О какой сумме идет речь? – поинтересовался шейх.

Взоры обратились ко мне. Отвечать, тем более перед явными знатоками финансовых проблем, я был не готов и стал нечто такое мямлить, будто и информация у меня поверхностная, и цен на исследование и аппаратуру я не знаю. Но меня остановили.

– Вопрос именно к вам. Во что вы оцениваете ВАШУ часть информации? Остальное мы сумеем просчитать...

Что значит отсутствие навыков делового человека! Я и в самом деле не знал, как быть. Назвать конкретную сумму, связать себя обязательствами дать в обмен нечто существенное, а там или остаться в дураках, или?.. Действительно ведь масса проблем возникает, нравственных, юридических, не знаю, каких еще...

Любым способом надо уйти сейчас от конкретного ответа, а потом уже думать и думать. Потянул же меня черт за язык...

Они же мои колебания расценили иначе.

Еврей в ермолке, отрекомендованный чуть ли не лучшим в стране адвокатом, принялся убеждать меня, что в случае успеха я могу рассчитывать не меньше чем на пять процентов акций корпорации, а также посулил неограниченную и бесплатную юридическую помощь, как только она мне потребуется.

«Значит, заведомо ждет эксцессов», – сообразил я.

Чтобы прервать ставшую для меня тягостной паузу, я сказал, что если им угодно, то свои уже понесенные расходы я оцениваю в двести тысяч, и если такая сумма принимается к оплате, то в течение ближайших недель готов предоставить документальные подтверждения. За особую, само собой, плату.

– Подтверждения чего? – прищурившись, спросил профессор Гендерсон.

– Того, что такие исследования имели место и прошли успешно. Возможно, сумею раздобыть записи итогового эксперимента.

– И все? – удивился Зиннер.

– Разве мало? Ну, естественно, название организации, где это делалось, фамилии участников...

Высокое собрание развеселилось. Проявлялось это по-разному – улыбками, телодвижениями, междометиями.

– И кому, по-вашему, нужна такая информация? – очень вежливо поинтересовался профессор Слейтер. – Какая нам польза от того, что мы будем знать, где и кем сделано открытие? Смысл имеет только подлинная документация, причем с гарантиями, что мы станем ее единственными обладателями...

– Так, по-вашему, я должен выкрасть документы и уничтожить целый институт? Взорвать вместе с персоналом?

– Зачем же утрировать? Из сообщения мистера Панина я понял, что вы достаточно близки к авторам открытия и можете сделать то, о чем я сказал. Если это плановая разработка государственной или солидной частной фирмы, для нас она интереса не представляет. Мы, знаете ли, в отличие от вас с Майклом сенсациями, как таковыми, не интересуемся...

Тут бы мне и уцепиться за сказанное и красиво выйти из боя, а я прозевал.

– Если потребуется техническая помощь, то можете на нас рассчитывать, – добавил африканец. – Люди у нас есть...

Что дело может быть миллиардным, я, слава богу, наконец понял. Возьмутся они все-ррез, раз такие акулы собрались, создадут сотни клиник по всему миру, и пошло... Разве не заплатит владелец сотни миллионов или миллиарда хоть бы и половину своих капиталов за гарантию неограниченно долгой жизни? Или хотя бы солидную отсрочку вплотную надвинувшейся смерти?

«Влетел ты, господин Ростокин, ох и влетел!» Приходилось слышать, что бывает с лохами вроде меня, попавшими в чужие игры такого размаха.

А ведь вцепятся они в меня мертвой хваткой и с живого не слезут, пока своего не добьются. Беда моя еще и в том, что Алла произвела на Панина слишком сильное впечатление, и как бы он не начал сейчас банковать на двух столах сразу...

«Соображай, – приказал я себе, – и побыстрее, да ври поубедительнее, иначе труба. Похуже, чем тогда на Крюгере».

– Вас понял, – ответил я, сделав сообразительное лицо. – Цели ясны, задачи определены, как сказал однажды известный исторический деятель. Надеюсь, кое-что сделать можно. Какую сумму я вправе предложить лицу, обладающему всем вас интересующим? Чтобы он, значит, перешел на нашу сторону и обрубил все концы?

Я поймал взгляд, которым обменялся Панин с господином Дерябиным, самым, как мне казалось, безобидным из всех. Вяловатый такой, стареющий фермер средней руки, прибывший вместе с супругой... полюбоваться на знаменитого соотечественника. Специально ради такого случая на вертолет разорившийся.

Взгляд у Дерябина хозяйский был, разрешающий как бы. Он чуть-чуть веки приопустил и кивнул едва заметно.

– Если так сделаешь – миллион ему, полмиллиона тебе. И пять процентов акций, как и сказано. Делиться сами будете... – Майкл улыбнулся простецки. – Контракт составим, все по закону... А чтобы дивиденды были подходящие, тут уж мы постараемся...

– О'кей, – ответил я. Мне сейчас главное разговор было закончить. Измотал он меня. – С деньгами у меня туго, сам знаешь, потому я хотел бы все же аванс. Расходы покрыть, с долгами рассчитаться, и представительские расходы намечаются, в России без этого никак. Думаю, недели через две-три представлю полный отчет. Устроит вас – будем дальше говорить. Нет – лишнее верну, и все права на беллетристику – твои...

– Как, джентльмены, устраивает вас предложение Игоря?

– А почему именно три недели? – спросил Зиннер.

– В Москву ехать, на нужных людей выйти, работу с ними провести... У нас там не Америка... Одной водки сколько выпить надо...

– Пусть будет так. Надеюсь, о мерах безопасности и коммерческой тайне вас предупредить не нужно? Никаких имен, никаких ссылок. Это ваш бизнес. До получения первого результата... – и уже обращаясь к Панину: – Соответственно, дальнейшие переговоры отложим до возвращения мистера Ростокина. Аванс выплатите из собственных средств, если считаете нужным. В случае успеха мы его учтем...

Мне показалось, что итоги заседания их разочаровали.

На чем официальная часть и закончилась.

После прощального коктейля на лужайке гости отбыли. И мы остались втроем.

Майкл, не подавая вида, что расстроен и мной недоволен (а так оно и было, я его настроения легко читаю), с улыбкой рубахи-парня сказал, что прием, слава богу, удался. Но сейчас самое время посидеть по-нашему, по-русски, выпить-закусить, как положено, за столом и поговорить наконец душевно. Хорошо, что я во время переговоров налегал на коньяк,

и хоть фактически выпил немного, но по количеству бокалов достаточно, чтобы убедительно изобразить приличное опьянение. А также внезапно вспыхнувшее на его фоне вожделение.

Не отводя разбегающихся глаз от Аллиных высоко открытых бедер, я нетвердым языком сообщил, что несколько устал, желаю слегка развеяться на свежем воздухе, а потом с удовольствием готов продолжить.

– Боюсь, как бы совсем не раз-вез-ло. Считай, вторые сутки на ногах, и выпили... доста-точ-но... А душевно поговорить с-со-вершен-но необходимо...

Мне под любым предлогом нужно было остаться с Аллой наедине и обсудить происшедшее. И не допустить, чтобы Майкл выведал у нее нечто, не соответствующее сказанному мной.

Майкл покивал сочувственно, но в его взгляде – я вдруг вспомнил такой точно взгляд, когда мы с ним в Гизе созерцали танцы животов, – я уловил и любопытство, и нетерпение.

Меня осенило! Из подсознания всплыл факт, который днем не привлек внимания, но в памяти зафиксировался. И теперь заиграл так, что вывернул наизнанку мои расчеты и планы.

Ну подожди, друг разлюбезный...

– Ради бога, Игорь, прогуляйся. Можешь даже в фонтан залезть. А мы с Аллой пока тут распорядимся...

– Нет, мы с ней пойдем. Ночью в парке одному скучно. И страшно...

У Аллы мое поведение и особенно подразумеваемые намерения вызвали острое раздражение. И согласилась составить мне компанию она только затем, чтобы без свидетелей устроить сцену.

Приобняв ее за талию, чувствуя, как напряжены мышцы ее спины и как нарочито замедленным шагом она демонстрирует свой протест, я повлек Аллу в слабо освещенную аллею.

Через несколько шагов, на глазах Майкла, она резким, почти грубым жестом отбросила мою руку.

А в саду было хорошо. Ночь, прохладный бриз с океана, влажноватый, успевший по пути прихватить запахи прерии, аромат неизвестных мне растений, среди которых я узнавал только ночную фиалку, светильники, спрятанные среди ветвей. Треск цикад, бирюзовые блики от освещенного изнутри бассейна.

– Ты что выдумал? – зло прошипела Алла. – Пить разучился? Стыд какой! Ты б еще не глазами, а руками мне под юбку полез... Убери руку, я тебе говорю! Ложись в бассейн и отмокай... – она не на шутку разгневалась. Пожалуй, даже слишком. Может, ей тоже повод нужен? – Я с тобой сейчас никаких дел иметь не собираюсь. И не уверена, что в ближайшее время захочу... Да еще в парке... Надо же такое придумать!

Вот логика! Но сыграл я, значит, убедительно. И намерения свои обозначил вполне явственно. Для всех заинтересованных сторон.

Не обращая внимания на слова и тон, я нетерпеливо привлек ее к себе, приблизил губы к уху, так что издали это выглядело неловким поцелуем, и прошептал:

– Все правильно. Продолжай так же. Нужно срочно поговорить. В доме невозможно. Мы под контролем. Вырвись и иди прямо по дорожке, потом свернешь. Я буду приставать, ты сопротивляйся, но не очень. Говорить о деле будем так, как сейчас...

Она почти ничего не поняла, но задачу уловила правильно. Я знал, что в серьезном деле на нее положиться можно. А она про меня это знала.

Звучно шлепнув по моей руке, Алла возмущенно вскинула голову.

– Я же сказала – оставь меня в покое! Ненавижу пьяных, пора бы знать! Скажи спасибо, что мы в гостях!

И пошла решительным шагом, звеня каблуками по плитам дорожки. Вот единственное слабое место моего плана. Вдруг Майкл сообразил, что по логике-то ей естественнее было вернуться в дом, а не углубляться в заросли...

Я качнулся взад-вперед, пробормотал что-то сокрушенно и поспешил следом, громко убеждая ее в чистоте своих намерений и абсолютной функциональной трезвости.

Тут надо сказать вот что. Вчера, прогуливаясь по парку, я заметил в ветвях деревьев монитор следящей системы. Заметил и пропустил мимо сознания, а когда вспомнил, то сообразил, что мониторов должно быть много. Чтобы удерживать под контролем всю территорию поместья. Иначе какой смысл? Да и реакция Панина на наш совместный променад мою догадку подтвердила. Он, негодяй, оживился, поняв, что имеет шанс насладиться пикантной, а главное – подлинной интермедией. Вот я его и развлеку.

Но вспомнив про мониторы здесь, я подумал – а если и в самолете у него микрофоны были? И пока он пилотировал, прослушал наш с Аллой разговор. Вот откуда его деловой азарт, вот и разгадка внезапного совещания. И понятна теперь их напористость. Они все про нас знают. В том числе и то, что документы и материалы у нас с собой!

Тогда, отпустив меня сегодня, что они задумали?

Будто ища наугад местечко поукромнее, я вывел Аллу на небольшую, со всех сторон закрытую полянку, где и находилось следящее устройство.

Вопрос лишь в том, действительно ли Майкл сидит сейчас перед экраном, готовясь потешить свои визионерские наклонности. Если я просчитался, осуществится только половина моего плана. Да нет, не упустит он столь заманчивого сюжета.

Место было хоть куда. Низкая скамейка на гнутых чугунных лапах стояла под пышным кустом, точно в поле зрения объектива. Внизу – густая шелковистая трава. Все вокруг заливают зеленовато-серебристый свет полной луны. Очень подходящая обстановка для вурдалаков, оборотней и прочей нечисти... И для уединенных бесед... очевидно, для того и скамейка здесь поставлена.

Алла, когда я вновь перешел в атаку, оттолкнула меня, громко возмущаясь таким поведением. Но я сжал ее запястья и, как бы ловя ее губы своими, быстро прошептал:

– Есть серьезная опасность. В твоей сумке... Какие материалы на каких кассетах? Где самое важное?

– А в чем дело?

– Все вопросы потом. Громко ругайся и побольше возни. Отвечать тихо и в самое ухо...

Словно бы для настроения я включил ручной интерком, настроенный на волну ближайшей музыкальной станции. Звуки блюза должны дополнительно заглушить наш шепот.

– Да что ты за хам такой?! Сказала же, что не хочу... – поняв задачу, почти выкрикнула Алла, отталкивая мои руки, и тут же прошептала:

– Там все, полностью, что именно тебя интересует?

– Ну подожди, я ничего такого... – вновь пытаюсь привлечь ее к себе, ответил я заплетающимся языком. А на ухо: – То, что нужно, чтобы повторить процесс.

Так дальше и разговаривали.

– От тебя перегаром несет, не выношу! Убери руки. (Схемы витатрона – кассеты два и семь...)

– Я ж тебя люблю... Мы год не виделись... (А технология?)

– Ой, ты мне больно делаешь! (Процесс на трех кристаллах в футляре с красной полосой. «Фактор Т» – четвертая кассета...)

Силой усадив Аллу рядом с собой на скамейку, я делал все, что диктовала роль, а она, сопротивляясь, уворачивалась от поцелуев.

– Мне надо сегодня списать все на отдельный кристалл, а оригиналы слегка подпортить... Майкл нас продал, и они могут все украсть. И мы в дураках...

Когда я прикасаюсь к ее телу, то быстро теряю голову. Но сейчас важность момента помогала сохранять выдержку.

В нескольких фразах я обрисовал ситуацию и дальнейшие планы.

А ее тело и губы вдруг стали слишком податливыми.

– Не выходи из роли, сопротивляйся. Когда вернемся, тебе надо пофлиртовать с Паниным. Разыграем серьезную ссору, я уйду. А ты его удержи хоть на час. Как бы назло мне с ним полубезничай. А сейчас порезче...

Алла послушно рванулась, оттолкнула меня и сама, не рассчитав, упала со скамейки. Я едва успел ее придержать, чтобы она не ударилась затылком о землю.

От неожиданности она довольно грубо выругалась.

– Правильно, молодец. На час, лучше – полтора. Не любой ценой, конечно. Сейчас вырвись, вскочи, можешь ударить. И пойдем.

Раскачиваясь, я держался за край скамейки, стоя на коленях, будто не зная, что делать – помогать ей встать или наоборот.

Момент был кульминационный, Панин наверняка затаил дыхание, уставившись на ее сверкающие в лунном свете ноги.

Но Алла-то о камере ничего не знала и замешкалась. Я качнулся вперед, сам чуть не ткнулся лбом в траву возле ее лица.

– Ты что? Бей!

Она опомнилась, сдвинула колени, и от толчка я опрокинулся навзничь.

Алла вскочила и начала одергивать юбку, приводить в порядок прочие детали туалета. Лицом к объективу и крупным планом.

То, что надо. Я на мгновение вообразил себя режиссером. Застегиваясь, она громко ругалась по-венгерски: «Бассом ас...» и другими непонятными, но явно малопрстойными словами.

Остальное тоже было разыграно, как замышлялось.

Она стремительно шла по дорожке, растрепанная и возмущенная, я плелся следом и нудно каялся.

Когда мы вернулись, Майкл уже сидел в кресле и тянул бледное вино из высокого бокала. По его глазам и чуть вздрагивающим пальцам я понял, что он все видел.

Стараясь держаться как ни в чем не бывало и говорить даже с некоторым оскорбленным достоинством, я выпил какой-то слишком горький вермут и вскоре отклонялся, весь облитый Аллиным презрением и лицемерным сочувствием Панина.

Глава 13

Пока Алла не освободилась, я сделал все, что нужно. Материалы уместились на одном многослойном кристалле. А чтобы не оставлять возможное зло безнаказанным, я изготовил для тех, кто заинтересовался бы оригиналами, маленький сюрприз.

Виктор обучил меня некоторым тайнам своей науки, и я загнал в каждую запись по несколько очень хитрых и коварных вирусов.

Их хитрость и подлость заключалась в том, что при попытке воспроизведения или перезаписи через компьютер они не стирали и не искажали информацию, а вносили глубокие деформации в управляющие программы, подсознание и логику машины. Что именно произойдет в итоге – предсказать заранее невозможно, как и любой существующей техникой установить сам факт присутствия вируса.

В идеальном варианте возможно даже гипнотическое воздействие на личность самого оператора, временно превращающее его в функционального кретина. А, скажем, сыворотка для выявления «фактора Т», изготовленная по внешне безупречной технологии, с равной долей вероятности может оказаться жидкостью против перхоти у гуманоидов Антареса, абсолютным растворителем, напалмом или новым наркотиком.

Снять же заклятие с записей могу во всем свете только я. Компьютеры же придется просто выбросить.

...Алла пришла гораздо позже полуночи, можно даже сказать – под утро. Я слышал, как Панин, провожавший ее, долго что-то на прощание бормотал под дверью теперь уже по-настоящему заплетающимся языком, а она в ответ громко и вызывающе смеялась. Тоже подвыпив, конечно.

Дождавшись, пока звук его нетвердых шагов затих в глубине дома, я вошел к Алле в комнату. Сбросив платье и туфли, она стояла перед зеркалом, отстегивая замок изумрудного колье. Раньше его на этой шее не было.

Обернувшись, она пронзила меня сердитым взглядом. Я молча сел напротив, ткнул пальцем в кнопку музыкального синтезатора, сцепил на колене руки и стал ждать, что она скажет.

Так же молча Алла повернулась и направилась в ванную подчеркнуто вызывающей походкой. Но без высоких каблуков это получалось у нее не слишком убедительно.

Испытывая мое терпение, она не возвращалась около получаса. А потом, успокоенная контрастным душем, лишенная грима, украшений и прочих придающих женщине уверенность аксессуаров, утратила и большую часть агрессивности.

Кутаясь в лиловый пушистый халат, она опустилась на ковер рядом со мной.

– Ну и как? – я провел ладонью по ее влажным волосам.

– Твой Майкл, должна сообщить, вполне законченная свинья, – она положила голову мне на колено. – Когда ты ушел, он казался почти трезвым, и мы поначалу беседовали нормально. Однако, очевидно, для храбрости, он все время добавлял, коньяк и вино вперемешку, и быстро поплыл. Изощрялся в комплиментах моему уму, образованию и воспитанию, стал выяснять родословную, потащил в библиотеку, и в толстенных геральдических справочниках мы долго искали общих предков, начиная с четырнадцатого века, только мне все время приходилось стряхивать его руки с разных частей тела. Между прочим, выяснилось, что по матери я близкая родственница королей из династии Арпадов...

Ценное открытие, жаль только, что эта династия сошла со сцены лет 700 назад. Постепенно он отбросил всю эту дипломатию и принялся напрямую расхваливать мои ноги, плечи

и прочие стати. Он, мол, всю жизнь поклоняется женской красоте и вот на старости лет встретил наконец долгожданный идеал...

– С ним можно согласиться, – искренне сказал я, поглаживая ее шею под шалевым воротником халата.

– Подожди, дальше еще интереснее... Он сказал, что не простит себе и мне, разумеется, если его холл не украсит моя статуя...

– Ого!

– Что значит «ого»? Он объяснял, что всяких фото, стерео и голограмм у любого извращенца сколько угодно, а вот мраморное изваяние дамы сердца – это «хай класс»...

– Теперь ты, значит, дама сердца? Поздравляю...

– Отчего бы нет? Не содержанка же...

– Ну и дальше?

– И дальше все было нормально. Он установил видеосканер, и я попозировала. Ты же сам велел занять его поосновательней. Я не сразу согласилась, поломалась, сколько требовали приличия, а потом уступила. В конце концов на пляже раздеваюсь, и ничего... Исключительно в интересах эстетики. У него там программа «Фидий» заложена... Чем я хуже Афродиты Таврической?

– А почему сразу не Милосской?

– Что ж я, по-твоему, такая толстая? А Таврическая – в самый раз...

– Пожалуй, – согласился я. Фигуры у них и вправду схожи. Но как представил ее позирование и рожу Панина при этом... А также, что он теперь будет рассматривать ее каждый день, хвастаться перед гостями и делиться живописными подробностями... Или вообще делает не мраморную статую, а муляж из подходящего материала.

Она почувствовала мое настроение.

– Успокойся, больше ничего не было. А утром он пообещал, что закажет подходящую глыбу мрамора, и я тогда стану бессмертной...

«Не многовато ли бессмертных на мою голову?» – чуть не спросил я вслух. Но сдержался.

– И что дальше? – насчет колье для меня оставалась тревожная неясность.

– Дальше он стал рассказывать, какой он богатый и удачливый, и я не пожалела, если выйду за него замуж. Обещал очень выгодный контракт. Три жены у него уже было, но я – совсем другая. И наследников у него нет...

– Вполне солидное предложение...

Она пропустила мое замечание мимо ушей, и это мне тоже не слишком понравилось.

Хотя, казалось бы, обнимая пока что принадлежавшую тебе женщину, нелогично расстраиваться по поводу того, что у других она вызывает аналогичные чувства. Иначе придется признать правоту древнего грека, заявившего: «Истинно целомудренна лишь та, которую никто не пожелал».

– И вот тут он решил наконец закрепить свой предполагаемый успех. Поскольку выпил больше, чем мог, хотя и меньше, чем хотел, он вообразил, что моя художественная обнаженность предполагает и допускает остальное. Справиться с ним оказалось нетрудно. Потом он никак не хотел подниматься с колен, прося прощения и заверяя, что я его неправильно поняла. А что тут понимать? Я не знала, успел ли ты сделать все, что собирался, и приняла его извинения вместе с бабушкиным колье... Правда, в наказание оделась. Пока язык у него еще ворочался, он объяснял, какой он одинокий, и если я скрашу его одиночество, благодарность его не будет иметь границ... Чтобы его осадить, я спросила, как быть с тобой?

«Неужели?» – подумал я.

– Он сказал, что ты его друг, но роли это не играет. Раз я тебе не жена, он имеет право участвовать в честной борьбе. Пусть победит достойнейший. Но если ты проиграешь, он

тебя не обидит. Например, подарит тебе свою нью-йоркскую контору вместе с клиентурой. И ты тоже станешь миллионером. И никто ведь не помешает тебе, если сумеешь отбить меня обратно...

– Майкл действительно благородный парень. Не часто встретишь... А про ЭТО он ничего не говорил?

– Ни слова. Ты все сделал, как хотел?

– Все нормально. Кристалл с записью в надежном месте. Но это так, на всякий случай. Да, может, и ерунда все. Мания преследования. Предложения мне тоже поступили вполне солидные. Не хуже, чем тебе. Если выйдет, оба миллионерами станем, даже без замужества... Однако хватит о делах, сколько можно? Вон, уже светать начинает. Пошли спать...

– Пошли, – она истолковала мое предложение в известном смысле и уточнила: – Ты к себе, я к себе. Хватит на сегодня сильных ощущений...

...За поздним завтраком Майкл выглядел сильно помятым и угнетенным как физически, так и морально. И на меня старался не смотреть.

Впрочем, допускаю, что душевные терзания тут ни при чем, а виной всему банальная адреналиновая тоска с похмелья. Национального лекарства у Панина в хозяйстве не нашлось, лечился он космополитическим пивом, которое вскоре оказало нужный эффект.

Разговаривать нам пока было не о чем, а за ночь западный ветер и сюда пригнал дождевые тучи, в аллеях сгустился сероватый туман, так что бассейн уже не манил своей голубизной и прохладой, и я попросил у Майкла машину, чтобы прокатиться в город.

– Я сам вас отвезу... – начал он изображать радушие, но я заподозрил, что он просто боится выпустить нас из-под контроля.

– Да зачем тебе утруждаться? Мы просто по улицам покатаемся, Фриско посмотрим, а к ужину вернемся, – стал я ненастойчиво отговариваться, а Алла очень к месту напомнила его обещание сегодня же предъявить мраморное изваяние.

– И если оно мне не понравится, оставляю за собой право разбить его молотком публично. Так что вам следует постараться...

В итоге он предоставил в наше распоряжение маленький красный «Кейзер-ландо». Я и тут усмотрел с его стороны подвох, поскольку на такой машине ни от погони не оторвешься, ни в городе не затеряешься, больно слабосильная и приметная. Но моих планов это не нарушало, и я его искренне поблагодарил.

Города мы не знали, и Майкл лично запрограммировал автоштурман на посещение центра и всех достопримечательностей.

По пути я кратко пересказал Алле суть вчерашнего собеседования. Не исключая возможности подслушивания, постарался убедить ее и прочих заинтересованных лиц в серьезности своих намерений, мимикой же показал, что спорить ей со мной сейчас не следует.

– В городе заскочу на узел связи, прозондирую, что там и как в Москве делается. Если все в порядке, через пару дней полетим...

– А зато когда получится – разбогатеет мы с тобой, – поддержала разговор Алла, – может, где-то поблизости и виллу купим, не хуже панинской... – и стали мы воображать, какая у нас в перспективе роскошная жизнь намечается.

...Фриско – это, конечно, Фриско, ничего не скажешь. Жемчужина Запада, самый европейский из американских городов, как сказано в путеводителе. Мы в этом убедились. По сравнению, скажем, с Нью-Йорком, город добродушный, неожиданный и уютный. Его неровный силуэт изрезан высокими элегантными зданиями начала века и столетней давности небоскребами, живописные кварталы легко поднимаются на гребни холмов и круто падают вниз. Роскошные коттеджи расцвечивают яркими крышами сбегающие к берегам

залива откосы. Я подумал, что в этом городе, пожалуй, смог бы жить. До встречи с Сан-Франциско таких городов, кроме Москвы, я насчитывал всего четыре.

Однако и здесь попадались огромные заброшенные, разрушающиеся кварталы. Не помню точно, сколько населения было во Фриско век назад, два или три миллиона, но сейчас никак не больше пятисот тысяч.

Только в отличие от Москвы руины занимали не окраины, а непосредственно примыкали к центру. И от этого людей на широких улицах встречалось непропорционально мало.

Покатавшись часа полтора, я решил приступить к реализации своего замысла. Тем более что условия для этого представились как бы сами собой.

Напротив центра международной связи мы увидели громадный трехэтажный «Эллери-пассаж», очень похожий на здание Парламента в Будапеште, выходящий сразу на три улицы. От цоколя до крыши он был изукрашен рекламными экранами, щитами и надписями, бегущими, мигающими, змеящимися по поверхности стен и просто повисшими в пространстве над зданием и вокруг.

Алла сразу загорелась.

– Игорь, давай зайдем! Страшно люблю всяких гадалщиков и предсказателей. Нам с тобой узнать свое будущее совершенно необходимо!

А судя по рекламе, большую часть пассажа заполняли именно представители этих почтенных профессий. Хотя оставалось достаточно места и для магазинов, баров, массажных салонов и увеселительных заведений.

– Давай, тем более что я вижу еще и рекламу лучшего в обеих Америках татуировщика. Всю жизнь мечтал запечатлеть на груди твой образ...

– Рискуешь... Следующая подруга сдерет его вместе с кожей...

Приткнув машину недалеко от главного входа, мы вошли. Действительно, чего там только не было! Расходящиеся веером галереи первого этажа оккупировали гадалщики буддийские, индуистские, еврейские, чуть ли не халдейские и ассирийские, предсказатели с компьютерами, звездными таблицами, вертящимися барабанами, попугаи и обезьяны с билетиками, хироманты, френологи, иридодиагносты, нюхатели пота и прочих выделений, графологи... И еще масса специалистов, род занятий которых при беглом взгляде не угадывался. Не было, пожалуй, только гадалщиков по внутренностям животных, очевидно, из соображений санитарии и гуманизма.

Нельзя сказать, чтобы все это было мне в новинку. Но в таких концентрациях... Наверное, дело в том, что дальний запад европейского мира смыкался здесь с Азией во всех ее бесчисленных ипостасях и с остатками всех предыдущих цивилизаций Америки. Перекресток, одним словом. А что будет, когда хлынут наконец на Землю еще и всевозможные инопланетяне, более или менее гуманоидные...

Будь у меня время, я бы с удовольствием пофилософствовал насчет полюсов человеческого разума и взаимодействия суеверия и науки. В том смысле, что век господства научного, рационального мировоззрения заканчивается, и вновь вступают в свои права всякие эзотерические учения, в полуподполье дожидавшиеся своего часа. Как реакция простого человека на прогресс, давно ушедший за пределы понимания большей части обитателей «цивилизованных стран», и на мир, в котором легко и удобно чувствуют себя столь немногие.

– Давай найдем трех-четырех прорицателей самых противоположных направлений, а потом посмотрим, что совпадет...

От азарта и любопытства у Аллы даже щеки разгорелись.

– Интересная идея. Вот ты и начни тут общаться с трансцензусом, а я от тебя отстану на короткое время. Только не увлекайся, а то потеряемся. Пройдись пока вот по этой линии и жди меня, если задержусь, ну хоть вон в том скверике у фонтана...

– Как это мы потеряемся? По интеру всегда свяжемся. И что ты опять выдумал? Не хочу я без тебя...

Опять ей надо спорить. А если я не хочу без крайней нужды пользоваться открытой связью? Ведь как-то же Артур нас пеленговал? В Москве он появился как раз после моего звонка Алле. И потом, в квартире, тоже... После поисков Аллы, что я предпринял с помощью компьютера, появилась Вера... Объяснять все это я не стал – зачем пугать лишний раз? – просто еще раз с нажимом повторил место и время встречи. Она больше не стала спорить, я чуть придержал шаг, и людской поток тут же нас разделил. Несмотря на многолюдье, в своем белом в обтяжку костюме из индейской замши, в высоких мягких сапогах, с распущенными по плечам волосами она долго еще выделялась в толпе.

А я постоял немного, прислонившись к стене, пока перестал ее различать. И в сердце мне вдруг кольнула тревога. Без Аллы я сразу почувствовал себя одиноко.

Через подземный переход я вышел в центральный зал трансконтинентальной связи. Сейчас мне был нужен Виктор. Только он поймет меня с полуслова, сделает все, что попрошу, да вдобавок, со своим знанием всех возможностей земной интеллектуальной сети и нетривиальным мышлением, наверняка подскажет такое, о чем я, дилетант, не в силах и помыслить.

...Отыскался он не где-нибудь, а в Антарктиде, на базе Амундсен-Скотт. Словно именно на южном подшипнике земной оси его и не хватало. О чем я первым делом и спросил его, бородатого, утирающего пот с обширного лба, восседающего за столом, заваленным кассетами, рулонами графиков, многомерными моделями чего-то и просто бумажным мусором.

Не слишком удивленный моим появлением, он с ходу объяснил, что тут делает и почему. Около половины я понял. И посоветовал открыть форточку, раз там так жарко.

– Какую форточку, ты откуда свалился? – и лишь через пару секунд оценил тонкость моего юмора.

После чего разговор пошел всерьез. Информативную часть своей проблемы я вложил в два десятка фраз, но ему хватило. На эмоции он время тратить не стал.

– Что-нибудь конкретное имеешь?

– О чем и речь. Куда переслать, сюда или домой?

– Лучше домой. Хотя дома я буду только дней через пять-семь. Время не ждет? Давай сюда, сразу и запущу в работу. Завтра поймеем уже нечто конкретное. И тебе с пустыми руками спокойнее будет, и шансов больше...

– Но, соответственно, их меньше станет у тебя...

– Ну-ну-ну... У тебя самого за спиной никто не стоит?

Я обернулся. Люди в зале были, но внимания на меня, кажется, никто не обращал, да и кабина герметичная, а засечь, с кем я говорю, даже теоретически на этих системах невозможно.

– Чисто все.

– Вот и прекрасно. Гони сюда свой кристалл. Сохранится, как в холодильнике. К нам на базу регулярных рейсов нет, если вдруг экстренным кто прибудет – все на виду, обратно улетаю charterным супером, без посадки, ну а дома остерегусь, если потребуется...

Я вложил капсулу в приемник и почти сразу увидел, как там у Виктора замигал индикатор.

Все же здорово техника шагнула!

– Вот она. Полный порядок, – он показал мне кристалл.

Хоть один камень с души свалился.

Мы договорились о следующем сеансе связи.

– Жаль, что на личный блок ты меня не достанешь, – сказал я, – придется снова сюда ехать.

– Кто ж тебе виноват, что ты у своих эсбэшников настоящую ЭР-шестую достать не можешь...

– Ага, так они для меня и разогнались. У них каждая пара на спецучете.

Речь шла о внепространственном приемопередатчике с неограниченным радиусом действия и абсолютной защитой от помех и перехватов.

– Ну так и говорить не о чем. Бывай. Желаю дожить до завтрашней встречи.

Экран погас, а на табло высветилась такая сумма, что меня аж передернуло. Не догадался на Виктора оплату переадресовать, а теперь поздно, быстрее надо было думать. Я с грустью посмотрел на жалкий остаток своего актива и спрятал карточку в карман. Ощущение похоже на то, когда в баллонах кончается кислород, а до купола станции еще идти и идти.

Подключая Виктора, я надеялся, что он не просто сбережет кристалл, а, прогоняя информацию на своих сверхмощных установках, разработает для меня эффективную стратегию поведения не только в противостоянии с Артуром, но и симитирует псевдореальность, пригодную для игры на равных с моими новыми компаньонами. Сам-то я запутаюсь и выдам себя в первом же деловом разговоре.

Теперь можно и поинтересоваться, что там утешительного напророчили Алле ее авгуры. Раз люди занимаются этим какую уже тысячу лет, должно у них и для нас найтись доброе слово.

...В назначенное место Алла не пришла. Еще минут пятнадцать я ждал ее спокойно, всматриваясь в перспективу галерей и стараясь угадать, откуда она может появиться. Потом стало нарастать беспокойство. С каждой минутой оно усиливалось, я уже не сидел, а ходил кругами по скверу, одновременно и уговаривая себя не нервничать, и будоража всяческими неприятными домыслами.

Можно понять женщину, думал я, они все вообще склонны к анархии и могут терять представление о времени, но не в таких же обстоятельствах! Сколько раз говорено, что бывают моменты, когда нужно не следовать своим прихотям, а четко соблюдать предложенные условия. Не слишком ли быстро она вернулась к обычной беспечности? Будто и Артур ей уже не Артур...

Подавляя сильное желание самому нарушить договоренность и углубиться в дебри галерей на поиски, я дал ей мысленно еще десять минут. Кто знает, может, она наткнулась на особый род гадания, с непрерывным и длительным процессом?

Все сроки вышли, и я начал вызывать ее по интеркому. Ничего не получилось. Сплошной фон. То ли наводки всевозможных токов и полей, в изобилии витающих вокруг провидцев и экстрасенсов, то ли небывалая концентрация мистической энергии, заполняющей весь объем здания, а может, наоборот, целенаправленное блокирование неуместных здесь приборов, могущих помешать общению с потусторонними сферами.

Я понял, что дальше ждать бессмысленно. За этот тревожный час я передумал многое. Но вариантов выходило все равно лишь два. Или до нее таки добрался Артур, или ее увели отсюда силы вполне посюсторонние, вплоть до того же Панина, не до конца решившего свои проблемы. А также не исключена и самая примитивная, безадресная уголовщина. Заманили в любой из бесчисленных закоулков – а там что угодно... Как, например, в Маниле в дни пятой гражданской войны сотни людей исчезали бесследно, войдя в лавчонку три на три метра. А еще помню, ночью на рынке в Джайпуре...

И ни одного полицейского в поле зрения. Разумнее всего обратиться к полиции, времени прошло немного, возможности у них почти неограниченные, вполне вероятно, что и найдут...

Только делать этого мне совсем не хотелось. Во-первых, неудобно как-то, вдруг все еще само образуется, да и интуиция подсказывала, что нужны здесь совсем другие методы. Просто даже исходя из теории вероятности.

Я решил попробовать один нетривиальный ход. Хуже в любом случае не будет. И потом, еще древние советовали лечить подобное – подобным. Если исходить из первого варианта, то есть дела земные оставить на потом, а начать с дел потусторонних.

Метрах в двадцати за перекрестком я увидел ясновидца, который мне понравился. Старик лет девяноста, то ли японец, то ли тайланец, сидел в глубокой нише, окруженный своими мистическими принадлежностями, будто бы в полудреме, но сквозь приспущенные веки посверкивал отнюдь не стариковскими глазами. А окружавшие нишу надписи на трех мне известных языках и на других, исполненных чуждой европейцу графикой, сообщали, что в числе прочих услуг почтенный Премтинсуланон (тайланец все-таки) владеет и искусством розыска без вести пропавших. Что мне сейчас и требуется. Случай идеальный, чтобы мудрец подтвердил свою репутацию.

Извинившись, что отвлекаю его от возвышенных размышлений, я изложил свою беду.

– Господин уверен, что ему нужна именно моя помощь? – старик говорил, едва шевеля губами, но голос его я слышал удивительно ясно, несмотря на заполнявший галерею гул.

– ...Несоразмерность целей и средств. – Я вдруг сообразил, что говорит он мне по-русски, хотя и не очень чисто. И сразу поверил в его квалификацию. На что, очевидно, и был расчет. Впрочем, потом он перешел на английский.

– Когда у вас нарыв на пальце, вы обращаетесь к семейному врачу, а не к Генеральному хирургу, – пояснил ясновидец. В принципе он был прав, потому что если каждый, потерявший свою женщину в супермаркете, станет привлекать для поисков сверхъестественные силы...

Я возразил, стараясь попасть в тон:

– А если есть подозрение, что нарыв лишь симптом более серьезной болезни, например... – я поискал сравнение, – сибирской язвы, скажем, или еще чего похуже... Тогда не только к Генеральному хирургу, а сразу во Всемирную организацию здравоохранения надо...

Старик посмотрел на меня если не с уважением, то с интересом.

– Что ж, я готов. И не надо думать, что я ищу предлог отказаться, опасаясь быть уличенным в шарлатанстве. В этой стране действует закон о недобросовестной рекламе. И за последние семьдесят лет претензий ко мне не было ни у закона, ни у клиентов. Сядьте в кресло, положите руки на колени, закройте глаза и как можно отчетливее представьте вашу даму такой, как вы видели ее в последний раз...

Он что-то сделал рукой, и нас отделила от галереи завеса коричневой искрящейся ткани. И вспыхнул тусклый, слегка мерцающий свет.

В узких бурых ладонях старика неведомо откуда появился резной шар слоновой кости размером с крупный апельсин. И мне показалось, что он висит, не касаясь рук.

Аллу я увидел совершенно отчетливо и в цвете. Видение было гораздо ярче, чем это возможно в нормальном состоянии. Словно я принял сильный галлюциноген. Сколько я так просидел, сказать не могу. И открыл глаза я тоже будто не своей волей, а по команде извне. Старик был уже без шара.

– Ваша дама в нескольких милях отсюда. И перемещается с некоторой скоростью по направлению... кажется, на северо-восток. В закрытом, видимо, металлическом, объеме. Это может быть автомобиль. Она жива и здорова. Не испугана, а скорее сильно взволнована. Жизни ее в обозримом мной будущем ничего не угрожает. На ее эманацию накладывается другая, и не одна. Я бы предположил, что рядом с ней три человека. Больше пока сказать

ничего не могу. Через несколько часов я мог бы постараться определить ее местонахождение с точностью до мили... Если движение прекратится... С вас пятьдесят долларов.

Деньги перешли из моих рук в его тоже с мистической быстротой. Старик вполне мог в молодости работать шулером высокого класса.

– Разрешите еще вопрос. Если нужно – за отдельную плату.

– Разумеется.

«Вот странная загадка, – подумалось мне. – С глубокой древности всевозможные маги и волшебники испытывают непреодолимую тягу к золоту и его эквивалентам, хотя, казалось бы...»

– Скажите, не связано ли исчезновение моей спутницы с потусторонними силами какой-нибудь из религий? Ну там демоны, джинны, нечистая сила...

– Потусторонние силы едины и не имеют отношения ни к одной из религий. У разных народов всего лишь свои названия и представления о них, которые, конечно, определяются исповедуемой религией...

Теперь он не брал в руки шара, а направил на меня ладони с раздвинутыми веером пальцами.

– Как большинство людей, вы открыты для темных сил, – услышал я его шелестящий шепот, от которого по спине вдруг побежали мурашки. – И в вашей ауре я вижу следы их воздействия. Недавно вы избегли большой опасности, и вам следует быть осторожным. Я сообщу вам мантры, которые помогут стать менее уязвимым. Хотя природа этих сил мне не очень ясна... – он бормотал все тише, в речи его я различил несколько странных созвучий, которые могли быть теми самыми мантрами, но запомнить их я не успел, он снова перешел на английский. – Я вижу, что в данный момент вы в безопасности... Ореол темных сил рассеялся, хоть и не до конца... Если в ближайшие три дня не произойдет ничего неожиданного, они могут оставить вас в покое... Их отвлекает нечто более могущественное, способное защитить вас. Удивительно, я не сталкивался ни с чем подобным. Мне бы хотелось познакомиться с вами поближе. Несколько сеансов. Совершенно бесплатно. Это даже полезнее мне, чем вам. Но и вы обретете новое знание. Сейчас же я советую вам остерегаться людей, не духов. Я ощущаю обращенную на вас сильную и злую волю весьма опасного человека.

Старик замолчал. Туман у меня в голове рассеялся. Я как будто вынырнул на поверхность после глубокого погружения.

– Благодарю вас. Не сейчас. Мне нужно сначала найти подругу. Если не сумею, я, с вашего позволения, снова приду вечером.

– Конечно, конечно. Почти уверен, вы скоро с ней соединитесь... И еще один совет на прощание. Не теряйте бодрости. Пессимизм, уныние и страх перед будущим способны существенно ухудшить вашу карму.

– Спасибо. Интуитивно я всегда это знал...

Глава 14

Я вышел в галерею, освещенную солнцем сквозь высокий стеклянный купол. Выпил стакан сока в экспресс-баре – отчего-то сильно пересохло во рту. Стоял и думал, не понимая, негодовать мне или смеяться. Старик, конечно, классный гипнотизер и психолог. Национальность мою четко вычислил. Но ведь почти то же самое и я мог бы нагадать кому угодно. Если поверить, это успокаивает. А сильная и злая воля, чья она? Кого-то из панинской компании? Или старик говорил наобум?

Правда, многое другое тоже сходится. С тем, что говорил отец Григорий. Так что же принять за рабочую гипотезу? Похищение с целью выкупа? Но, во-первых, без подготовки это не делается. И Алла не выглядит миллиардершей или дочкой особо важной персоны. Захват для подстраховки, чтобы заставить меня вернуться в Москву? Так если они знают о кассетах или даже изъяли их, к чему им Алла, да и я сам? Или меня просто вышибают из игры, решив сотрудничать с ней напрямую? А что мешало провести это более цивилизованно? Там же, у Панина. Скрыть его к этому причастность? Невозможно, раз был уже вчерашний разговор.

Просто посмотреть, что я буду теперь делать? Как может повести себя человек в условиях растерянности и паники?

Старик сказал – на северо-восток? Там залив, а вилла Майкла на юго-западе.

Одним словом – полный туман.

И, взяв себя в руки, я решил для начала повести себя так, как должен поступить перепуганный... ну, не совсем дурак, за дурака меня Панин не держит, а так, сверх меры взволнованный недоумок.

На пересечении двух галерей второго этажа я отыскал целый ряд старомодных телефонных кабин, поставленных здесь как раз с учетом того, что не работают интеркомы. Забота...

Соскочив с движущейся ленты тротуара, я зашел в первую попавшуюся и набрал номер Майкла. Он ответил сразу. Будто ждал. Или вот именно, что ждал. Меня или нет – другой вопрос.

Стараясь, чтобы мой голос звучал как должно, я сообщил, что Алла исчезла, и будто бы, по словам очевидцев, неизвестные люди посадили ее в машину и увезли. Сказал, что собираюсь обратиться в полицию, и нет ли у него там знакомых, потому как, понятное дело, чужаку трудно ориентироваться. В Москве я бы знал, что делать. А тут...

– Подожди. Возьми себя в руки, – голос его после короткой паузы зазвучал вполне уверенно и спокойно. – Главное – без истерики. Слава богу, если ты еще глупостей не наделал. Никакой полиции. Садись в машину и гони прямым ходом сюда. Все обсудим... Просто так даже у нас людей на улицах не хватают. И поаккуратней езжай, совсем ни к чему, если сам в экзистенс влипнешь... – сейчас это был как раз тот Майкл Панин, которого я знал – трезвый, уверенный в себе, абсолютно точно знающий, что, кому и как следует делать. И я почти поверил, что он тут ни при чем, искренне озабочен судьбой Аллы и моей тоже.

Он опять замолчал на пару секунд, будто задумавшись, я слышал в трубке его громкое хрипловатое дыхание, и вдруг оно прервалось. Полная тишина. А потом вновь раздался голос, только интонации изменились.

– Знаешь, лучше не так. Не надо тебе никуда ехать. Только время потеряем. Жди там... Уточни, где находишься...

Я объяснил.

– Сейчас я свяжусь кое с кем, есть у меня подходящие люди, тебя найдут и подскажут, как быть... Понимаешь, если б это было похищение с целью выкупа... Оно не так происхо-

дит. Значит, тут другое... Но не будем терять времени. Жди, а поговорим обо всем, когда разберемся.

Он отключился, я повесил трубку и, выходя из кабины, увидел направляющихся в мою сторону двух молодых парней. Они привлекли внимание именно тем, что не ехали на движущейся дорожке, а шли пешком параллельно ей. Один своей круглой рыжей головой и лицом в веснушках напоминал классического ирландца, а второй был скорее скандинав, оба крепкие, плечистые, но вполне приличного вида. Это я оценил уже потом. То есть ни на бандитов, ни на кадровых полицейских они не походили.

Однако я настолько уже был напряжен и готов к чему угодно, что все равно почувствовал недоброе и подобрался. Оказалось, не зря.

– Мистер Ростокин? – спросил ирландец. – Мы за вами. Вас ждут. Мисс Алла просила вас встретить и отвезти...

Он говорил очень мягко и предупредительно улыбался, но я увидел глаза его напарника. Как бы поточнее определить – они были равнодушно-безжалостные, что ли... Как, скажем, у палача, который собирается исполнить свою работу, ничего против вас лично не имея.

Поэтому, кстати, любые сотрудники спецслужб заведомо проигрывают, общаясь с хоть чуть-чуть интеллектуальными людьми. За что они нас так и не любят, и профессионально, и по-человечески.

«Сейчас они мне ничего не сделают, – мелькнуло в голове. – Если я спокойно пойду с ними, у меня несколько минут в запасе будет. Хотя бы пока на улицу не выйдем...»

– Где она? – я выдохнул вопрос со страхом и облегчением одновременно. – Я тут черт знает что успел передумать...

– Все в порядке, никаких оснований для беспокойства. Просто она вас потеряла, а у нее возникли некоторые проблемы. Вот она и попросила вас найти. Делать объявление по громкой трансляции сочли неудобным, но она вас очень хорошо описала...

– Мы из службы безопасности пассажира, – пояснил скандинав. «А может, и правда? Мало ли что бывает? Недоразумение, например, забыла за что-то заплатить...» – версию они придумали хорошую, и если бы только ирландец не сказал «отвезти»... куда? Служба безопасности должна находиться в этом же здании. А в ином случае я мог бы проглотить наживку запросто.

Но теперь их изобретательность (не слишком согласованная) сыграла наоборот. Я убедился, что проводится целенаправленная операция, никакой случайностью и не пахнет, и Майкл скорее всего в ней замешан. Его люди не могли появиться так быстро.

Мы спустились на первый этаж и направились, как я предполагал, к выходу на улицу.

«Еще чуть-чуть...» – приготовился я. Они шли от меня по бокам и на полшага сзади, подсказывая, когда и куда повернуть.

А за десять метров от широченных вращающихся дверей, в которые втекали и вытекали густые потоки людей, сопровождающие придвинулись, почти сжали меня плечами, я ощутил прикосновение к правому запястью. И чисто рефлекторно отдернул руку. Вернее, попытался, потому что внезапная тяжесть, повисшая на ней, чуть не пригнула меня к земле.

Руку словно парализовало.

«Гравибраслет!» – сообразил я. И хоть ждал чего-то другого, но общая готовность к действию бросила меня вперед.

Второй мой конвоир, который собирался проделать то же самое и с левой рукой, опоздал. На какую-то долю секунды... Он хотел защелкнуть браслет и одновременно включил его. Почти невесомое в инертном положении кольцо выскользнуло из его пальцев и гулко ударилось о мраморный пол.

А я, прижав свинцовую руку к животу, как мяч, и согнувшись, словно очутился на игровом поле, рванул к выходу через встречный поток, расшвыривая ошеломленных посетителей.

За спиной у меня образовался затор: сбитые с ног, испуганно и возмущенно кричащие люди, просто любопытные, жаждущие увидеть и понять, что тут случилось...

Уклонившись от провернувшегося мне навстречу полотнища крестообразной двери с острыми, обитыми медью углами, я отбросил назад необъятного толстяка африканца в ярко-пестрой галабее и почти на четвереньках вывалился на улицу. Преследователи безнадежно увязли в устроенной мною свалке. Зато, пока я на секунду замер, соображая, куда метнуться дальше, из стоящей прямо напротив дверей сиреневой «Дакоты», привлеченный шумом и криками, выглянул худощавый, средних лет мужчина, понял, очевидно, что план срывается, с маху распахнул дверцу и бросился мне навстречу. Это была с его стороны большая ошибка.

Он никогда не играл в регби или американский футбол, иначе поостерегся бы так делать.

У него был один только шанс – подкатиться мне под ноги. Но тут нужна специальная подготовка.

Я снес его, как резиновый манекен, и, подчиняясь уже не разуму, а инстинкту, перемахнул через ограждение тротуара, заметался среди потока машин и, будто подтолкнул меня ангел-хранитель, повис на подножке между кабиной и кузовом серебристо-алого рефрижератора.

Скорость у него была небольшая, миль двадцать в час, иначе бы я не удержался со своей парализованной, неподъемно-тяжелой рукой.

И еще одна удача – рефрижератор сразу же свернул вправо и ушел в длинный, освещенный оранжевыми фонарями тоннель.

Затискиваясь в щель поглубже, чтобы меня нельзя было увидеть сзади, я полностью положился на волю судьбы.

Выйдя из тоннеля, разгоняясь на крутом спуске, рефрижератор понес меня в сторону порта, по сторонам замелькали глухие заборы складов и пакгаузов, полузаброшенные и совсем покинутые дома с выбитыми окнами, а я все висел, как обезьяна на дереве, и думал, как быть, если меня все-таки настигнет та самая «Дакота».

Не знаю, что помешало им меня догнать. Скорее всего никто просто не заметил, куда я делся. Многолюдье, беспорядок, а водитель машины крепко приложился спиной и затылком о тротуар и моего броска на рефрижератор засечь был просто не в состоянии.

И как только грузовик слегка притормозил, я прыгнул в сторону, ловя ногами улетающий бетон дороги, кое-как удержался, выпрямился, со свистом пронесся под аркой грязной подворотни... В шахтообразном дворе остановился, ловя ртом воздух, постоял, озираясь, и будто лис с капканом на лапе, начал искать подходящую нору, чтобы отсидеться и сообразить, как освободиться и запутать след.

Под лестницей, ведущей в подвал, я рассмотрел наконец этот самый гравибраслет, о котором раньше знал лишь понаслышке.

Узкое, в палец шириной кольцо синеватого металла с выступающей кнопкой, шкалой пронумерованных делений и прорезью для ключа.

Кнопка стояла против третьей риски. Или они решили, что такого веса хватит, чтобы обездвижить меня, или просто не успели включить на полный режим. Впрочем, скорее всего сделано все было правильно. Если один браслет весит сейчас килограммов тридцать, то два – соответственно. Можно устоять на ногах, но уж никак не бегать.

А при передозировке веса я просто свалился бы на пол, да еще, упаси бог, начал орать, и что бы они тогда со мной делали? Тащить к машине стокилограммового, да еще и отбивающегося ногами мужика – проблема.

Впрочем, это теперь не имеет значения, мне надо побыстрее освободиться и – ходу. Потому как эта штука наверняка снабжена маячком: не могли конструкторы упустить возможность побега и с их сверхнадежным устройством. Арестанты ведь такие зловредные существа, что ухитряются бегать во все времена и при любом развитии полицейской техники. И в Древнем Египте бегали, и сейчас...

Но вообще-то придумано гениально – пока браслет расстегнут, он ничего не весит. А как только «щелк» – все! На десятом делении и в камеру запирать не нужно, сажай на пол в любом месте – клиент не шевельнется до второго пришествия.

Я попробовал сдвинуть регулятор назад. Не получилось. Но, на мое счастье, между рукой и браслетом остался зазор в полсантиметра, да и его толщина тоже сантиметр с лишним. Я достал из кармана пистолет, поднял рукав повыше, долго прилаживал дульный срез так, чтобы не слишком опалило кожу и рикошета опасного избежать. А потом отставил руку подальше от лица и – выстрелил.

До последнего я боялся вот еще чего – вдруг от удара разрядится аккумулятор или что там – гравиконденсатор? Тогда не только руку оторвать может...

Удар был, конечно, крепкий, удивляюсь, как плечо не выбило из сустава, ведь энергия пули больше полутонны, но, очевидно, замок лопнул раньше. Я отбросил ногой вновь ставший невесомым кусок металла, смочил слюной багровый ожог с густо вонзившимися в кожу порошинками и поспешил исчезнуть из своего ненадежного убежища.

Жизнь, можно сказать, вновь входила в ставшую уже привычной колею. На меня охотятся, я до поры до времени убегаю. Если б не Алла, это можно счесть всего лишь очередным щекочущим нервы приключением. А так придется думать всерьез, не позволяя себе увлечься древней игрой в сыщиков и воров. Тем более что я вовремя вспомнил разговор с Паниным насчет возможного моделирования моей личности.

При наличии таких, как у него, компьютеров не составит особого труда спрогнозировать все варианты моих возможных действий в любых заданных условиях. И чтобы выиграть, мне сейчас нужно изловчиться и полностью сломать собственные стереотипы.

Главное, чего они не знают, так это объема информации, которым я могу располагать. На этом и сыграем.

Заглянув в первую же встреченную на пути к центру аптеку, я взял анестезирующий пластырь и вновь позвонил Майклу. Коротко пересказав все происшедшее и выслушав то, что он нашел нужным мне ответить, я категорически отклонил его на первый взгляд разумные предложения.

– Знаешь, боюсь, что или тебя прослушивают, или ко мне какую-то гадость прицепили и пеленгуют. Так подождем встречаться. Делай, что можешь, по своим планам, а я пока сам. Сюрприз я для своих партнеров приготовил – полный абзац! Попозже еще позвоню. Привет.

До темноты я с пользой провел время в самом, на мой взгляд, безопасном месте – библиотеке. Там нашлось все для моих целей необходимое. Заодно я разработал три достаточно непротиворечивые версии сегодняшних событий и соответствующие им схемы действий. Проблема была лишь в одном – угадать, какая версия правильная. От точности ответа зависела судьба Аллы, ну и моя в какой-то мере.

Как в преферансе – мизер на руках практически неловленный, но все зависит от первого захода.

Закончив свои разработки, я перекусил в баре библиотеки, выпил двойной коньяк и чашку очень крепкого кофе. Там же, у бармена, приобрел упаковку сильного нейростимулятора. Вскоре мне потребуются и выносливость, и утроенная скорость реакции.

Через полчаса я был полностью готов к разведке боем. Очередной контакт с противником должен почти наверняка состояться в ближайшее время. Если те, кто похитил Аллу

и охотится за мной, не сумеют его обеспечить, я разочаруюсь в способностях специалистов Дальнего Запада.

Правда, если все так, как мне представляется, работают со мной пусть и профессионалы, но не того профиля. Не думаю, что мои партнеры сделали заказ в специализированную фирму. В целях конфиденциальности вполне могут ограничиться силами, допустим, личных секьюрити...

Положение-то мое, строго говоря, хуже некуда. В чужом городе и чужой стране, почти без денег и без друзей. Не имеющий никакого специфического опыта, кроме, скажем так, определенных навыков поведения в острых ситуациях и нормального курса космодесантной подготовки. По обычным меркам, на успех я рассчитывать не могу. Однако, с другой стороны, прожив тридцать пять лет, побывав на десятке планет и на шести войнах, ухитрившись не только не сломать себе шею, но и добиться кое-чего в этой жизни, могу же я надеяться на удачу и в дальнейшем? Если персонажи подлинных и вымышленных детективных сюжетов с честью выкручиваются и из более лихих переделок, отчего я должен оказаться хуже?

Успокаивая себя подобными умопостроениями, я вышел из здания «на тропу войны».

Плохо, что Панин оставался для меня непонятен. В своей нынешней роли. Что он загорелся идеей, я видел. Что ради достаточно приличного куша готов почти на все – допускаю вполне. Тем более что эта авантюра может оказаться последней в его жизни. Нет, не в том смысле... Просто, исходя из его возраста и размеров ожидаемых доходов, он получит возможность до конца дней жить на дивиденды, не утруждая себя поисками дополнительных заработков. И где в таком варианте проходит граница его принципов?

...Известно, что достаточно квалифицированную слежку заметить нельзя. Особенно если она ведется с применением соответствующих средств. Но мне ее обнаруживать и не требовалось. Даже наоборот. Я старался создать для преследователей наиболее благоприятные условия. Чтобы в решающий момент им ничего не помешало. Ну и мне, конечно. А вот если нападения не последует, я получу абсолютную гарантию, что оторвался вчистую, и перейду к следующему этапу своей схемы.

Участок города примерно в одну квадратную милю, прилегающий к библиотеке с юга, я знал теперь не хуже центра Москвы.

И смог наметить маршрут так, чтобы он полностью соответствовал моим целям и в то же время выглядел логично и убедительно, как будто я не просто бестолково мотаюсь по улицам, а направляюсь туда, где мое присутствие для неприятеля явно нежелательно.

Причем иду напрямик, по кратчайшему пути. И на этом пути имеется одно-единственное место, удовлетворяющее одновременно и моим, и их запросам. Чрезвычайно удобное для нападения, но еще больше – для отступления после выигранного сражения. Как Бородино у Кутузова.

Я уже упоминал, что во Фриско большая часть заброшенных кварталов расположена почти в самом центре, между холмом Твин-пикс, Русской горкой и юго-западным берегом залива. И издавна является прибежищем наиболее деградировавшей и никчемной части здешних люмпенов. Даже уважающим себя преступникам здесь делать нечего. Поскольку объекты грабежа не забредают сюда даже случайно, а встречающиеся в трущобах, деликатно выражаясь, особи женского пола способны вызвать отвращение у самого непритязательного сексуального маньяка.

Я шел, держась внешнего края замусоренного тротуара, чтобы избежать «случайного» кирпича или куска карниза на голову, а иных форм агрессии не боялся. Вид у меня достаточно внушительный, чтобы отпугнуть спившегося бродягу или недобравших дневную норму нищих.

Серьезные же, многочисленные и немотивированно-агрессивные банды и команды тинейджеров оперируют гораздо севернее, по ту сторону Маркет-стрит. Вот туда соваться я не стал бы ни при каких обстоятельствах, как и в кварталы Чайна-тауна. Одиночки, пусть и вооруженные, шансов на выживание там не имеют. Ночью во всяком случае.

Эти, а также многие другие полезные сведения я почерпнул из ежемесячных отчетов местного ФБР, криминальной хроники, а также удивительно полезного курса для слушателей полицейской академии штата. Что значит иметь навыки работы с основными фондами библиотеки и архива, а в особенности – знать основы компьютерного высшего пилотажа!

Все получилось именно так, как и задумывалось.

На пересечении Эвербери-роуд и Пелл-стрит располагалась давно заброшенная и превращенная в свалку автомобильная стоянка. Уверен, что под грудami мягого железа, мусорных контейнеров, старых покрышек, окаменевших пластиковых мешков с пищевыми отходами и совсем ни на что не похожей дрянью при планомерных раскопках можно обнаружить культурный слой чуть ли не начала века. А то и конца прошлого, если повезет.

Отличное место. Редкие фонари выхватывали из мрака фрагменты грязных бетонных и кирпичных стен, из глубоких вентиляционных колодцев поднимались, клубясь, струи серого пара.

Если бы не ровное розоватое свечение затянутого облаками неба, было бы совсем темно, а так дорога просматривалась на полсотни метров в каждую сторону.

Лично я устроил бы засаду здесь. Тем более что с тыльной стороны к свалке подходила под углом гораздо более широкая, но тоже пустынная Морхауз-стрит, и, двигаясь по ней на автомобиле, преследователи имели бы полную возможность фиксировать мои перемещения через широкие просветы между блоками.

Конечно, ничто не мешало им взять меня в любом месте прямо посреди улицы – подъехать с двух сторон и ткнуть в лоб пушку посолиднее. Правда, для такого варианта нужна немного иная степень самоуверенности. Как в случае со стеклянными дверями. Вскрыть замок и проникнуть в дом тайно может почти каждый преступник, а вот разбить стекло – отнюдь. Мешает что-то в глубинах психики. Да и в пассаже я им показал, что не слишком похож на человека, с которым можно делать что угодно.

Они выбрали промежуточный вариант. Я как раз поравнялся с серединой ограждающего свалку забора из крупной металлической сетки и был в высшей степени готовности. Стимулятор действовал, в голове – ледяная пронзительная ясность, шаги приходилось сдерживать, чтобы не запрыгать, как в корабле с пониженной гравитацией.

Из-за угла бесшумно вывернулась низкая темная машина. Марку я определить не успел, ослепленный четырьмя яркими до голубизны пучками света. Согнутой рукой я прикрыл глаза, зажмурился и отскочил назад, на середину улицы. Через секунду, когда я открыл глаза, фары уже были притушены: своих людей им ведь тоже слепить и выставлять напоказ незачем.

Сколько их было в машине – не знаю, а на тротуаре стояли четверо, появившихся из пролома в заборе. Оружия у них в руках я не заметил.

– Подними руки, полиция... – хриловатым голосом сказал кто-то из них. Я неторопливо подчинился, как и любой законопослушный американец при магических словах.

– Иди к машине, – предложил тот же голос. До нее было метров пятнадцать, и я даже удивился, почему не подъехали вплотную. Удобней же. А чуть позднее заметил, что помещала полусасыпанная траншея поперек мостовой.

Увидев, что я медлю, все четверо шагнули с тротуара, развернувшись цепочкой с метровыми интервалами. Хриплый – чуть впереди.

Как я его ударил! Левой сверху и наискось в основание шеи. Это только в кино после таких ударов клиент поправляет прическу и дает сдачи. Мой лег сразу, даже не крикнув.

Второго я встретил прямым в печень. И тоже удачно. Пока на моей стороне был фактор внезапности. Сверхбыстрая реакция и сто килограммов тренированных мышц. (А чем еще заниматься в свободное время на космических базах?)

Но затягивать бой было нельзя. Долго я бы против троих не устоял, да и неизвестно, сколько их еще в машине.

Только навык фехтовальщика позволил мне отклонить голову и избежать удара ногой в висок. Но задел он меня все равно крепко, чуть сзади уха: череп не треснул едва-едва.

Зато повод упасть ничком был самый убедительный. Подвернутой якобы рукой я сжал рукоятку «штейера» и вытащил пистолет из-под ремня.

– Готов? – раздался вопрос, одновременно и заинтересованный, и встревоженный.

– Совсем – не должен бы. Но с полчаса полежит... – ответил тот, кто уложил меня на землю, тоном уверенного в своей квалификации хирурга.

– А что с Патриком?

– Сейчас посмотрю... – и еще через пару секунд: – Боюсь, что плохо. Как бы он ему позвонки не вышиб...

– Если дышит – ничего...

Приоткрыв глаза, я охватил взглядом всю диспозицию. Патрик лежал неподвижно, второй наклонился над ним, третий, постанывая, поднимался с колен и опасности пока не представлял, а четвертый подходил справа. Из машины же так никто и не появился. Только тускло светили подфарники.

«Не главный ли шеф там засел?» – подумал я.

Плеча моего коснулась чужая рука, теперь я точно представлял его положение в пространстве, и когда он сделал усилие, чтобы приподнять мое безжизненное тело и перевернуть на спину, я ему чуть-чуть помог.

Взлетая вверх и разгибаясь, почувствовал, как мой выброшенный вбок локоть погружается в упруго подавшийся живот. И уже стоя на ногах, я догнал отваливающееся назад, смутно белеющее лицо рукояткой пистолета.

Убивать я никого не хотел, это сразу перевело бы наши игры в другую плоскость, оттого, стреляя в последнего, оставшегося на ногах, сознательно завысил прицел. И все равно грохот, языки пламени, шмелиный гул прошедших над головой пуль заставили его, распластавшись, вжаться в грязный асфальт.

Продолжая нажимать на спуск, я круто развернулся и, словно в мишень, послал три пули под верхний скос автомобильной крыши.

Одновременно со звоном лопнувшего закаленного стекла взвыли на реверсе турбины, длинный плоский лимузин со скоростью стартующего истребителя унесся задним ходом во тьму. Что они там думали, бросая на милость победителя четырех своих павших бойцов? Неужели сразу списали? Вот тут бы мне остаться и побеседовать по душам... Многое могло бы пойти иначе...

Но я через пролом ограды, через узкий извилистый проход, как бы не специально подготовленный для операции, промчался сквозь недра свалки и оказался на Морхауз-стрит.

Совсем рядом, прижавшись к ограде, стояла та самая «Дакота», что стерегла меня у пассажа. Значит, кое-кому досталось уже по второму разу. А я даже и не узнал старых знакомых. Ключ, по глупой американской привычке, торчал в замке...

Не наблюдая за собой «хвоста», я доехал до российского консульства и остановил машину на стоянке возле запертых ворот. Когда найдут – пусть думают, не здесь ли я укрылся?

По крутым лестницам, заменяющим на склонах холма тротуары, я спустился к сверкающему на фоне черной воды залива восьмиграннику Северного морвокзала.

Теперь мне следовало исчезнуть, прекратить свое существование в качестве данной, чересчур засвеченной личности.

Оставив последний след в памяти здешних компьютеров, я снял со счета остаток денег и приобрел на них кредитную карточку на предъявителя. Под своей фамилией взял билет и зарегистрировался на рейс Сан-Франциско – Салина-Крус – Панама. Смешавшись с толпой пассажиров, пересек линию контроля и поднялся на борт отходящего через два часа гигантского катамарана «Ронкадор».

Глава 15

Времени должно было хватить на все. Устроившись в тесной, но отдельной каюте, я прежде всего изучил подробный план корабля.

Посмеиваясь над собой, над тем, что я превратился в профессионального беглеца, с собственным набором приемов и сложившимся почерком, мельком подумав, как бы это не осталось на всю последующую жизнь вроде своеобразного нервного тика, я направился в пока еще безлюдный фришоп на верхней палубе и полностью обновил свой гардероб.

Сложив покупки в мексиканскую сумку, заглянул в парикмахерский салон и избавился от едва оформившейся бороды. А усы и прическу привел в соответствие с латиноамериканской модой. Волосам придал умеренно темный цвет. Немного дольше пришлось потрудиться, чтобы приобрести естественную смуглость креола.

Далее, проникнув в жилую палубу экипажа, позаимствовал в незапертой каюте синий рабочий костюм механика.

У себя переоделся, разбросав не нужные теперь вещи по спинкам стульев, и слегка разворошил постель.

На автомобильной палубе как раз шла погрузка, работали и матросы, и береговые таেলাжники, так что во всей этой суматохе я спокойно, надвинув на глаза козырек каскетки, через кормовую аппарель вышел на пирс и на попутной грузовой платформе доехал до выхода в город.

Судя по всему, концы я обрубил начисто. Где-где, а в недрах двенадцатипалубного левиафана уследить за мной невозможно даже целой бригаде сыщиков, а ни одного предмета, к которому чужая рука могла бы пристроить «клопа», у меня с собой теперь не было. Только пистолет. Но его, кроме Аллы, никто даже не видел.

И вот теперь только я счел возможным отдохнуть как следует и подготовиться к решающим событиям.

В отдельном номере турецких бань я часа полтора нежился на теплых мраморных лежаках, дышал густым содовым паром, испытал все прелести средневекового массажа, после чего, умиротворенный и обновленный, затолкал морскую форму в окно утилизатора, переоделся в легкий и очень меня украсивший костюм из сиреневого тропикаля. Тщательно изучив свой новый облик в зеркалах, я убедился, что только очень близкий знакомый мог бы узнать меня в этом молодом креоле.

Взяв такси, я поехал в аэропорт. И оттуда вновь позвонил Панину.

– Что случилось? Я очень волнуюсь. Где ты пропал?

– По-русски нужно говорить – «куда пропал». Но это к слову. Извини, если заставил тебя нервничать. Но так уж получилось. Я временно покинул город. Потом все расскажу. Для меня новостей нет?

– Где ты? Я пришлю машину, если нужно.

– Не стоит, я в безопасности. И довольно далеко. Завтра снова выйду на связь. И советую подумать вот о чем. Если Аллу захватит кто-то из твоих компаньонов, передай, что напрасно. Она ничего в этом деле не значит. Те вещи, что лежат в ее сумке, без меня и цента не стоят. Чтобы был толк, нам все равно нужно в Москву. Обязательно – вдвоем. Если ее отпустят, я зла держать не буду. Сочту за недоразумение. А шантажировать не советую, может плохо кончиться...

– Игорь, о чем ты говоришь, при чем тут мои друзья? У нас ведь был честный договор...

– Я все сказал. Поразмышляй на досуге. А я сейчас проигрываю другие варианты, кое-какие возможности у меня есть, ты должен знать. Если на тебя выйдут похитители –

потребуют выкуп, а это возможно, других знакомых у Аллы здесь нет, – ты заплати. Потом сочтемся. Вот пока все. Привет...

Нет, на их месте в самом деле лучше бы отыграть назад. На что они рассчитывают? Со мной ведь действительно проще было решать дело полюбовно. Если Панин понял намек (а он должен был понять, я не раз упоминал о тесных связях с Галактической службой безопасности), то сообразит, что проблематичная пока выгода возможных неприятностей не компенсирует.

Ночевать я вернулся в порт. Как-то мне там казалось спокойнее. Близость моря, топография окрестностей, само здание...

В правом крыле размещалась автоматическая гостиница Хадсона, как они есть в любом подобном месте, где возможны скопления больших масс транзитных путников. Обычно, впрочем, хадсоновские отели называют ночлежками, и приличные люди ими не пользуются, но меня это сейчас не волновало.

По обеим сторонам трехъярусного зала тянулись сотни одинаковых овальных дверей. Как в камере хранения или благоустроенной тюрьме. На некоторых горели красные лампочки, но на большинстве – зеленые. Полумрак, тишина, довольно тоскливо и неудобно. Пройдя почти до конца, я поднялся на второй ярус и постоял минут десять, ожидая, не появится ли кто подозрительный у входа. Но – никого.

Сунул в прорезь двери с номером 723 край кредитной карточки. Щелкнул замок, зеленый огонек сменился красным.

Само по себе обиталище приличное, но не для страдающего клаустрофобией. Тамбур, в котором едва можно было стоять, не сгибаясь, площадью метр на метр, справа за шторкой умывальник и туалет такого же размера, прямо – спальная ниша. Водяной матрас, кондиционер, телевизор, плафон над изголовьем. За стеклянной дверцей мини-бар и кнопка вызова дежурного на случай чего-то непредвиденного. И все. Достаточно, чтобы провести ночь одному или вдвоем, как угодно.

Раздевшись, я выпил пару рюмок коньяку, включил местный канал TV. В программе «Шериф информирует и предостерегает» ничего, имеющего отношение к исчезновению Аллы или моим подвигам, не сообщалось. Неопознанных женских трупов за сутки также не появилось. Да я и не сомневался, что тут другой случай.

Погасил свет. Тишина, как в космосе. И сна – ни в одном глазу. Стимулятор плюс естественное перевозбуждение. Думать связно тоже не получалось, мысли разбегались, в голову лезла всякая ерунда.

Пришлось вновь прибегнуть к помощи бара. Выбор напитков был как раз в меру уважения фирмы к постояльцам. Я откупорил стограммовую бутылочку калифорнийского бренди, запил горьким тоником и лишь после этого плавно соскользнул в сумбурный и вязкий сон.

Утро началось неприятно. Бреясь, я с тоской думал, что ничего хорошего мне не светит, только под влиянием возбуждения и азарта можно было надеяться на победу. Алла неизвестно где, и состояние ее, наверное, еще хуже моего, и может быть, правильное всего было б на самом деле поехать в консульство, все рассказать, сделать заявление для прессы и пожить на благоразумие похитителей.

Вдобавок в обойме пистолета осталось всего три патрона. Я давно не имел дела с огнестрельным оружием и забыл, что следует считать выстрелы и беречь боеприпасы.

Найти же патроны к антикварному «штейеру» вряд ли удастся.

И тем не менее в самой глубине души шевелилась необъяснимая логикой надежда, что как-нибудь все образуется.

Я поднялся вверх, постоял у балюстрады, откуда открывался вид на затянутые легким туманом Золотые ворота, мост, гигантское волнующее пространство залива, и почувствовал

сосуший голод. По-настоящему я не ел уже больше суток. Только спиртное, кофе и стимуляторы.

На открытой веранде рыбного ресторана из десяти столиков был занят лишь один. Я сел, чтобы получше был виден пейзаж, заказал ассорти из морских гадов и только потом уже обратил внимание на своих соседей. А они этого заслуживали.

Их было двое, мужчина и женщина. Заинтересовала меня, в первую очередь, конечно, она. Мало сказать, что она красива. Просто я таких женщин не видел никогда. Ни в жизни, ни на экране, ни во сне. Может, только Заря, девушка с Крюгера, к ней приближалась по своим данным. Но то ведь был, кажется, фантом.

Я читал, что кто-то экспериментировал с наложением образов, и в итоге, при использовании нескольких тысяч прототипов, получался портрет женщины, которая казалась абсолютной красавицей любому. Сравнить бы тот артефакт с дамой за соседним столиком.

И еще в ней было то, что модельеры называют «супер», – неброский, необъяснимый словами, но очевидный шарм.

Причем следует отметить, что я весь был поглощен мыслями о судьбе Аллы, то есть отнюдь не расположен, разинув рот, бежать за любой более-менее привлекательной женщиной. Даже несмотря на синдром длительного воздержания.

Одета она была во все белое, простое по замыслу, но удивительно ей идущее... Ровно настолько, как нужно, открывающее и длинные загорелые ноги, и высокую шею, и руки, украшенные массивными браслетами.

Тонкий прямой нос, надменного выреза губы, не делающие, впрочем, ее облик слишком уж неприступным, роскошные пепельные волосы. Но главное – глаза! Огромные, небывалого фиалкового цвета. У меня даже холодок пробежал по телу от восхищения. И другого, более сложного чувства. Будто и зависть, и тоска, и мгновенная платоническая влюбленность, и готовность к преклонению. Вот именно. А я ведь никогда эдаким уж Казановой не был, женским чарам поддавался с трудом.

Даже в более, чем сейчас, безмятежные времена.

Честно сказать, подобное я испытал, когда впервые увидел Аллу. Но сейчас эффект был даже сильнее.

Спутник прекрасной незнакомки ничего особенного собой не представлял. Ну, высокий, крепкий, следящий за своей формой, тоже очень загорелый, одет, как богатый яхтсмен, в светло-синие брюки и белый блейзер с бронзовыми пуговицами, лицо вполне правильное и располагающее, но все же... Подобных мужиков девять на дюжину, а ТАКОЙ женщине нужен был другой кавалер. Не знаю, какой именно, не мое это дело, но – явно другой.

Наверное, я слишком уж бестактно на них смотрел, потому что женщина наклонилась к спутнику и что-то тихо ему сказала. Как я понял, в мой адрес. Не разбирая слов, инстинктивно, по тональности и артикуляции, догадался, что говорили они по-русски.

В первый момент меня это неприятно поразило. Слишком напомнило встречу с Паниным. Возможно, Алла тоже на него подействовала, как на меня сейчас незнакомка, с чего все и началось.

Упаси меня бог от подобных соотечественников.

Но, с другой стороны, во Фриско обширная русская колония, ничего обычного в факте русской речи нет.

А если они не просто соотечественники, а земляки из России, то чем не повод? Узнаю чуть больше о сказочной красавице, да и время скоротаю, все лучше, чем сидеть и терзаться дурными предчувствиями.

– Простите великодушно, – сказал я, обращаясь к мужчине, поднявшему на меня благожелательно-любопытствующий взгляд, – я журналист из Москвы, слышал, что вы по-

русски говорите, и мучаюсь, наши вы или местные. Такая у меня профессиональная слабость – разгадывать людей.

Они переглянулись. Мне показалось, что женщина чуть заметно качнула головой, будто предостерегая спутника.

Но он не внял.

– Ну и как, что решили?

– Вот именно, ничего определенного. Обычно я легко угадываю, а тут осечка. Отчего и подошел, не считите за нескромность...

– Ради бога. Присаживайтесь к нам, пообщаемся... на чужбине. Шампанского хотите?

– Хочу, – сказал я, сразу почувствовав себя легко. И все же ощущение какой-то странности от разговора осталось.

Я представился. Он назвал женщину – Ирина, и себя – Новиков Андрей.

– Мы, видите ли, путешествуем. Вокруг света. На яхте. Дома не были довольно давно. Вчера пришли сюда. Через пару дней – дальше... И как там сейчас, на Родине?

«В каком смысле?» – подумал я, а он уже продолжал:

– Мы в море новостями не интересуемся, отдыхаем от всего. Как бы отшельничаем. Знаете, вроде Летучего Голландца. Раз в столетие он сходил на берег на одну ночь, а с рассветом снова в путь.

– Забавно. Я почти в том же положении. Полгода-год в космосе, и когда возвращаюсь домой – словно в чужой стране... И тоже яхтсмен. Не раз мечтал, как вы... Яхта. Южные моря, полгода без захода в порты... Только постоянно что-то мешает... Однако на днях все же прогулялся... В тайфун «Элли» влетел. Еле выбрался. Вы не с веста шли?

– С веста. И краем он нас тоже прихватил...

Минут пять мы с увлечением говорили о тонкостях хорошей морской практики, вспомнили и Джека Лондона, и Чичерстера, и Завьялова, а он еще и неизвестного мне Лухманова, который тоже принадлежал к настоящим марсофлотам, по словам Андрея, и много интересного написал о парусных плаваниях.

В чем мы еще сошлись, к взаимному удовольствию, так это в оценке последней книги Фолсома «Феноменология альтернативной истории». Он ее купил в Вануату и как раз на днях закончил читать.

Вообще говорить с ним было интересно и слушать неустойчиво, что большая, замечу, редкость.

При этом я мог вволю смотреть на Ирину. Она в разговоре не участвовала, больше рассматривала панораму города, но время от времени вставляла не слишком тривиальные замечания. «Умная вдобавок, – подумал я, – а при такой красоте это перебор. А может, наоборот, как раз при такой немыслимой красоте неизбежен и интеллект. Если считать красоту знаком высшего совершенства».

Через полчаса мы уже чувствовали себя почти как старые знакомые. Они пригласили меня составить им компанию в экскурсии по городу, а затем отобедать у них на яхте.

Я заколебался, и тут Ирина вдруг спросила, что меня так гнетет? Она, мол, это чувствует, я словно время от времени отключаюсь, что-то меня очень беспокоит. Андрей тоже посерьезнел, сказал, что сразу это заметил, отчего и пригласил за свой стол, решив, что вот человеку плохо и надо помочь ему справиться с депрессией.

Неужели я так разучился владеть собой? Но ведь все наоборот, и, пусть это и стыдно, беседуя с ними, я почти не вспоминал об Алле. И впервые мелькнула мысль, что вдруг на самом деле я Аллу не люблю, что это так, привычка, а еще – затянувшаяся на годы тщеславная гордость победителя?.. И она все время это же чувствовала, отчего и вела себя так непредсказуемо...

Под влиянием неожиданного сочувствия моих новых знакомых и собственных эмоций я неожиданно и безрассудно, словно мало жизнь меня учила, взял и рассказал им, не все, конечно, а только то, что касалось похищения Аллы и связи этого с некими секретными разработками. Просто для облегчения души.

Андрей помрачнел, а Ирина поджала губы и вновь, как мне показалось, сделала неуловимый отрицательный жест.

– Интересно, – словно отвечая не мне, а своим мыслям, протянул Андрей. – И вы надеетесь достойно из вашей истории выпутаться?

– Соображаю... Есть наметки, варианты кое-какие. А вообще, конечно, кисло...

– Если б вы обрисовали все поподробнее... – с сомнением начал он, а Ирина не выдержала и сказала открытым текстом:

– Андрей, ну о чем ты? Зачем обнадеживаешь человека? Да в конце концов у нас и времени совсем нет...

На что он ответил замысловато и с усмешкой:

– Ну, не человек для субботы, а суббота для человека... Тем более что уже были прецеденты...

Лицо у нее стало не то чтобы недовольное, а скорее озабоченное. Вздыхнув, она протянула руку, и Андрей тут же извлек из кармана большой и тонкий золотой портсигар с искрящейся алмазной монограммой. Ирина взяла длинную сигарету, прикурила от встроенной в портсигар зажигалки, медленно выпустила дым через тонкие ноздри.

Мне вдруг приоткрылась какая-то интересная сторона их взаимоотношений.

– Ничего, ничего, Ирок, случай-то больно интересный...

Непонятно, что он тут мог найти интересного? Не зная предыстории. Без нее все как раз в высшей степени банально.

– Я, конечно, располагаю весьма ограниченными возможностями, – сказал он, помолчав. – Но, кажется, мог бы оказаться вам полезен. Особенно если вы поделитесь со мной тем, о чем пока старательно умалчиваете... Какая, например, связь между вашей профессией, морским путешествием, похищением Аллы в чужом для вас городе и нежеланием обращаться куда следует?

Я вновь насторожился. А что, если разыгрывается просто очередной тайм? Вполне можно вообразить, как напуганный моими словами Панин срочно изменил тактику и вместо вечерних головорезов подставил мне эту милую пару. Вопрос только в одном – как такое осуществить практически? Я ведь не обязан был приходить в этот именно ресторан и прибивать со своим странным предложением познакомиться к абсолютно чужим людям. Разве что вновь обратиться к сфере сверхъестественного...

Не найдя подходящего ответа на вопросы Новикова, я ограничился признательностью за сочувствие и обещание помощи, присовокупив, что как раз сейчас мне необходимо мчаться на архиважную встречу. Но если уж они проявили ко мне искреннее участие, то я непременно дам о себе знать при любом исходе. Кроме крайнего. И если вдруг что – ловлю на слове, – попрошу посильной помощи. Постарался сказать с юмором – если возникнет необходимость уносить ноги, а иным способом это окажется невозможно.

Ирина не стала скрывать удовлетворения таким исходом, а Андрей, похоже, испытал разочарование, как болельщик, которому не дали самому сесть за игорный стол.

– Что ж, и мы, и наш «Призрак» к вашим услугам... Пару суток здесь еще побудем. Добро пожаловать.

И он показал мне в сторону Золотых ворот, где левее Голден-гейт-бриджа в миле от берега виднелся, словно вырезанный из полупрозрачного пластика, силуэт парусника. Похоже – трехмачтовая шхуна. Без бинокля и против солнца подробности не рассмотреть.

Мы стали прощаться, и я подумал, что, наверное, ошибаюсь в своих подозрениях. Мало того, что трудно представить женщину с таким лицом и такими глазами, выполняющую черновую работу у всякой сволочи, ее произвольные реакции показывали, насколько она не заинтересована в нашем контакте. Да и в поведении Андрея легко читается скорее благородный азарт, нежели злой расчет.

...Магазин, названный в рекламе лучшим оружейным в Калифорнии, таким и оказался. Он сочетал в себе признаки небольшого, но богатого арсенала, музея и клуба для настоящих мужчин.

В застекленных витринах красовались образцы оружия, начиная с первых «кольтов» и «винчестеров», на втором этаже клиентов ждал стилизованный под салун уютный бар, где члены Национальной стрелковой ассоциации, равно как и все желающие, могли за чашкой кофе и стаканом виски побеседовать о любимом предмете, полистать свежие каталоги и номера «Солдата удачи», а также предложить свои услуги организациям и частным лицам, нуждающимся в парнях, которые знают, что делать по любую сторону от мушки.

В секции легкого стрелкового оружия продавец, внешностью и манерами похожий на полковника морской пехоты в отставке, поприветствовал меня легким наклоном головы и осведомился, чем может быть полезен.

Я положил перед ним патрон.

– Мне нужно полсотни таких же. Это возможно?

Полковник повертел патрон в пальцах, взглянул мельком на маркировку.

– «Штейер»... Проще было бы предложить вам купить новый пистолет. А если вы любитель старины, то «маузер» или «борхарт-люгер» все равно обойдется вам дешевле.

– Я пока спросил – есть ли у вас именно это?

Он пожал плечами, подбросил патрон, как монетку, поймал и поставил передо мной на прилавок.

– Подождите... – ушел в глубь магазина, заметно приволакивая левую ногу.

Не было его довольно долго. Я вообразил, как он, бормоча проклятия, бродит между стеллажами, роется в зеленых, окованных металлом ящиках, спотыкается о лафеты безоткатных орудий и пулеметные станки. Мне даже стало неудобно, что я так обременяю своими прихотями почтенного пожилого человека.

Когда он вернулся, лицо его выражало сдержанную радость. Он положил передо мной синюю лакированную коробку.

– Прошу вас, сэр. Если фирма «Говард и Клайд» обещает, она держит слово. Не думаю, что кто-то еще смог бы вам помочь. Здесь сто штук. Этого достаточно или возьмете еще? Запасы ограничены, и новых поступлений не ожидается, как вы понимаете. Нет спроса...

– Благодарю. Пока хватит. Но теперь я всегда буду обращаться только к вам.

– Разумеется, сэр, лучше нас настоящего стрелка никто не обслужит. Вы представьте, на днях пришел человек, который заказал патроны к винтовке «бердан номер два». И что вы думаете...

Я готов был поддержать разговор и порассуждать о сравнительных качествах винтовок и патронов, а также обо всем, к этому относящемся, но внезапно остро ощутил за спиной присутствие Артура. Со всеми сопутствующими симптомами.

Обернулся я довольно резко. И ничего не увидел. Но не проходило мерзкое чувство, как будто тонкие холодные пальцы касаются не только затылка, но и обнаженного мозга.

И вместо всего, что я хотел ответить продавцу, я спросил:

– Не знаете ли вы случайно, где можно заменить в нескольких патронах пули на серебряные?

На мгновение его лицо дрогнуло. Кажется, я уловил мысль: «Я думал, пришел серьезный любитель оружия, а оказывается...»

Однако ответил он с прежней суровой любезностью:

– Вопрос не по нашей части. Но адрес я вам скажу... Да, знаете, что... Я не специалист по вашей проблеме, но мне кажется... Зачем цельносеребряная пуля? А если нанести покрытие – ноль один, ноль два миллиметра? Эффект в принципе должен быть тот же... Или тут важна критическая масса? Как вы считаете?

Похоже, тема его заинтересовала. Как человека, всю жизнь занимавшегося своим ремеслом и вдруг увидевшего в нем абсолютно новую грань.

– А может, дело в баллистике?

– Я с удовольствием обсудил бы с вами все аспекты, но пока сам имею о них поверхностное представление. Может быть, позже...

– Заходите, интересно узнать, что у вас получится. Например, мистер Джонсон-младший, возвращаясь с очередного сафари, всегда делает у нас сообщения...

Жаль, что я не мистер Джонсон.

...По названному адресу я пришел не только потому, что слишком уж испугался тени Артура за спиной и уверовал в силу серебряных пуль как способа борьбы с нечистой силой, но и по привычной склонности к изучению альтернативных вариантов. К тому же я имел достаточно свободного времени, провести которое иначе не видел возможности.

Салон на Оук-стрит оказался заведением совсем другого рода, чем оружейный магазин. И по интерьеру, и по стилю обслуживания.

Я с искренним интересом рассматривал бесчисленные приборы, устройства и средства, предназначенные для борьбы с представителями потустороннего мира, отправления самых фантастических культов и обрядов.

Какой же мощный интеллектуальный потенциал привлекается для изобретения и производства подобных штук...

Самодовлеющая система. Чтобы все это продавать, нужна соответствующая индустрия пропаганды всяческой чертовщины и оккультизма. С чего и кормятся миллионы людей.

Как только я приблизился к интересующему меня отделу, ниоткуда возникла старший эксперт мисс Нора Шелтон, как значилось на ее нагрудной карточке. Высокая, рыжеватая, в веснушках. Происходившая, судя по ее внешности, непосредственно от кельтских жрецов, или как там их называли – друидов?

– Поделитесь с нами вашей проблемой, и мы постараемся вам помочь, – она повлекла меня в удобное кресло возле работающего дисплея, по которому бегали разноцветные кривые.

«Почему бы и нет? – подумал я. – Вообразим, что мне пришлось попасть на прием к врачу. Причем не к нашему, культивирующему традиции старинных земских медиков, деликатных гуманистов в чеховских пенсне, а именно к американскому, которого не нужно стесняться и который сам всегда предельно откровенен, изъясняясь примерно так:

«Раздевайтесь, на что жалуетесь, так, ясно, у вас неоперабельный рак, примерная дата смерти такая-то, если будете принимать вот это, проживете на полгода дольше. Одевайтесь».

Стараясь быть сугубо конкретным, я сообщил:

– Меня преследует зомби. Огнестрельное оружие с обычными пулями на него не действует, хочу попробовать серебряные пули, можете ли вы их изготовить под предлагаемый боеприпас? До сих пор мне удавалось от него спастись, но он как-то узнает о моем местопребывании, и все начинается сначала. Пока он меня потерял. Как быть дальше?

– Благодарю вас, все понятно, – пальцы ее запорхали над сенсорными полями компьютера.

– Зомби? Африканский, гаитянский? Где вы с ним встретились впервые? Не путаете ли вы его с инкубом, вампиром, сомнамбулой?

– Зомби у меня европейский. Даже точнее – русский. Факт смерти подтверждается документально. Воскрешения – тоже. Пистолетная пуля сбивает его с ног, но не более...

Мисс Шелтон работала на компьютере, как пилот космолана при аварийной ручной посадке.

– Сложный случай, – сказала она. – Не укладывается в обычные схемы.

– Возможно, потому, что я хуже ваших постоянных клиентов знаком с первоисточниками? – вышло грубовато, как бы намек на некое шарлатанство. Не умею я общаться со специалистами из сферы чуждых идеологий. То прорицателя задел, теперь эту...

А ведь мисс Шелтон куда как любезна и доброжелательна, за что ее обижать?

Однако она не уловила иронии.

– Мы умеем работать с любыми клиентами... – и продолжала задавать вопросы, быстрые и подчас неожиданные, как на тотальном тестировании.

Закончив сбор информации, она убрала со лба прядь отливающих старой медью волос.

– Достаточно. Полную распечатку вашего случая и все рекомендации мы сможем выдать вам завтра... Устроит?

– Ради бога. Но как насчет серебряных пуль? Я-то подожду, а зомби?

Она посмотрела на меня с сомнением.

– Вы уверены? Ну хорошо, покажите образец...

Я подал ей патрон. Она кивнула.

– Дайте остальные. Будет готово через час.

Оказывается, у них тут целый комбинат.

Когда она вернулась, я не сдержался. Девушка-то на вид вполне здравомыслящая.

– Скажите, Нора, а вы-то сами в это верите?

Ее зеленоватые глаза с желтыми искорками взглянули на меня очень внимательно.

– Мы не психиатры. Мы должны верить нашим клиентам...

В ожидании своих патронов я побродил по салону и увидел массу интересного. Например, изготовленный в виде массивной трости пружинный арбалет, стреляющий аккуратными осиновыми кольями, распылители меловой суспензии для нанесения защитных кругов, аэрозольные баллончики со святой водой, кристаллы с записями молитв и заклинаний на любых языках и для любых конфессий, индикаторы нечистой силы, складные пентаграммы и множество иных средств нападения и защиты, исполненных с учетом новейших достижений эргономики и технической эстетики. А также огромный выбор справочной и библиографической литературы.

Вручая мне патроны со свеженькими, блестящими головками пуль, любезная мисс Шелтон заботливо предупредила:

– Имейте в виду, наши специалисты очень сомневаются, что серебро эффективно против истинных зомби. Но если вы из России, то там эндемичны вурдалаки. На них серебро действует... Думаю, вам повезет... Не забудьте зайти завтра.

– Даже если только для того, чтобы увидеть вас...

Глава 16

Остаток дня я провел на заросшем соснами и можжевельником обрывистом склоне Голден-Гейт-парка, наблюдая в специально приобретенный панкратический бинокль за яхтой «Призрак». Название-то к случаю пришлось. Совпадения, бывает, если начнутся, то косяком идут.

Мало сказать, что яхта мне понравилась. Этот двухсоттонный примерно парусник, оснащенный как трехмачтовая гафельная шхуна, великолепно имитировал лучшие образцы деревянного судостроения конца девятнадцатого века. И стоил, очевидно, сумасшедших денег. Работа, безусловно, штучная, ручная. Насколько я знаю, подобные вещи сейчас делают только в Глазго и Корсакове.

Узкий белоснежный корпус с зеленой подводной частью, длинный бушприт, чуть склоненные назад мачты, гладкая палуба с застекленной рубкой на полуюте, точеные балясины трапов и леерных стоек... Сколько я ни смотрел, не смог заметить никаких анахронизмов и нарушающих строгость конструкции деталей.

Я изучил все подробности архитектуры и оснастки «Призрака» так, что при необходимости мог бы ориентироваться на палубе в полной темноте.

Ближе к вечеру на вишнево отсвечивающем полировкой бортов моторном вельботе к яхте подошли Андрей с Ириной.

Меня и раньше удивило, что экипажа на «Призраке» не было. Очевидно, хозяин предоставил своей команде выходной, но чтобы отсутствовал даже вахтенный?! Андрею самому пришлось заводить тали и поднимать вельбот на шлюпбалки. Впрочем, получалось у него все очень профессионально, как у настоящего марсофлота.

И еще я пережил волнующие минуты, когда Ирина, спустившись вниз, через короткое время вернулась на палубу в одних лишь микроскопических плавках и устроилась с толстой книгой в шезлонге на ходовом мостике.

Новиков же, будто и не замечая ее присутствия, переделался в грязноватые шорты и, открыв кормовой люк, занялся регулировкой механического рулевого привода.

Я, как уже говорилось, за долгое время, проведенное вдали от Земли, основательно отвык от вида неприкрытого женского тела, реагировал на него чересчур эмоционально, и Алла отнюдь не успела восполнить дефицит подобных впечатлений. Но только этим не объяснишь того гипнотического воздействия, что на меня оказала заполнившая все поле зрения бинокля Ирина.

В конце концов не мальчишка же я, млеющий от всего, что чуть выше коленок. Тут снова срабатывал фактор, не позволявший раньше оторваться от созерцания ее лица. Нечто запредельное, необъяснимое в категориях формальной логики и психологии. Словно бы враг рода человеческого рассчитал все соотношения размеров, каждый изгиб и линию этого чуда природы на погибель нашему брату...

И ведь лежала она на прогнувшемся под ее весом полотенце так, будто не просто отдыхала на безлюдной палубе, а позировала для художника или мастера эротической голографии. Если моя Алла довела Панина до исступления, то что бы с ним случилось, попадись ему на глаза Ирина? А ведь вроде бы анатомически они вполне аналогичны. Тут мне и пришла в голову дикая мысль, что Ирина не просто женщина, а, как в свое время Заря, биомодель, созданная для каких-то тайных целей.

Чтобы разубедить себя, я оторвал от глаз бинокль и тут же ощутил острый дискомфорт. Но одновременно увидел, что солнце успело до половины скрыться за горизонтом. Так сколько же мое созерцание продолжалось?

Не помню, где я читал насчет предмета, который полностью парализовывал волю человека, начинавшего его ощупывать. Осязательный наркотик. А Ирина – зрительный. Так, может быть, вот в чем ее истинная роль, для этого ее мне и показали. И те, кто это сделал, пребывают в полной уверенности, что теперь я на поводке и никуда от нее не денусь...

Так и буду крутиться поблизости, пока не возьмут меня голыми руками.

Я сложил бинокль, сунул его в футляр и резко поднялся. Ничего у них и сейчас не выйдет. Недооценивают они Игоря Ростюкина!

...Переехав по мосту в Окленд, я дозвонился до Панина. Ждал он меня, ждал и нервничал, это было понятно сразу. Говорил я с ним по видеоканалу, и лицо его выдало.

– Ты с ума меня сведешь, – облизнул он губы. – Не надоело Солка изображать? Зачем ты монитор закрыл?

– Солк – это кто? – спросил я с интересом.

– Солка не знаешь? Ах да, действительно. Персонаж видеосериала, неуловимый мститель...

– Что ж, подходит. А прикрыл я объектив затем, чтобы ты или кто другой не видел, где я и кто со мной рядом. Не время...

– Слушай, – лицо его стало напряженно-злым, – давай начистоту. Я тут действительно ни при чем. Согласен, доля моей вины есть... Что не послушал тебя. Но я хотел как лучше. Откуда мне было знать, что среди вполне надежных людей окажется... такой... Короче, кое-кто решил сыграть в одиночку. У нас так обычно не делается, бизнес ведется честно. Но уж больно большими деньгами запахло. Да и не деньги тут главное. Сам же понимаешь...

– Каяться будешь перед смертью, а сейчас дело говори. Ну...

– Вот тебе и «ну»... За ночь этот кое-кто все обдумал и послал своих ребят. Они собирались взять вас обоих, привезти в известное место и договориться... сепаратно. Вреда никто вам причинять не собирался. Просто... предложили бы сменить флаг. Возможно – за большую плату. Проиграли бы только мы. Но ты все спутал. Я тоже ничего не знал, клянусь. Когда ты позвонил, я был поражен и действительно направил ребят, чтобы помогли. А они опоздали. Зато ты сумел заставить тех людей запаниковать. Они обратились ко мне. Не буду пересказывать, о чем шла речь, но... Меня убедили. Нашлись способы. Как и твою Аллу, кстати...

– Врешь, – только и сказал я.

– Зачем мне врать? Нет, с ней все в порядке, никакого насилия, но... Выхода у нее не было. Она ведь всего лишь слабая женщина. Она выдала все записи и рассказала, что на самом деле никаких людей в Москве нет. Только вы двое... На этом все могло и кончиться. Ты оказался не нужен. И Аллу бы они сразу же отпустили. С хорошими деньгами. Куда дешевле, чем убивать. Они же вполне законопослушные деловые люди. И опять ты все испортил. Тебя ведь уж и искать прекратили... Не знаю, что ты сделал с пленками, и Алла не знает, только недавно со мной говорили... очень плохо.

Я видел, что он скорее всего не врет. И его версия мало расходится с моей, разве что в деталях. Слишком у Панина было отчетливо все на лице написано. На фоне растерянности и обиды – злость. Он меня ненавидел. За все. И что дело верное сорвалось, и что пришлось от кого-то испытать унижение, возможно, – не первое... И что сейчас он выглядит передо мной подлецом и трусом, а не тем, что раньше, великим Майклом. Тут в нем славянство прорезалось, перед своими ему бы так стыдно не было...

– Плохо держишься, драйвер, – сказал я с издевкой, – ты же сам этого хотел... А выходит, кусок больше рта оказался.

– Сам-то не очень геройствуй, – огрызнулся он. – Куда ты денешься? В Москву бежишь? И там найдут. А Алла? Бросишь? Я бы подобрал, только она пока еще тебя забыть

не хочет... Если б захотела, всем лучше б стало. А пока ты бегаешь, ее ведь не отпустят. А далеко убежишь – совсем станет плохо...

– Не твоя забота...

– Увы, и моя тоже. Я ведь к вам обоим по-прежнему хорошо отношусь. И все еще можно исправить...

Я подумал, что разговор слишком затягивается и группа захвата, возможно, уже на подходе.

– Стоп. Я меняю позицию. Позже договорим...

– Да хватит тебе бегать! Неужели еще не понял? Сейчас они все силы в дело бросили, их люди город перекрыли, полиция подключена и многое другое... Через час тебя по всем экранам покажут как опасного преступника в розыске... Деться тебе совершенно некуда. Я откровенно говорю... И предупреждаю по-дружески – никаких глупостей не делай... Вполне возможно – при попытке к бегству...

– А уж вот это – хрен! Я ж вам живой пока нужен... – отвечая и храбрясь, я понимал, что он прав и гулять мне недолго, если...

– Вот почему мне и поручено передать: ты возвращаешь перезапись, она при тебе, это известно, Алла уже сказала. Взамен получаешь деньги вместе с женщиной – и свободен. Само собой – отказываешься от всех претензий. Ей-богу всем будет лучше. Умей проигрывать. Бери такси и езжай сюда. Я все сказал...

– Какая же ты сволочь, – процедил я. – Если даже сдамся – где гарантии?

– Гарантии... Мое слово, если угодно. Пусть даже я тот, что ты думаешь, но не настолько же... Повторяю, не нужен ты им... Мало в истории случаев, когда люди не только свои, а государственные секреты продавали, – и ничего, жили и благоденствовали... Что ты за фигура такая, чтоб из-за тебя руки и совесть пачкать? А что ты партнер серьезный и уважения заслуживаешь, ты уже доказал.

– Ну, разболтался... Кончили. Я с тобой буду после разговаривать. И не думай, что легко отделаешься. Мне кое-что обдумать надо и подстраховаться. Не забыл, на что я намекал?

– Не делай этого, Игорь, умоляю. Тебе даже они не помогут. Сам пропадешь и девчонку погубишь. Хотя бы ради нее...

– Подумай лучше, кто тебе поможет...

Я отключился. Пусть ждет и нервничает. Не все же только им людей пугать.

Пока мы говорили, успело окончательно стемнеть. Я прямо физически ощущал приближение опасности. И назло страху убежать, изображая обезумевшего зайца, не стал. А пересек улицу и сел за столик на веранде уличного кафе. Я находился во французском квартале, и заведение было вполне парижское, и гарсон, и меню тоже.

Не успел я сделать первый глоток божоле, как, завывая сиреной, через перекресток пролетела полицейская машина, навстречу – еще одна. Они блокировали квартал с обеих сторон, и тут же подскочил юркий желтый «Растрохеро» на гравиподушке, за ним, чуть поодаль, остановился микроавтобус без окон.

Не обманул Панин, работа пошла с размахом.

Из джипа выпрыгнул похожий на репортера парень в короткой пестрой гавайке, на плечевом ремне – массивный прибор, похожий на видеокамеру. Но, очевидно, другого назначения.

Он направил его на ту кабинку, из которой я звонил. Потом повел раструбом вдоль улицы. Я с такими штуками незнаком. На что она настроена? На запах, внешний облик, изучение маячка-опознавателя или мои биотоки?

Нас разделяли каких-то пять метров, и он, отступая назад и продолжая ощупывать окрестности, все приближался. Но сообразить, что объект спокойно сидит рядом, охотник, очевидно, не мог.

Я же, расстегнув пуговицу пиджака, ждал. Если он все же обернется и засечет меня, выход один – стрелять в упор, потом махнуть через низкий заборчик во внутренний двор, и, может, еще раз удастся скрыться...

Нет, конечно же, нет. Шансы нулевые. Вокруг десятков полицейских, по их сигналу другие патрули перекроют все окрестности. Возьмут с оружием в руках, и никому уже ничего не докажешь. Лучше просто сдаться...

Но внешне я оставался невозмутимо-спокойным, продолжая тянуть кисловато-терпкое вино, и, как все окружающие, с любопытством наблюдал за происходящим.

«Следопыт» уперся спиной в ограждение веранды, выругался и опустил камеру. Ничего не вышло. Добыча снова ускользнула. Он перекинул ремень камеры через плечо, повернулся. Мы встретились глазами. Я улыбнулся. Он, машинально, тоже, потом махнул рукой официанту.

– Эй, гарсон... два коньяка. Тройных.

Его напарник вышел из машины, и они, оперевшись о балюстраду, выпили.

– Проклятый кретин, – сказал оператор, – не мог подержать его на линии еще хоть пару минут.

Второй не ответил и длинно сплюнул на тротуар.

...Тихо спустившись в темную воду, я поплыл сначала на спине, чтобы не подставлять затылок угрюмому мраку берега, и лишь удалившись на сотню метров от скал мыса Сан-Рафел и огней городка Глен-Эллен, когда гребни волн и мгла туманной ночи надежно скрыли меня, перешел на брасс.

Вот чего я не предусмотрел днем, когда намечал свой курс и запоминал ориентиры, – на том берегу пролива сиял сплошным морем света Сан-Франциско, и на его фоне разглядеть с воды ночные огни «Призрака» было невозможно. А ведь спланировал я все вроде бы хорошо. Переехал по мосту на северный берег, по зарослям чаппареля вышел к намеченной точке, убедился, что вокруг ни души. Сверху яхта была видна отлично, ничего подозрительного на палубе не наблюдалось.

А сейчас меня охватил страх. В тумане я сойбьюсь с курса, течение пролива снесет меня в океан, а до утра в не слишком теплой воде не продержаться.

Надежда была только на Голден-гейт-бридж. «Призрак» стоял на якоре примерно на милю правее третьего с моей стороны пролета.

Тревога, близкая к панике, все нарастала, пока на исходе второго часа я наконец различил огни яхты и почти тотчас же – на фоне собственного шумного дыхания – услышал гулкие всплески, удары волны о корпус.

Держась за якорную цепь, я отдыхал и осматривался, пока не убедился, что ничего за последнее время на яхте не изменилось.

Если бы Андрей с Ириной решили вдруг провести ночь на берегу в каком-нибудь, положим, казино или дримклубе, включив сторожевую систему, положение мое ухудшилось бы до чрезвычайности.

Однако судьба мне по-прежнему благоприятствовала. Они были тут, вдвоем, наедине с тихоокеанской ночью, сидели в креслах под тентом на кормовом мостике, беседовали о чем-то или слушали доносящуюся до меня музыку...

Подтянувшись на руках по туго натянутой цепи, я достал до леерной стойки, перевалялся на палубу, полежал, обсыхая, на теплых досках. Потом вытряхнул из мешка свое имущество, натянул брюки и рубашку.

Вдруг из тамбура носового люка появилась громадная лохматая собачья голова. Я замер, ожидая, что зверь сейчас оглушительно залает, а то и молча вцепится в глотку. Но пес молча, как бы даже доброжелательно смотрел на меня. Поразительно, что я не обнаружил его присутствия днем, разглядывая палубу в бинокль.

Сохраняя достоинство, я медленно сделал первый шаг. Пес посторонился, пропуская меня, и зацокал следом по настилу здоровенными, судя по звуку, когтями.

Стараясь не запутаться в многочисленных снастях стоячего и бегучего такелажа, я выбрался на шканцы.

Да, моим новым друзьям нельзя не позавидовать. Звуки скрипки, плывущие над палубой, мягкий свет плафонов на стойках тента, накрытый для позднего ужина стол, серебряные горлышки бутылок. Вина ниже, чем шампанское, здесь, очевидно, не пьют. Времяпровождение людей, для которых вопрос – когда сниматься с якоря и куда идти дальше, на Фиджи или в Новую Каледонию – едва ли не самый сложный во всем обозримом будущем...

Пес лег под трапом, считая свою задачу выполненной, положил голову на лапы, не спуская с меня, впрочем, выпуклых блестящих глаз.

Кашлянув, чтобы тактично привлечь внимание, я постучал согнутым пальцем по полированным перилам и поднялся чуть выше средней ступеньки. Изображая всем видом, что вот, мол, вы меня приглашали в гости, ну я и заглянул на огонек. Попросту, без церемоний. Извините, если вдруг не вовремя.

Новиков, повернувшись в кресле, смотрел на меня с явным интересом, пожалуй, одобрительным. Можно подумать, что я подтвердил его ожидания. Вот-вот и воскликнет, обращаясь к Ирине: «А я что говорил?!»

Но ничего он не воскликнул, а привстал, наклонил вежливо голову и сделал приглашающий жест в сторону третьего кресла, стоящего чуть в стороне, у леерного ограждения.

Понять можно двояко, но я предпочел более решительный вариант. Взял кресло и поставил его к торцу стола, между Новиковым и Ириной.

Она, взмахнув длинными ресницами, перевела взгляд с него на меня, и губы ее дрогнули намеком на улыбку. И я окончательно успокоился.

Взял наполненный для меня бокал. Полусухое «Абрау-Дюрсо» смыло с губ жгучий вкус океанской соли.

– Вплывь? – сочувственно спросил Андрей. – Долго добирались?

– Часа полтора... С того берега, – я показал рукой.

– Нормально. Если рекордов не ставить. Видишь, Ирок, я не ошибся... – (Ну вот, хоть и с запозданием, а сказано!) – Игорь все же принял наше приглашение. Похоже, дела у него не очень. Настолько, что даже катер взять не потрудился. Некогда было? Или не на что?

– Скорее первое... И вас засвечивать не хотел, – я вновь почувствовал себя с Новиковым легко, как со старым приятелем. И спокойно, как раньше бывало в обществе командора Маркина. В том смысле, что и с тем и с другим можно расслабиться, сбросить с себя груз ответственности за принятие жизненно важных решений.

– И следует понимать, что во всем Западном полушарии помочь, кроме нас, оказалось абсолютно некому?

– Тоже недалеко от истины. Не могу не отдать должного вашей проницательности.

– Чего уж там, – простодушно улыбнулся Андрей. – Специальность у меня такая...

– Профессиональный защитник всех гонимых и обиженных, – в тон ему продолжила Ирина.

И опять мне захотелось излить душу, и немалого труда стоило удержаться хотя бы для того, чтобы «сохранить лицо». Никто не любит слабаков, даже если рады им помочь.

Новиков уловил мое настроение.

– Ну, что у вас за это время случилось? И чем сейчас могу быть полезен?

В нескольких фразах я обрисовал им ситуацию после нашего расставания. Ирина слушала меня с явным сочувствием, возможно, представив себя в положении Аллы. Новиков же рассеянно курил свою трубку, подливал шампанское, в нужных, на его взгляд, местах ободряюще кивал.

– Так. Понятно. Только вот беда, среди местной полиции или мафии у меня приятелей не имеется, собственных боевых отрядов тем более.

– Знаете, может, я лучше пойду? – сказал я, почувствовав себя ужасно глупо. – Извините, что нарушил ваше уединение...

– А вот это зря. Нельзя быть таким... обидчивым. Если уж начали... Не помню, кто сказал: «Бей в барабан и не бойся».

– Гейне, – подсказала Ирина.

– Точно, – согласился Андрей. – Но ведь какие-то соображения у тебя все-таки были, пока ты плыл сюда через ночь и туман? Вот и давай... – внезапно перешел он на «ты», и я принял это как совершенно естественный с его стороны шаг. Но и тут он оказался на высоте – поднял бокал и продолжил: – Давай на брудершафт, не люблю я этих церемоний...

– Да я и не собирался... обижаться. Тебе показалось. И просьба у меня вполне скромная. Во-первых – до утра воспользоваться вашим гостеприимством...

– А я вроде и не предлагал сразу после ужина за борт прыгать. Дальше...

– А дальше... По известным тебе причинам я не могу распоряжаться своими московскими счетами, а здесь у меня денег почти нет, да и появляться в людных местах... не стоит.

– То есть – нужны наличные?

– Именно. Но не только... Вот мои документы... Как только все кончится – рассчитаюсь. С любыми процентами... Новиков повертел в руках мою корреспондентскую карточку, посмотрел на голографию, на меня, протянул Ирине.

– Ну допустим. Сочтемся. Сколько?

Сначала я хотел попросить две, но в последний момент подумал, что вернуть долг могу и не сумею, и сказал – «тысячу». И тут же предупредил насчет возможной моей «неаккуратности».

– Ну, это не сумма... – при этих словах Ирина неизвестно чему улыбнулась.

– Что можно сделать с тысячей? Возьми хотя бы десять... А касательно прочего... «И отпусти нам долги наши, яко же и мы прощаем должникам нашим...»

Тут уже я опешил. Такая щедрость по отношению к совершенно незнакомому человеку... Странно как-то.

– Сам ты странный, Игорь, – ответил он на мои возражения. – У тебя похитили любимую женщину, есть шанс ее спасти, а ты о ерунде. Словно на серьезное дело идешь, тебе автомат с полным магазином предлагают, а ты скромничаешь: «Да ладно, да мне бы пару патрончиков...» Смешно. А если б я изъявил желание лично поучаствовать с определенным риском для меня, но с солидным шансом на успех, ты б тоже стал девочку изображать?

– Андрей... – тихо сказала Ирина.

– Ну что – Андрей? Впрочем, пардон. Я имел в виду, что нечего теперь по волосам-то плакать... Да, не та нынче пошла молодежь...

А сам старше меня, ну, лет на пять максимум, а может, и вообще мой ровесник, если сделать поправку на загар, обветренность и умудренный взгляд. И в то же время он чем-то неуловимо напоминал мне того двадцатилетнего московского архитектора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.